

Минги-Кая Элбурс

- Геннадий КОММОДОВ. Шимал Кавказда Совет Союзну биринчи Жигити. *Статья.*
- ТОЛГЪУРЛАНЫ Зейтун. Айыуташ. *Повесть.*
- Николай ИВАНОВ. Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре. *Повесть.*
- Шырдан бла Негер. *Нарт таурух.*
- ТОЛГЪУРЛАНЫ Бекмырза. Таулу учала.

1. 2019

НАРТ СЁЗЛЕ

* * *

Иги шорпа чырлы болур,
Керти кьууанч жырлы болур.

* * *

Иймансыз суугъа батып бара,
Аллахны атын айтып бара.

* * *

Ийнар айтсанг, чепкен кирир,
Айталмасанг, четен кюлюр.

* * *

Ийнеден ийнеклик эт,
Мюлкюнге иелик эт.

* * *

Ингирде эл ташлама,
Кечеде иш башлама.

* * *

Исси – жан кьалдырмаз,
Сууукъ – сан сындырмаз.

* * *

Исси кюнде – суу себеп,
Сууукъ кюнде – кьуу себеп.

* * *

Ит иеси – суюген жерге,
Бёрю – кьарын сьурген жерге.

* * *

Ит юреди, жел сьореди.

* * *

Ит озгъаннга чабар,
Кьозугъанны кьабар.

* * *

Ит – тойгъан жерине,
Эр – туугъан жерине.

* * *

Ит юрген юйге элтир,
От жарыкъ тюзге элтир.

Малкъар жазыучуланы суратлау-адабият, жамауат-саясат журналы

1958 жылдан бери чыгъады.

№ 1 (203) январь-февраль 2019 ж.

Учредители

ГКУ «КБР-МЕДИА»

Баш редактор
Додуланы А. Т.

Редколлегия:

Бешпайланы Муталип
Берберланы Бурхан
Гадийланы Ибрагим
Гуртуланы Салих
Ёзденланы Альберт
Ёлмезланы Мурадин
Джуртубайланы Махти
Зумакьулланы Танзиля
Мызыланы Къаншаубий
Османланы Хыйса
Созайланы Ахмат
Табакьсойланы Мухтар
Шауаланы Хасан

**ЭЛЬБРУС
МИНГИ-ТАУ**

НАЛЬЧИК – 2019

ШИМАЛ КАВКАЗДА СОВЕТ СОЮЗНУ БИРИНЧИ ЖИГИТИ

1919-чу жылны биринчи жарымында Бай-солтанланы Юсюпню юйюрюнде бир жашчык туугъан эди. Анга Алим деп атайдыла. Бек сей-ирибиз, ол сабий заманындан окъуна бийиклеге – таугъа, тѣшге – ѳрлерге бек суюгенди. Ала жашагъан жерден узакъ болмай, Чалман-Сырт деген жер барды. Билемисиз, Алим кюн сайын аны башына ѳрлеп, кесини кюнчюн, къарыуун сынап тургъанды.

Ол агъачы, кырдыгы болмагъан бийикликде сыртгындан жатып, сагъыш этерге, кѳкде боз булутланы бирге жокку болуп, дагъыда кѳк кенглигинде аланы жангы жолоучулукъгъа атлана тебирегенлерине къараргъа суюгенди. Кѳк бийиклигинде учхан къуш а бютюнда бек сейирсиндиргенди жашны. Ол анга къарап, къушну бийикликге кѳтюрген аны къанатлары болгъанына уа ишексиз эди. Къалай сукълана эди ол кѳк кенглигинде эркин учхан къушха.

Жашчыкъ кышхыда бузлагъан сууну юсюнде учаргъа бек суюгенди. Кѳбюсюнде таматала ишлеген агъач конькийле бла учханды. Аякъларында уа – чабырлары. Темир конькийле уа жаланда бир жашчыкъда бар эди – Мусукаланы Азнорда. Ол жашланы барысындан да жаш эди, аны ючюн болур эди, баям, жашланы барысы да аны бек суюгенлери. Аны конькийлери бла учаргъа суюгенлеге угъай демегенди Азнор. Конькийле бла учуп, Алим тенглерины барысын да хорлагъанды. Бузлагъан сууну юсюнде аны учханына къарап, тенглери анга бек сукъланнгандыла. Бир жол Алим таматала эркин этмеген жерде уча келип, бузну жарылгъан жеринден энишге ташайып, белине дери сууукъ суугъа батады. Ол кыйынлыкъдан къутулгъанлай, теркирек юйге жетиюню мадарын этерге керек эди. Алай Алим, конькийлени аякъларындан тешип, жолгъа чырмаусуз тебирегинчи ашыкъмайды юйге, бютюнда бек кесинден кичилеге чырмау болургъа суюмейди.

1930-чу жылда Яникойда колхоз къуралады. Яникой айныгуну жо-луна тюшеди. Адамлада болгъан иш кѳллюлюкню айтып тауусурукъ туююлсе. Эл Советни биринчи председателине Гелястанланы Зулкъайны айырадыла. Бѳлек замандан аны орунуна Гелястанланы Сагъытны айырадыла ол къуллукъгъа. Халкъ къууанды эллерине аллай тюз адам оноу этгенине. Алай миллетни жаулары аны къыралны жаууна санап, тутдуруп жибергендиле. Къайтмайды ол артха.

Сурат 1939–1940 жж. алынганды.

Байсолтанланы Алим экинчи тизгинде сол жанындан биринчиди

* * *

1935-чи жылда Яникойда школ ачылады. Аны биринчи устазы Ге-
лястанланы Шахидат болады.

* * *

Алимни сабий жыллары артда кяладыла. Ол Нальчикде педучили-
щеге окъургъа киреди. Жангы шуёхла, жангы тенгле Алимни кёп иги-
ликлеге кёллендиредиле. Бек къууаннганы: мында окъууун тамам этсе,
школда ишлерикди, сабийлеге билим берликди. Ма ол оюмда жашайды
яникойчу жаш.

Ол кезиуде Нальчикде аэроклуб ишлей эди. Алим ары жүрюп баш-
лайды окъургъа. Чалман-Сыртны башына ёрлерге термилиучю заманы
келип, аны къатында сюелгенин ангылайды Алим. Жашауну сейирлигин
да ол заманда ангылайды яникойчу жаш.

Нальчикни аэроклубунда эки жылы, Ейскийни аскер-тенгиз учи-
лищесинде окъугъан эки жылы да комсомолчу жашны Байсолтанланы
Алимни узакъ жолгъа атландырыргъа хазырлайдыла – Балтиканы кёгюне.

Балтиканы менме деген лётчиклери Белов, Володин, Антоненко
таулу жашха биринчи кюнден окъуна билеклик да, тенглик да этедиле.
Аланы командирлери Брынъко уа былай айтады:

– Алим, кёкге мени бла бирге учарыкъса! Къарындашчыгъым, бир
заманда да кёлсюзлюк этме, санга болушлукъ этерге хар заманда да
хазырма.

*Байсолтанланы Алим биринчи тизгинде сол жанындан ючюнчю.
1943 ж.*

Андан сора командир хар затны тынгылы юйретеди Алимге. Бек алгъа душман бла сермешиуню амалларын.

* * *

Къыркъынчы жыллада Яником да алчыладан бирине саналады. Элде жюзге жетип юйюр жашагъанды. Ол кезиуде колхозну да бек иги айныгъан кезиуо эди. Алай Ата журт уруш башланды – жашау тамыры бла тюрленди.

* * *

Уллу къыйынлыкъ къыралны хар шахарына, элине, юйюне бирча келип тирелди. Яником да къарап-къарагъынчы тозурады: жашла урушха кетдиле, къартла, тиширыула, сабийле хатерсиз къыйынлыкъны тюрбюне тюрдюле. Урушну биринчи айында бу элден 52 адам ёлгенди.

Байсолтанланы Алим Прибалтикада аты махтау бла айтылгъан авиация полкга тюршеди. Анда сынаулу лётчикле къуллукъ этгенлерине да къууанады таулу жаш. Уллу Ата журт урушну биринчи жылында Алим кесини самолёту бла кёкге юч жюз кере учханды, ол кезиуну ичинде душманны лётчиклери бла 50 кере сермешгенди. Кесини нёгерлери бла бирге 19 фашист самолётну агъызгъанды. Бу авиация полкку лётчиклери къысха заманны ичинде душманны кёп адамын ёлтюргендиле, аскер техникасын кюйдюргендиле, кемесин жокъ этгендиле.

Байсолтанланы Алимге фашистле бла сермешледе этген уллу кишилиги ючюн 1942 жылда 28-чи октябрде анга Совет Союзну Жигити

«Комсомольская правда» газетден. 08.05.1942 ж.

деген ат берилгенди. Аллаһ атха тийишли болган Шимал Кавказда биринчи адам эди Байсолтанланы Алим. Саулай кыралда уа онтогузунчу эди бизни Алим.

Алим кзуллуць этген авиация истребитель полкнун лётчиклери бир бирлери бла тенглик жюрютюуде, керекли сагъатда болушлукъ этерге табылыуда, душман бла туугъан кыралларыны эркинлиги ючюн, хорлам ючюн сермешген такыйкъада да унутмазга деген антларына кертчи болганлай тургандыла.

Бир жол Кузнецов, Кулешов, сора Байсолтанланы Алим аскер борчларын толтуруп, кеслерини аэродромларына учуп келе, тенгизде душманны неден эсе да ауур жюкленнген юч желпекли кемени эслейдиле. Бир бирлери бла кенгешип, олсагъат окъуна душман кемеле таба окъ-топ къуйдурадыла. Сёзсюз, алга душман кемеледен бизни лётчиклерибиз таба атылган окъла да кёз ачдырмай эдиле. Фашист кемеле кёп мычымай тенгизге батадыла.

Алим кёк кенглигин самолёту бла «ёнчелей», ары-бери уча, жангы сермешлеге хазырлана эди. Олсагъатда арталлыда акъылында болмаган затны эслейди жерде: къалын агъачны ичинде душман аскерни адамы кими атла бла, кими мотоциклетле бла жаяу жолчукъ бла къайры эсе да жан атып барганларын кёрюп, самолётун алаша учура келип, жерленип турган пулемёту бла юслерине от ачады. Фашистле, жан къайгыга кирип, чач-тюк боладыла, кёбюсю кырылады. Бир-бирлери мотоциклетле бла, кими атла бла къачып кьутулурга кюрешедиле. Алай Алим аланы да башха дунягъа ашырады.

Бизни Алим ол кюнню ишни кёп кере эсгергенди, тенглери бла хапарлаша келгенинде. «Атлагъа берген кыйынлыгымы уа чыртда унуталмайма», – деп болганды таулу жаш.

1943 жылда полкнун лётчиклери Байсолтанланы Алимге Балтиканы илячини деп атагандыла. Немецли лётчиклени да андан хапарлары болганды. Кёкде Алимни самолётун узакъдан окъуна таныгандыла. «Сакъ болугъуз, кёкдеги Байсолтановду!» – деп болгандыла.

Сёзсюз, Алим хар заманда кёкге учханы сайын кесини муратына жетмей кълмаганды. Алай бир жол а эсинден кетмезча жигитлик этгенди. Ол кюн ВВС-ни Балтика флотуну командующийиси кеси келеди быланы полкга. Олсагъатда Байсолтан улуну чакъырадыла штабха. Генерал Алимни эсин картада бир жерге бурады. «Былайга учхан лётчикни баш борчу недеди?» – деп сорады ол таулу жашха.

– Бусагъатда мычымай кёкге учуп, немецли фашистлени самолётлары болган жерни суратын алып къайтырга. Кечегиде ол суратны ишлеп, эрттенликде уа кёкге учуп, ол суратха кёре, фашистлени самолётларын кюл этерге. Тюз бусагъатда мен кёкге учарга хазырма!» – дейди Алим.

– Мен сенден башха тюрлю жууап сакъламагъаныма женгдиреме. Сакъ бол, Алим, фашистле мурдарлыкъ ишлерине хар такыйкъада да хазырдыла. Бу борчну сен тынгылы этеригинге ишексизме.

– Сау болугъуз, хазырма ол борчну тамамларгъа! Эркин этигиз, борчуму толтурургъа.

– Бар, жашым, бу кыйын да, жууаплы да жолоучулугъунда бет жарыкълы бол!

Алим душманны аэродромуну башына жетген сагъатда аланы аскер борчун толтуруп кыйтхан ахыр самолётлары да къонады аэродромгъа. Фашистле, тюз аэродромларыны башында учхан совет самолётну кёрюп, тынгысыз боладыла, аны агъызыргъа хазырланадыла мычымай. Алай Алим энишгеден-энишге учуп келгенин кёргенлеринде, ол кесин жесирге берлигине ийнанып, кюледиле, къууанадыла. Къоркъмай къонарыгъына белги береди. Ол хал а бек уллу онг берди Алимге борчун чырмаусуз толтурургъа.

Алай бла совет лётчикле эрттенликде фашистлени аэродромларын кюйдюредиле, тюп этедиле. Ма ол эди Алимни эсден кетмезлик жигитлиги.

Алим, лётчик тенгин жаш лейтенантны Алпатовну ёлюмден къутхарама деп, кеси замансыз жоюлгъанды! «Книга памяти» деген китапха къарагъаным сайын, Ата журт урушда уллу жигитлик этип жоюлгъан яникойчу жашланы атларына энчи эс бурмай кыймайма. Ма аланы бир къаууму: Габаланы Азрет, Алий, Битир, Бияз, Юсюп. Газаланы Адилгерий, Магомет, Мажир, Юсюп, Хамит, Хасан. Он адам белгисиз тас болгъандыла. Уруш жыллада яникойчу жашла къатышхан сермешлени санап тебиресек, ол бек узун тизме болур эди.

Бизни республикада Кыйчуланы Иосифни атын эшитмеген адам болмаз хазна. Урушда ол этген жигитликле халкъны ауузунда бюгюн-бюгече да жюрюйдюле. Ол деменгили адам полкнун тасхачылыкъ командири болгъанды. Кючюкланы Махмуд урушну аллындан ахырына дери аты жигитлени санында болгъанды. 27 жылны ичинде Яникойда школну директору болуп тургъанды, Яникой элни сыйлы инсаныды. Залийханланы Магомет, Мырзаланы Магомет, Аккайланы Далхат... – элни ёхтемликлери. Фронтчуланы барысыны атларын санап чыгъаргъа кыйынды – кёпдюле ала.

Ол кёчгюнчюлюк кыйынлыгъын сагъыннганым сайын, мени окъуна аркъа жиклерим къалтырайдыла. Урушдан сау къутулгъан таулу жашла уа, юйюрлерин излеп, Къазахстанны, Къыргызстанны эллерин, жерлерин кыдырып айланнгандыла. Не къадар огурусулукъ, ыспассызыкъ сынагъандыла тюзлюкню, адамлыкъны байрагъына бир заманда тасха тюшюрмеген халал халкъ.

1944 жылда 8-чи мартда адамсыз къалгъан эди Яникой. Ол жаз башында бахчала, сабанлыкъла къаран къалгъанлары, юйлени эшиклерин ачар адам болмагъаны халны кёргенлени эслериндеди бюгюн да.

Жай айланы ортасында келе башлагъан эдиле ары тыш адамла. Яникойну Нальчикни продторгуну болушлукъчу мюлкю этедиле. Аны артыкъ кёп болмагъан адамлары терек бахчалагъа къарап, кюз артын-

да аны тирлигин жыяргъа кюреше эдиле, картофну, тахта кѳгетлени да алай. Яником 13 жылны ѳксюзлюк сынагъанды.

* * *

1957 жылда таулула туугъан журтларына къайтдыла. Къууанчны ызындан – къууанч: эл да, колхоз да жангыдан къуралдыла. Алай кѳпле кеси юйлерин, жерлерин тыш адамладан сатып алдыла, кѳпле жангыдан жашау журтла ишлерге кюрешдиле.

Не ары-бери десек да, Яником терк окъуна аякъ юсюне болду. Ишлерге, жашаргъа юйреннген адамла келтирдиле аны ол халгъа. Узакъ бармай Байсолтанланы Алимни элинде хар жаны бла да заманны излемине тийишли культура юй ишленди, колхозну правление бла эл Советге жангы мекам, тюкенле, школ, дагъыда башха къурулушла яникомчуланы кѳллери кѳтюре эдиле. Эсгертмелени уа несин айтасыз. Урушда жоюлгъанлагъа ишленнген мемориал майданга бери тышындан келген адамла сейир этип къарайдыла. Бек биринчиден, аны уллу усталыкъ бла ишленнгенине. Алайда тизгинлиликни уа соргъан иш да этмегиз – бек тынгылыды алайда хар затда.

Байсолтанланы Алимни эллилери къыйналдыла эселе да, Яникомну, узакъ созмай, аякъ юсюне салдыла. Адамла юйле ишлей туруп, изеу къурап, бир бирге кѳллери бла болушуп, чынты таулу адетни кѳргюзтгенлей тургъандыла. «Бизни жашыбыз Алим Гитлерни аман сагъатлы этген адам эди, сора аллай адамны эллилери не къыйын иште да уллу кѳллюлюк къалай этер эдиле», – деген эди бир жол Яникомчу акъсакъал, эртте ушакъ эте келгенибизде.

Бу эл жылдан-жылгъа ариудан-ариу, тизгинлиден-тизгинли бола барады. Таза суу келген быргъыла чырмаусуз ишлейдиле, хауа чыракъла хар юйюрню излемин толу жалчытадыла, ара жолгъа асфальт салыннганды. Сѳзсюз, мында иш юсюнде кесини борчун толу ангылагъан, адамлыкъгъа намыс берген инсанла жашайдыла.

Алимни аты ѳмюрден ахыргъа сауланы биргелерине жашар ючюн, кѳп зат этилгенди Къабарты-Малкъардан тышында окъуна. Ленинград областьда, Прибалтикада айтхылыкъ лѳтчикге эсгертме ишленнгенди, КъМР-ни ара шахары Нальчикни бек ариу орамларындан бири Байсолтанланы Алимни атын ююрютеди, анда 19-чу номерли орта школ да алай. Школну аллында Алимни бек тап да, ариу да ишленнген уллу бюсту сюеледи. Алимни жигитлигине, адамлыгъына атап, назмула, поэмала, китапла жазылгъандыла, композиторла сейирлик жырла этгендиле. Ол туугъанлы 90 жыл болгъанына аталып а, «Полѳт в бессмертие» деген ат бла фильм алыннганды.

Бир къауум жыл мындан алгъа 1943 жылда Байсолтанланы Юсюню жашы самолѳтун агъызгъан немецли лѳтчикни интернетде эсгериулерине бек кѳпле эс бургъандыла. Аны айтханына кѳре, 1942 жылда Гитлер быллай оноуну къабыл этгенди: Германияны менме деген аскер лѳтчиклеринден 20-сын сайлап, ала бла энчи хазырлануу иш бардырыр-

гъа. Сёзсюз, Гитлер бек жаныгъан лётчикледен бирлери Байсолтанланы Алим болгъанды.

Яникойну орта школуно улуу залында Улуу Ата журт урушха къатышхан эллилени суратлары, аланы юслеринден хапарлагъан жазуула бардыла. Анда Совет Союзну Жигити Байсолтанланы Алимге энчи эс бурулгъанын ким да эслерикди. Школчула аны юсюнден кёп документле да, суратла да жыйгъандыла. Башха ветеранланы юслеринден да. Алимни къарындашларындан туугъанла, ол залда школчула бла тюбешип, аталарындан, башха жууукъларындан, эллилеринден эшитген кёп затны эслеринде тутуп, ёсюп келген тёлуге аманат халда айтадыла. Школчула Любаны бла Лейланы бек ашыгъып сакълаучудула хар заманда. Бу школ кеси да Байсолтанланы Алимни атын жюрютеди.

2007 жылда Яникойну школу «Образование» деген миллет проектде хорлап, миллион сом ахча бла саугъаланганды. Кёресиз да, школ Алимни атына къалай тийишли болгъанлай турады.

Бу элни школун бошагъан кёп жаш бла къыз атларын халкъгъа иги жаны бла айтдырырча адамла болгъандыла: Ахкёбекланы Анатолий – физика илмуланы доктору, Гиляхланы Абдуллах – КъМР-ни Конституция сюдюню председатели, Къудайланы Шамиль – республикалы больницаны баш врачыны экинчиси, Бёзюланы Жабраил – аты къыралыбызгъа айтылгъан алим. Бечелланы Илияс бёлек жылны КъМР-ни Парламентини председатели болуп тургъанды, Мызыланы Къаншаубий Ломоносов атлы МГУ-ну бошап, тыш къыралла бла байламлыкъ жюрютген къуллукълада ишлегенди, фахмулу жазуучуду, Беппайланы Муталип поэтди, бусагъатда КъМР-ни жазуучуларыны Союзуну правленини председателиди. Газаланы Сауарбий – генерал майор, дагъыда башхала.

«Биз яникойчулабыз!» – деп ёхтемленедиле.

Геннадий КОММODOB

ШАУАЛАНЫ Хасан кёчюргенди

МОКЪАЛАНЫ Магомед

32 СОНЕТ

Кёксюлдюм кёкге акъ булутчукъ жазылды:
Майна, кюн тийген – «А», бираз арлакъда – «лим».
Яникой элингде эсертме таш болду
Келбетинг, махтаулу жаш, таулу жаш – Алим ¹.

Залимле бла сен сермешгенсе залим.
«Хорламла жолу – от!» – дей, баргъанса алда.
Ол Балтий тенгизи ачыудан жарылды,
Жанынгы замансыз ёчюлтдю да ёлюм.

Угъай! Энтта къардан агъаргъан кечеле,
Зурнукла тизилген жаз тангла да келе,
Атынгы булутчукъ тюшюреди кёкге.

Хауада самолёт гюрюлдей, къызына,
Къуууласа къачхан душманны ызындан.
Кёз тутмазча, барса чыгъып бийикге!

БОТАШЛАНЫ Исса

БАЙСОЛТАНЛАНЫ АЛИМНИ ЖЫРЫ

1
Сабийлигингден сен бийиклени
Суююп ёсгененг таулада,
Сен къыралынгы къушу болгъаненг,
Уча эдинг булутлада.

2
Сен ёлюрме деп къоркъа билмеген
Бир батыр лётчик болгъаненг.
Къыралыбызгъа душманны иймей,
Къурч къала кибик тургъаненг.

¹ Байсолтанланы Алим – Совет Союзу Жигити.

3

Совет лётчикле тау къушла кибик
Кёк бийигинде учханда,
Фашист лётчикле къача эдиле,
Алим ызларындан болгъанда.

4

Ара сахарыбыз Москваны
Кесинги юйюнгча сакъладынг.
Аны ючюн уруш этген заманда
Сен ёлюрме деп къоркъмадынг.

5

Жигитлигинг, батырлыгъынг, Алим,
Битеу къыралгъа айтылгъанд,
Балтий тенгизи сени жутса да,
Атынг халкъынг бла къалгъанд.

6

Къыралыбызны ит душмандан сакълай,
Бергенсе батыр жанынгы,
Жырларыбызда жашарса, Алим,
Унутмазбыз биз атынгы.

БАЙСОЛТАНЛАНЫ Жамиля

АЛИМ

Школда кимден да айырмалы окъуп,
Ленин окъуу шахарчыкъда окъудунг,
Лётчик усталыкъны алып сен,
Тау къушуча Малкъар кёгюнде учдунг.

Туугъан элинг Яникойда мамыр жашау
Бузулду, урушну атын эшитип,
Бушуу келди, къуугъун желча юфгюрюп,
Тау жоллада букъуну да булутлагъа кётюрюп.

Бар жаш тёлю урушха бара эди,
Хазыр ары – бизни Алим да,

Атасындан ыразылыгъын алып,
Мычымайын хазыр этди кесин да.

Яникойда къалгъан эди аны юйюрю,
Ата-анасы, эгеч-къарындашлары да
Сакълай эдиле Алимден къагъыт,
Саулугъу къалай, къалай болур кеси да?

Алай этип, Алим сермеше эди
Фашист малгъунла бла урушда,
Ол заманда да къагъыт жаза эди,
Хапар сора къарындашы Сафардан.

Миллетинги бек биринчи жигити
Болдунг Алим, къууандырдынг элинги.
Аны ючюн солургъа келген эдинг,
Тансыкъ болуп, къучакъладынг жеринги.

Душман элге берген зорлукъланы кёргенде,
Бек къыйналгъан эди сени жүрегинг:
«Мени туугъан жерими былай этип,
Сау къалмазсыз, итле», – дединг сен.

Балтий тенгизни кёгюнде сермешип,
Жанынгы бердинг юйюнг ючюн,
Кесинг ёлгенликге, Алим, сен,
Сени атынгы уллуду кючю.

КЪАПАМ ЖІОТІОЛІОК ТУУДУРГЪАН ЁПІОМСІОЗ ЧЫГЪАРМАПА

Быйыл белгили малкъар жазыучугъа Толгъурланы Зейтуннга 80 жыл толлукъ эди. Жарсыугъа, къадар кесини огъурсуз оноун кишиги да сормай, адам улуну фахмусуна, бардыргъан жашаууна, ишине да къарамай этеди. 23 январьда 2016 жылда Зейтунну жашауу замансыз юзюлдю.

Толгъурланы Зейтун 1939 жылда Элбрус районда Быллым элде туугъанды. Гитчелей ёксюзлюкно сынагъанды: атасы жалгъан дау бла тутмакъгъа тюшгенди, анасы ауруп ёлгенди. Зейтунну анасыны эгечи ёсдюргенди. Кёчгюнчюлюкде Павлодар областъда Назаровка элде жашагъанды. Гитчеликден окъуна Зейтун окъуугъа тартыннганды. 1947 жылда школгъа барады. Жашчыкъны ол билимге итиниюн орус, немец устазла да эслегендиле. Суратлау ишге фахмусу школ жыллада окъуна ачыкъ болады. Сёз ючюн, 9 классда сурат эм назму жазгъан эришиуде Зейтун биринчи жерге тийишли болады. Зейтун онжыллыкъ школну Джамбулдан узакъ болмагъан Мерке деген элде бошайды. 1957 жылда Туугъан журтуна къайтады эм ол жыл окъуна КъМКЪУ-ну орус-малкъар бёлмюне окъургъа киреди. 1962 жылда аны жетишимли бошагъандан сора, «Коммунизмге жол» деген газетде ишлегенди. Зейтун жазгъан статьялада, фельетонлада жашауда болгъан кемчиликлени юсюнден жютю сёз бла айтылады. Билимин ёсдюрюр муратда аспирантурада окъуйду. 1967 жылда Бакуда «Романы Галины Николаевой» деген кандидат диссертациясын къоруулайды; 1987 жылда уа Москвада «Формирование социалистического реализма как художественно-эстетической системы в литературах народов Северного Кавказа» деген доктор диссертациясын къоруулайды. 1960 жылланы ортасындан башлап, жашаууну ахыр кюнлерине дери Толгъурланы Зейтун КъМКЪУ-да устазлыкъ ишин тынгылы бардырады, миллет билимни айнытыуда къыйыны уллуду. 1977–1984 жыллада КъМКЪУ-ну орус литератураны кафедрасына, 1999–2009 жыллада уа малкъар тил бла литератураны кафедрасына башчылыкъ этеди. Окъутуу иш бла чекленмей, Зейтун илму ишни да айнытады. Шимал Кавказда адабият илмуну тинтичюлерини арасында аны аты белгиледи, илму ишлери бийик даражагъа тийишли болгъандыла. Толгъурланы Зейтун бир къауум китапланы авторуду: «Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии» (1974), «Заман бла литература» (1977), «Движение балкарской поэзии» (1984), «Лирика Керима Отарова» (1984), «В контексте духовной общности» (1991), «Малкъар прозаны

юсюнден» (1994), «Литератураны теориясы» (1997), «Малкъар литература» (2000), «Миллет эс бла миллет литература» (2008), «Эстетика кёз къарам» (2013), «Жанр баллады в балкарской поэзии» (2015) эм башхала. 1978 жылда малкъар тилде, 1981 жылда уа орус тилде жазылгъан «Малкъар литератураны очеркleri» деген китапланы хазырларгъа уллу болушлукъ этгенди. 2010 жылда орус тилде басмаланган «Малкъар литератураны очеркleri» деген Гуманитар тинтиуле бардыргъан интститутну къарачай-малкъар адабият бёлюмню илму къуллукъчулары жазгъан китапны баш редакторуду. Зейтунну илму ишлери миллет адабиятны тинтген илмуну мурдорун салгъандыла. Аны башчылыгъы бла кёп алимле кандидат, доктор диссертацияларын жетишимли къоруулагъандыла. Миллет илмугъа салгъан къыйыны ючюн 1999 жылда Толгъурланы Зейтун Къабарты-Малкъар республиканы илмуларыны сыйлы къуллукъчусу деген атха тийишли болгъанды.

2009-чу жылдан башлап, жашауну ахыр кюнлерине дери Зейтун Гуманитар тинтиуле бардыргъан илму-излем институтну къарачай-малкъар адабият бёлюмюне башчылыкъ этип тургъанды.

Алимни жашауунда илму бла бир сатырда суратлау чыгъармачылыкъ иши баргъанды. Зейтун жазуу ишин 1960 жылда башлагъанды. «Ашыкъгъан суу тенгизге жетмез», «Жашаудан дерс», «Алма терек», «Жол айырылгъан жерде» эм дагъыда бир къауум гитче хапарларында жаш адамны жашаугъа кёз къарамы ачыкъланады. 1966 жылда уа жазуучуну «Айыуташ» деген биринчи китабы басмаланады. Бу гитче повестинде жазуучу онбиржыллыкъ сабийни кёзю бла урушну кюйсюзлюгюн, адам улуну огъурсузлугъун, адамсызлыгъын кёргюзтеди. Таулу жашчыкъ Мустафирни кёз аллында немециле аны шуёху Алимни ёлтюреди. Ол жашауунда биринчи кере аллай ажымлы ишни шагъаты болады. Сабийни къылыгъы, жашаугъа къарамы да бирден тюрленеди. Мустафирни сабий дунясы бир такъыйкъаны ичинде мутхуз болады. Сабийни эсинде ол бушуулу иш ауур ыз къояды. Мустафир жашауунда биринчи кере сатхычлыкъгъа, кюйсюзлюкге шагъат болады. Ажымлы жоюлгъан негёрчиги ючюн дерт жетдирирге итинеди, дертчилик сезим аны жаш жүрекчигин толтурады, жигитлик этерге тартындырады. Урушну кюйсюзлюгю къуру Мустафирни мудах этмейди. Аны къурманы Зулейхачыкъ да болады. Элни сабийлери къызчыкъны искилтин этеди, нек дегенде аны атасы Аубекир сатхычды, тилчиди. Зулейханы бла атасыны араларында чойрелик повестьде тийишли суратланады. Толгъурланы Зейтун малкъар адабиятта биринчи кере жарыкъ сабий дуняны бла къан урушну бир бирлерине чойре суратлагъан жазуучуладан бириди. Уруш заманны кюйсюзлюгюн кёргюзтнуде автор кёп тюрлю белгиле бла уста хайырланады. Аллай белгиледен бири чыгъармада айыуташды. Жазуучу анга жан салады, жашауда, табийгъатда болгъан болумланы ёлюмсюз шагъатыча суратлайды. Айыуташ эллилени, бютюнда малчыланы бек суйген жерлеринден бири болуучу эди. Бу арт заманда уа аны мудах жангызлыкъ хорлагъанды, ол унутулгъанды. «Аны

къатына киши да келмейди. Жауундан киши да букьмайды. Сюрюочюле аны салкъынына кирип солумайдыла. Аны тегерегинде алгыннгы жашау жокьду. Ол кече-кюн да, къара тынгылауну ийип, элчилеге къарайды». Уллу Ата журт уруш ол тынчлыкьны бузады. Адам улуну бла айыуташны араларында байламлыкь жангьдан тохташады. Аны тийресинде партизанла немецли солдатла бла уруш этедиле, аланы ичлеринде сатхыч Аубекирни ёлтюредиле. Не заманда да адамлагьа жандауурлукь этген айыуташ бюгюнлюкде туугьан жерин сатхан, миллетини душманыны мыртазагьы болгьанлагьа кюйсюзлюгюн жашырмайды. Полицей Аубекир тийишли ажалдан къутулур муратда, айыуташдан болушлукь излегенча, анга жууукьлашады. «Тентирей барды да, «Айыуташны» къучакьлады. Ол халда бир кесекчик турду. Дагьыда «Айыуташ» аны тюртюп ийгенча, Аубекир, артха тепчиди да, сора тюз артына ауду». Айыуташ, заманланы ёмюрлю ёкюлюча, кесини оноун этеди: Аубекирча сатхычлагьа кечиу жокь, аллайланы жамаут да, табийгьат да кеслеринден кери тутады.

Табийгьатны этген заранлыгьы ючюн инсаннга кече билмеклиги Зейтунну сабийлеге аталгьан дагьыда «Юч да тюлкю балачыкьны хапары» деген чыгьармасыны баш фикириди. Табийгьатны, анда жашагьан жаныуарланы да, жамаутдача, баш жорукьларындан бири – азатлыкьды. Аны сыйырыгьа, жашау тынчлыкьны бузаргьа бир инсан да эркин туююлду. Сабийликден терен ангыламай, аллай бузукьлукь ишин тогьузжыллыкь Зариф этеди: «жюрегин хыпьяр ёхтемликге хорлатып», нёгерлеринден аперимлик алыр муратда юч да тюлкю балачыкьны аналарындан айырады. Жашчыкьны сагьышсыз этген ажымлы иши табийгьатны да жарсытады: Тюлкю балаланы уяларыны къатында ёсген терек да «жашауу ёчюлюп къалгьанча сюеледи, мудах шошайып», «минчакьлача тизилип, бир бирге ал бермей жырлаучу чыпчыкьла да энди жырламайдыла». Тюлкю тешикни тамагьын губу ау жапханды. Юч да тюлкю балачыкь жоюлгьандан сора ангылайды жашчыкь этген бушуулу ишин, табийгьатха керексиз къол узатыргьа, баланы анадан, жылы уясындан айырыргьа кишини да эркинлиги болмагьанын. Толгьурланы Зейтун сабийни сыфатыны, аны оюмларыны юсю бла философия магьана тутхан болумланы ачыкьлайды. Бу гитче чыгьармалада жазыучу белгиле бла тынгылы хайырланады, ол а аланы суратлау магьаналарын кючлендиреди.

Жаш жазыучуну суратлау чыгьармачылыкьда ал атламлары тиридиле, нек дегенде ол заманнга кёре миллет адабиятлада ара жерни алгьан марда эстетиканы жорукьларына бойсунмайды, къурагьан чыгьармалары башха жазыучуланы ишлеринден айырмалыдыла. Толгьурланы Зейтунну жашау сынауу аз эсе да, суратлау чыгьармачылыгьында жамаутда, тарыхда да аз да тинтилмеген сорууланы ачыкьларгьа итинеди. 1972 жылда жазыучуну «Эрирей» деген повести басмаланады. Бу чыгьарма саулай да малкъар адабиятны айныуунда жангы кезиуюн белгилейди. Толгьурланы Зейтун ниет тематика жаны бла, эстетика

къарамы бла суратлау адабиятта жангы сёзюн айтады. Бу чыгъарма тау элдеде колхозну къуралыууна жораланады. Повестьни суратлау кючю недеди дегенде, жазыучу миллет адабиятны тарыхында колхозла къуралгъан кезиуню юсюнден, тёредеча, махтау сёз бла айтып къоймай, ол кезиу туудургъан жамауат жашауда кемчиликлени, къырал политиканы айнытыуунда этилген халатланы юсюнден кесамат сёзню кючю бла халпарлайды. Быллай шарт а жазыучуну инсан жигитлигин (батырлыгъын) белгилейди. Ары дери социалист жашау «булутсуз», чойреликсиз суратланган эсе, жазыучу ол жорукъну бузады, белгиленген кезиуню мутхуз бетлерин ачыкъларгъа итинеди. Быллай мадар а жашау кертиликни толусунлай кёргозтюрге себеплик этеди. «Эрирейде» жаланда эл миолк къурулуш бла байламалы болумла суратланып къалмайдыла, аллай болумлада адам улуну къылыгъы, ич дунясы къалай тюрленнгени да ачыкъланады. Ол себепден кесаматчыла бу чыгъармагъа бийик багъа бичгендиле.

Чыгъарманы сюжет ёзегин Наипханны озгъан заманны юсюнден эсгериулери къурайдыла. Бусагъат заманны бийиклигинден жыл саны жетген таулу тиширыу кесини къадарыны, аны бла бирге жамауатда болгъан тарых болумла бла байламлы адамланы къадарлары къалай тюрленнгенлерини, заманны кюйсюзлюгю адам улуну жашауунда къойгъан ажымлы ызны юсюнден сагъышланады. «Эрирейни» баш жигитлерини сыфатлары толу къуралгъандыла. Ала бири тюз къылыкълы жигит, башхасы уа терс къылыкълы жигитди деген жорукъгъа бойсунмайдыла. Чыгъарманы баш фикири – адам улу не заманда да адамлыгъын сакъларгъа керекди деген оюмду. «Заман заман болгъанлыкълы, адам адамлай къалыргъа керекди. Адам кеси терс, тюз атлам этгенин билирге борчлуду. Кеси башынга алай тап кёрюп, сен тал чыбыкълай бюгюле жашай эсенг, заман анга жууаплы болалмаз», – деп сагъышланады Наипхан. Наипханны сыфатына чойре къуралгъан сыфатладан бири Сафарды. Эки адамны арасында ниет кюрешни юсю бла жазыучу заманны баш чойрелигин ачыкълайды. Сафар эллилени бек жарлыларындан бири эди. Аны кёкбаш эшегинден сора малы да болмагъанды. Эллиле кесине да «тартмабоюн», «кёгетсиз, ауанасыз терек кибик», «годуржух» деп, къагъып-согъуп сёлешгендиле. Болсада Сафар къуллукъ иели болургъа умутун бирда тас этмегенди. Ол колхозну председатели болургъа, Шамшюдинни жеринден ётюрюк бла къыстатыргъа жашырын мурат этеди. «Бу жашау жарлыланы эсе, башларында да жарлы болсун», – деген оюмну айтады. Былайда жазыучуну жарсытхан бир затды: Сафарчала, кеслерини башларын туталмагъанла элге къалай оноу этерикдиле? Ол себепден заманны ажымлы, тынчлыкълы болгъаны, адамла арасында бирлик болмагъаны («бир бирин тутхан экеу жокъ, алагъа ышаныу жокъ») ачыкъ кёрюнеди. Къырал бардыргъан политиканы кемчиликлерини, жамауатда тенгсизликни юсюнден кёпле сагъыш этгендиле, алай аны юсюнден ачыкъ айтыргъа уа къолларындан келмегенди. Болсада керти сёзден артха тура билмегенле да болгъандыла. Аллайланы сыфат-

ларыны, оюмларыны юсю бла жазыучу жашау кертиликни кёргюзтюрге итингенди. Сёз ючюн, «Факъырачыны артмагъын сыйыргъанлай этдигиз, сабет бласт кимге эркинлик бергенди?» – деп сюеледи повестьни жигитлеринден бири къарт Окъуп. «Жарлы да жарлылай къалгъанды, бай да жарлы болгъанды», – дейди Таусо, Къырал къуллукъчулагъа керти сёзню айтханланы къара чёпге тюшюретиле, колхозгъа къажау баргъан душманларынача къарайдыла. Бир талай заман озгъандан сора, Сафар этген терсликлерин ангылайды, болсада эллилери анга харам ишлерин, халкъгъа жетдирген заранын кечалмайдыла. Ол ауругъанда да, адамла сансызлай къаладыла. «Терсликлерим бола келгенин да билеме. Абынмагъан ким барды? Мен да абындым. Абынганда, кесим ачып къалмадым, башхаланы да ачитдым», – дейди Сафар. Кёп жерде жангылгъанды Сары улу. Алай жамауат анга кечмейди. Ол себепден жангызлыкъны бла сансызлыкъны тузагъына тюшеди. «Къыралдан гыржын алгъандан эсе, элден намыс алгъан къыйынды», – деп жууаплайды Наипхан Сафарны тарыгъыуларына. Сафар къылыкъсыз ишлери бла кеси кесин учуз этгенди. Энди ол жангызды, жарлыды: аны киши да сан этмейди. Ол айланады, кеси кесине азап сыната, «эллилерини ариу сёзлерине термилгенлей жашайды», «заман а анга дерт жетдирир ючюн къоймагъанды». Жаланда Наипхан анга жан аурутады. Алай, тиширыуну оюмуна кёре, «адамгъа жазыкъсыныу керекмейди, суймеклик, намыс керекди, тенглик керекди». Жарсыугъа, Сафарны къолундан, акъылындан да келмейди адам улугъа тийишли болгъан багъалы шартланы сакъларгъа. Толгъурланы Зейтун Сафарны бушуулу жигитча кёргюзтеди.

Чыгъармада философия магъаналы соруула салынадыла: къуллукъну бла намысны, адамлыкъны араларында байламлыкъ, аланы къайсы къайсына бойсунады, къуллугъу болгъан адамны намысы боламыды огъесе намысны жолу башхамыды? Сафарны сагъышларында бу соруула энчи жерни аладыла: «Сафар элге оноу этерге, аны аллында намысы жюрюрюн да суйген адамды, алай ол намысны келир жолун билмей эди... Къуллукъчу эсенг, бирсиле, жанынгда баралмай, буюгъуп, ызынгдан жёбелейдиле, къолларын, алгъа юслерине сюртмей, санга узаталмайдыла. Сафарны насыбымы? Эндиге дери уа нек тутмай эди? Ол насып къайда эди? Сафар биледи, сабет бласт жарлыланы бластыды, алай хар жарлыгъа да къуллукъ берилип къалмайды. Сабет бластха эсли, жютю жашла керекдиле. Жютюлюгю, эси барны насыбы бар...» Сафар неге да эркинди («семиз кёк ажирге да, жангы фазтоннга да минерге...»), нек дегенде «энди кезиу аныды». Хар адам да кесича ангылайды намысны, насыпны да магъаналарын. Бирлеге ала къуллукъ бла байламлы эселе, башхалагъа уа намыс да, насып да гитче зат бла келген да, кетген да этедиле. «Уллу да гитчеден болады, бюгюн – ол, тамбла – башхасы, намыс алай кетеди. Намыс бла намыссызлыкъны арасы эки къашны арасынлай жууукъду. Сакъ болмасанг... намысы къачан кетип башлагъанын адам билалмайды. Ол а кетеди, къар эригенлей, алай бир кетсе, андан къадар сакъласын, ызына къайтмаз, жаз башында къарыл-

гъач къайтханлай. Намыс башха тьююлдо, къанатлы кибикди, аныча, учуп кетеди. Ёнгеленген жерине къайтмайды». Сафар бла тенглешдиргенде, Наипхан адамлыкъ даражагъа сакъды. Тиширыуну ангыламында, «жигитлик адамлыкъдан чыгъады, къоркъакъны адамлыкъгы жокъду...» Наипханны къадары тынч болмагъан эсе да, ол кесин насыплыкъга санайды: «Элими, эллилерими къууанчын кёрдюм, жашаугъа уллу суюмеклигим сел болмады, ёмюрде кишиге аман ниет тутмадым».

Жазыучу бек баш суратлау борчларын – заманны чюйрелигин ачыкълауну, жашау кертиликни суратлау кертиликге жетишдириуну тамам этер ючюн, хар чыгъарманы мурдоруна адамланы къадарларын, аланы бир бирлерине сезимлерин, тарых болумла бла байламлыкъларын салады.

Толгъурланы Зейтун, энчи эс буруп, тиширыуну ниет сырына суюмеклик сезим къалай синггенин да тинтеди. Ол, жигитлерин терен сагъышла бла ауурландырып, оюмларын монолог халда берип, аланы ич дунияларын ачады. Суюмеклик сезим таулу тиширыуну къадарында экили халда айныгъанын, ол туудургъан чюйреликлени да Зейтуну «Эрирей» повестини юлгюсюнде кёребиз. Чыгъарманы жигити таулу къыз Наипхан жүреги неге инжилгенин алгъа ангылаялмайды. «Суюмекликми? Аны юсюнден Наипхан бирда сагъыш этмегенди, жүрегинде аллай зат барды деп, бирда эсине келмегенди. Кёлю уа толады. Нек?» – дейди жазыучу. Суюмеклик ауруумуду? Алай эсе, аны къалай шартла бла ачыкъларгъа боллукъду? Хар адамгъа да ала бирча белгиленип бармайдыла. Сёз ючюн, Наипханны суюген жашы Шарау, ол кеси ангылагъаннга кёре, суюмеклиги ёсе баргъаны къадар, сабий къылыкъланы кёбюрек этеди. Наипхан а сансызыракъ болургъа кюрешеди. Жаш къатына жууукълашса, «къызны термилгени къолгъа тюшсе, ыспассыз болур», – деп, бир жанына бурулуп кетеди. Таулу къызны халында табийгъатдан берилген сабырлыкъ бла намыслылыкъ энчи белгиленедиле.

Наипханны Шараугъа суюмеклигин заманны жели, жангы властыны «къулу» Сары улу Сафар да хорлаялмайдыла. Жаш адамланы жашау ызлары айырыла эселе да, къыз да, башхагъа эрге чыгып, «эр тынчлыкъын сынагъан» эсе да, аллында ёсген къызлары жашауда жерлерин тапхан эселе да, ол кесин насыплыкъга санаялмайды. Нек дегенде аны насыбын суюгени Шарау – «бласт» сыйыргъан эди. «Адам табийгъат берген кюч, жашлыкъ бла хайырланады, къууана жашайды. Алай табийгъат, бергенича, сыйыргъан да этеди. Кюч, жашлыкъ, субайлыкъ, къонакълача, келедиле да кетедиле. Сен къаласа. Къаласа, жашил чапыракъларын жел алып кетген жалангач тереклей», – деп сагъышланады жыл саны жетген, кесин жүрек жангызлыкъгъа хорлатхан Наипхан, озгъан жашауун эсгере. Суюмекликни къадары, къалай-алай болса да, тарых болумлагъа бойсунады. Алай, ол керти сезим эсе, адамны жүрегинден бир заманда да кетмейди. Ол сезим ёмюрлюкдо. Заман бети тюрленгенликге, суюмеклик тюрленмейди.

Толгъурланы Зейтунну чыгъармачылыгыны баш шарты – жаз тил бла, белгиле бла эркин хайырланыуду. «Эрирейде» белгилени асламы адамны кылыгыны энчи шартларын ачыкъларгъа себеплик этедиле. Шарауну Шайтан дорбунда жел тюшюрген «саргълан кьалпагы» – Наипханна бла Шарауну жаралы суймекликлерини белгисиди. «Къаланы» сыфатыны юсю бла Сафарны къуллукъ даражагъа итиннгени суратланады. «Жербаш юйчюклени къатында ол нечик бийикди, ол да тауду», – деп келди Сафарны келюне. Къуллукъчу таш къала кибик болургъа керекди... Адамла айлансынла, аны тегерегине басынып, къаршы тохтаргъа уа...» Былайда жазыучу къаланы къатылыгы бла къуллукъчуну кюйсюзлюгюн тенглешдиреди. Дагыда повестьде жазыучу хайырланган белгиледен бири – жамаутдан айырылган, жангызлыкъ бийлеген «хунадан тенгерен таш» Сафарны сыфатын кючлендиреди.

«Эрирейде» белгиленген суратлау борчла жазыучуну «Къызгыл кырдыкла» деген повестинде да (1974) салынадыла. Бу чыгъарма жазыучуну фахмусуну айныууна ишексиз шагъатлыкъ этеди. Толгъурланы Зейтун миллет адабиятта биринчилени санында ниет сайлау бла байламлы сорууланы ачыкъларгъа итинеди. Повестьде чюйрелик ызла бир къауумдула: атаны бла баланы араларында келишмеклик, адамны бла жамаутны, адамны бла табийгъатны араларында чюйреликле. Жашауда адам улуну адамлыгын, батырлыгын, туугъан жерине кертичилигин сынарча, къадар онг береди. Белгиленген шартла бютюнда кыйын жашау неда тарых болумлада толу ачыкъланадыла. Аллай сынаулада хар ким да кесича аңгылайды эм толтурады инсан борчун. Жыл саны эм жашау сынауу жетген Къаспотну бла аны алты жашындан бири Каракайны араларында ниет чюйрелик повестьни сюжет езегин къурайды. Къаспот бек уллу насыпха туугъан жерине керти суймекликни санайды эм ол уллу сезимни жашларыны эслерине сингдирирге кюрешеди. Къаспотну сыфаты терен суратланады. Алты жашны атасыны жашауда умутлары жарыкъ эдиле. Алай аны ачыулу этген бютюнда бек базынган жютюкёз жашы Каракай болду. Къаспот аны «керек заманда журтубузну душманларына атарса» деген муратда ушкок атаргъа юйретген эди. Атасы Каракайгъа бек ышана эди, нек дегенде ол «керек заманда къан да тегер, артха турмаз, кёз да чыгъарыр». Жарсыугъа, жаш, ата сёзге сыйынмай, мараучулукъ жолну сайлайды. Ол ушкок бла туугъан жерини топурагын, терек бутакъларын жаралы этеди, кийиклерин къырады. Ол себепден Къаспот жашын ушкок усталыкыгъа юйретгени ючюн жарсыйды. Каракай а «илишаннга жаны болгъан загланы салыргъа термиледи». Ётемлик бла махтанчакълыкъ жашны кылыгыны баш шартларыдыла. «Тийишлисича ёлноу – жашауча, бийикди» деген жорукъ Къаспотха да, аны жигитлеча туугъан жерин душманладан къоруулауда жоюлган жашларына баш жорукъ эсе, Каракай башха низамгъа бойсундурады кесини къадарын. «Жерине суймеклигинден эсе, Каракай ол жашауну сайлагъан эди. Ким бла, не бла къалды? Барысы да тас болдула, биргесине уа – жаланда налат, къара ауанала». Каракайгъа жамаут да кечме-

генди сатхычлыгынын. Андан да уллу ачыу а анга: атасы харам этгенди аны. Аны бла бирге уа жерни налатын, жангызлыккыны азабын сынаиды. Каракайны жашауу мутхузду, ажымлыды. Ол кьадардан жангызлыккыны, жерни налатыны ауурлугъун сынатма деп тилейди. Жангыз ёсген назы терек бла хапарлашханда, Каракайны ажымлыгы бютюнда терен ачыкъланады. Ол терекге жууукълашады, кьадарларын тенгледире, бир болургъа излейди. Болсада терек анга саулай жерни атындан сёзюн айтады эм кесинден тюртеди: «Инжилгенинг ючюн бош махтанаса. Аны сен кесинг сайлагъанса. Мен жангызлыккыны сайламагъанма. Нёгерлеринден кенг кьалгъан жангызлыккы туйюлдю. Мени тамырларым жерни терениндедиле, аны биргесинеме. Мен жилиямайма. Жангыз ёссе да, терек тереклей кьалады. Терек тереклигин этеди. . . Сени кьадарынг жокъду. Кьадары жаланда халкь бла жашагъанны болады». Каракай кесинден, кьадарындан кьачаргъа кюрешеди, алай амал табалмайды. Жигитни кьылыгыны айныуун (эволюция характера) Толгъурланы Зейтун тынгылы кёргозтеди. Каракай бир кюннге сатхыч болуп кьалмагъанды: кьылыгында жюрек кьатылыккы, сакълыккы, кюйсюзлюк, жаны болгъан затха жан аурута билмеклик гитчелигинден окъуна жашны бийлеген эдиле. Гитче кьарындашы Азреталий окъуна эслеген эди Каракайны кьылыгында мадарсызлыгынын, хомухлугъун. Каракай, отундан келип, юйде хазыр аш тапмай жилиягъан эди. Гитче кьарындашчыгы аны андан сора бирси кьарындашларынча суймей эди. «Игиликге тубейме деп, алданып кьалмаз ючюн, – дегенди ол Азреталийге, – игиликни да аманлыккы сунуп жашаргъа керекди». Гитчеликден окъуна эсли жашчыккы тамата кьарындашына ийнанмагъанды. «Хар зат да сенден кьоркьуп кьачарча, кьарыулу болургъа керексе», – дегенди Каракай Азреталийге. Болгъан кьарыуун, уучулуккы фахмусун ол табийгьатха заранлыккыгъа бурады. Жашны кюйсюзлюгюн жаныуарла да сезедиле: акъ байтал кесин тутдурмай, андан кьачады, кьойла да юркедиле. Жазыгучу Каракайны табийгьатха этген артыккылыгынын окъуучуну эсинде кьалырча суратлайды. «Каракай журну ал, арт аякъларындан да тутуп, суу кьылычныча, боюнуна атып сюелди. . . Аны башы энишге салынып, жуху уучуну белине жетеди. Ауузунда жарты чайналгъан кырдык буштуккы болуп кьалгъанды. Мени кёк тереклеге, гюллю талалагъа, бийик сырт таулагъа, таза кёкге да термилте нек кьойдугъуз дегенча, аны мияла кёзю мудах жылтырайды. Журну жауурун тубюнден чыккыгъан кьан Каракайны инбашына, сол ёшюнуне кьата, энишге саркьа, кююш бел бауун, кёлек этегин кьызартхан эди». Тамата кьарындашыны кьолундан жоюлгъан жур гитче Азреталийге табийгьатны тас болгъан кесегича кёрюне эсе, Каракайгъа ол ырысхы юлюшчады. Сабийни, жыл санына да кьарамай, этген оюмлары терендиле, акъыллыдыла. Ол Каракайгъа насыпны магъанасын ангылатыргъа кюрешеди: «Сен а кёкде насып жулдузунг болгъанына ийнанамыса? – деп сорады Каракайгъа. – Ол жерге, неда сени кьолунга туюссе, бу журну кёзлерича, ёчюлюп кьаллыккыды да?» Туугъан жерине айландырып ушкок атхан насыбын жаралы этеди, адам

улуну бла табиьгъатны араларында бирликни бузады. «Эрирейни» жигити Сафарча, Каракай жангызлыкъны, ыспассызлыкъны, сансызлыкъны бирден сынаиды. Анга да кечгинлик жокъду не адамдан, не жамауатдан, не табиьгъатдан. Таланы чыгъы окъуна аякъларын мурса кюйдюргенлей кюйдюреди, гюллери, шинжилеча, къолларына чанчыладыла. «Къызгъыл кырдыкла» деген повестинде Толгъурланы Зейтун, башха чыгъармаларындача, жашырын белгиле бла хайырланады. Чыгъарманы аты окъуна метафоралы магъананы тутады: къызгъыл кырдыкла жерни жаралыгъыны белгисича бериледи. Жазыучуну чыгъармачылыгъында ара жерни алгъан белгиледен бири бёркдю: эр кишини ёз намысыны белгиси. Жашны тас болгъан адамлыкъ, эрлик даражасыны белгиси бёркюнден къалгъан хурттакладыла. Каракай энди бёркюн табып кире термиледи, алай аны табар амалы, аны бла бирге уа ёз намысын къайтарыр амал жокъду. Керекли кюнде ол туугъан жерини бир къыйырын – ариу таланы – душмандан къорууларгъа унамады, атасын бла къарындашларын къоюп кетди. Аны къоркъакълыкъ сезим хорламагъан эди, ол кесинден бек башхаланы сюлмады да, андан кетди тегерегин немецли аскер къуршалагъан сыйлы таладан. Каракайны ажашдыргъан «хар ким да кеси жаны ючюн жашайды, кеси башына кеси мадар этерге керекди» деген жашауунда баш жоругъу эди. Ол ажымлы кюн Каракай атасын да, жерин да сатды, ол кюн «токълу териден этилген тынгылы, тирмен ташлай, тегерек уллу чырпа бёркюн» кеси тешди, ангылаялмай келир заман бёрксюз къалгъан дуняда жангыз къалгъаннга тенг болгъанын. Жашаууну ахырында да сокъураныу сезимни орунунда Каракайны дертчилик сезим жюрегин бийлейди: ол алгъыннгы тирилигин, жютюлюгюн къайтарыр ючюн, акъ маралдан бир оймакъ сютно зорлукъ бла излейди. Кесамагда белгиленгеннге кёре, малкъар адабиятта биринчи кере таурухла, мифология сезим жигитлени жашауларын айгъакълайдыла. Толгъурланы Зейтунну чыгъармачылыгъыны жангылыгъыны (новаторство) шарты заманны излемине кёре салыннган суратлау борчну толтурууда эстетика энчилигиндеди.

1974 жылда «Къызгъыл кырдыкла» бла бирге жазыучуну «Акъ гыранча» деген повести басмаланады. Окъуучуну эсин бусагъатдагъы жашауда жаш тёлнюю арасында адеп-къылыкъ бла байламлы болумла аладыла. «Акъ гыранча» – тиширыуну намысыны кирсизлигини, аны бла бирге уа ёз миллетини иги тёрелерине кертчиликни белгисиди. Шахар жашауну тарлыгъы повестьни жигити таулу ана Ожийни элине, жерини кенглигине термилтеди, тийресинден айырылыу аны мухаландырады, элде жашаугъа, кёксюл эрттенликлеге тансыкъ этдиреди. Шахар жашау элли адамгъа жангызлыкъны сынаатады. Эски журтундан къачып, жангы жашауну сайлагъан, элин учуз этген болумла жазыучуну жарсытадыла. Намысы-сыйы бла бийик билим алып туугъан жерине къайтхан адам насыплады. Толгъурланы Зейтун бусагъатда заманны бла озгъан заманны араларында байламлыкъны излейди. Эллиле, эски журтларын къоюп, омакъ межамла ишлегендиле, алада жашайдыла. За-

ман эллилени, жашауну да тюрлендиргенди. Тюрленген адамла такыр жерлени ташлап, «Сыртлыны» ёсдюргендиле. Жангы жашауга чюйре эски журтланы оюлган кябырлары, хуналары, унутулган жоллары суратланадыла. «Энди ары киши бармайды, кьарт тереклени кёгетлерин кягьаргга киши да кюсемейди. Кёп болмай, бешик жыргга тынгылаучу таш кябырггала адам ауазлагга термиле, иелеринден кьачхан гырайт эшеклени окьуганларын тансыкьлайдыла. Мында, кюнлюмде да, эски журтланы мудах шошлукь бийлейди». Жерни чомартлыгына, хатерлигине адам улуну хурметсизлиги чюйре турады. Тёгерекни басхан мурса ханс бусагьатдагы жашауда сансызлыкьны, ишге кёлсюзлюкню, хурметсизликни жашырын сыфатыды. Болсада жер адамлагга игиликни тежейди. Заманны ашыгышлы алгга барганына да кьарамай, жашауда адам улуну кьылыгына тийишли баггалы (сыйлы) шартла ёмюрлюдюле. Жазычуну чыгьармада баш фикيري бу сёзледе белгиленеди: «Хар зат да тюрлене барса, жашау жарлы болуп кьалыр. Кырдык кырдыклай, таш а ташлай кьалсынла, терек кёклюгюн тюрлендирмесин, акь гыранча уа – акьлыгын, гюл да алгынча кьызарсын. Жашаугга тюрленмеген табийгьат да керекди, суюмекликни да – эскиси». Чыгьармада жаш доктор Фатиматны бла журналист Мажитни суюмекликлери энчи сюжет ызны тутады. Жаш адамланы жүреклеринде бир бирлерине жарыкь сезим жаратылады. Таулу тиширыуну адеп-намысха сакь болмаганы, биринчи суюмеклигине кергичилей кьалмаганы юйюр насыпдан кенгде кьояды повестьни жигитлерин. Аланы юлгюлеринде Толгьурланы Зейтун жаш тёлгое адам улу не заманда да ёз намысына, миллет төрелеге сакь болургга керекди, аланы «акьлыгын», кирсизлигин сакьларгга борчлуду деген насыйхат сёзюн айтады.

«Акь гыранчада» салынган адеп-кьылыкь, эл бла сахарны араларында чюйрелик бла байламлы соруула жазычуну «Ашыкь оюн» (1983) деген повестинде да тинтиледиле. Толгьурланы Зейтунну озган заманны бла бусагьатны араларында келишмеклик, унутулуп барган иги төреле, ёз намысха эссизлик, адам улуну кьылыгыны айныуна тыш болумла не себеплик этгени дегенча соруула жарсытадыла. Инсанны эссизлиги, сансызлыкьы тау элни айныуна чырмау этеди. Оюлган эски журтланы суратлары, «чалынмай кьалган кырдыкны бушууу» жазычуну да, окьуучуну да мудахландырадыла. Толгьурланы Зейтун ёксюз табийгьатны, унутулган кябырланы мутхуз сыфатларын толу суратлайды, аланы жарсыуларын жашырмай айтады: «Кимге айтадыла мында тау, ёзен желле мингжылыкь таурухларын, кимге кьубулуп шыбырдашадыла кьызыл гюлле?! Ёлгенле аланы эшитмейдиле, саула уа энди – узакьда. Кябыр ташла, обала, бийик кырдыкга батылып, ёзенге, унутулган жол ызгга бош кьарайдыла». Эки тюрлю дунияны тенг-лешдире, жазычу жанлары болмаган жангы сыфатла кьурайды. Сёз ючюн, эрттегили дорбунну сыфатында анда жашаган «тепсеген, жырлаган неда кьобуз тартхан, чепкен сокьган, урчукь ийирген таш, агьач гинжиле» озган жашауну берекетлигин, адам улуну ишге хунерлигини

сыйлы шагъатларыча белгиленедиле. Бусагъатдагъы жашау ол дорбун жашауа чюйре суратланады. Повестьни баш жигити Шабазны да «жюрегинде жарыкълыкъ жокъду». Жашау болумла аны акъылында философия магъаналы соруула туудурады, алагъа тийишли жууапла излетеди: «Ётюрюгюнгю, айыбынгы кимден жашырсанг да, бу тауладан, агъачдан, суудан да жашыралмазса. Халал кыйынын ётюрюк бла къатыш этерча къарыусузлукъ къайдан чыкъды сора анга? Не ары-бери буруп сагъышланса да, къууаныргъа бла ёхтемленирге къоймагъан ол соруу эди. Огъесе кеси кесине бош ишеклими болады, бирсиле этген ажымлы атлавланы ол бир заманда да этмей, керексиз кыйнала эсе? Айхай, аны билалса уа. Къоншуларынг кьерге тийишли болмагъан бёрклени кийип, сен а бош, къалпакъ къаплап айлансанг игимиди? Ким сау бол дерикди? Бу эски юй орунла, жолчукъла, тауланы башлары бла баргъан булутламы? Азмыды ол а адамгъа? Тауладан энишге энип, тойгъа-оюннга къатышмай, сен къойла кют, жерни берекетин таркъайтмай – аны ючюн а кимден ыспас сёз эшитгенди Шабаз? Адамланы ол къылыкълары аман эди...» Сансызлыкъны, оюла баргъан жашауну къурманы адам улудан сора да тилсиз жыныуарла боладыла. Повестьде аллай, сыфаты тынгылы къуралгъан «жигитледен» бири, Къурта деген парийди. Тёгерекни бийлеген шошлукъ аны да мудахландырады, сагъышландырады. Ит да сынаиды жангызлыкъны, нек дегенде «энди уа Шабаз да жокъ, сюрюу да жокъ». Толгъурланы Зейтунну повестьлерини жигитлерини жашау ызлары бирчадыла. Шабазны бла Ариуканы («Ашыкъ оюн») жюреклеринде суймеклик сезим Мажитни бла Фатиматны («Акъ гыранча») къадарларында толу жаналмайды. Ариука сахар жашауа алданып этген атлавларын миллет төрелени баш жорукъларына бойсундуругъа излемейди. Ол себепден юйор насыпха жетишалмай, жашауун жангыдан къуаргъа излейди. Адам улуну гитчелигинде таркъаймагъан суймеклиги уллулугъунда къалай таркъайгъанын эслеялмагъанды таулу тишируу. Аллай болум а аны жашауун мутхуз этгенди. Толгъурланы Зейтун, чыгъармаларында тарых бетлени алышындыра эсе да, эки суйгенни араларында жюрек сезимге энчи эс бурады, аны тинтеди. Анга шагъатлыкъ этген башында айтылгъан повестьледен тышында «Тёгюлген минчакъладыла» (1983). Бу хапарны аты окъуна кесине эс бурдурады, кёз къакъмай, окъуп турурча этеди. «Бусагъатлыкъ дуняда суймеклик кёк бла жерни ортасында жашагъан бир затды. Къачан келеди, къачан учады кериди? Элгенирге хазыр къанатлы», – дейди жазыучу. Суймекликни сыфатын автор «зыгытланып, чакъмай къалгъан» наныкъ тала бла да, «къайыкъгъа ушагъан чурукъланы табанлары эзген минчакъ ташла» бла да тенглешдиреди. Суймекликни туудургъан, аны, жаз гюлча, ариу чакъдыргъан, замансыз ёчюлтген болумланы да жютю кёз бла излейди, бай суратлау мадарла бла ачыкълайды. Ол сезимни социально-ниет эм философия категорияча белгилейди.

1980 жыллада жазыучуну чыгъармачылыкъ ишинде жангы кезиу белгиленеди. 1981 жылда Толгъурланы Зейтунну «Жетегейле» деген

биринчи романы басмаланады. 1988 жылда бу чыгъарма Москвада орус тилде «Большая медведица» деген ат бла да чыгъады. Толгъурланы Зейтунну «Жетегейле» деген романы Къабарты-Малкъарда Совет власть тохташа башлагъан къайгъылы, бушуулу кезиунно юсюнден чыгъармады. Сёзсюз, жашауда жангы низам тохташдырыр ючюн, эскилик – ары дери бола келген затланы сёгерге, ояргъа, тюр этерге керек болады. Аны ючюн а ниет ишни тюрлендирирге, биригип, кюрешни къаты бардырыргъа керек болады. Малкъар жазыучу ол зат бла байламлы, сейирлик суратлау сыфатла къурап, адамланы араларында баргъан кюрешни бек ийнаныулу кёргюзтгенди.

Романны баш жигити Нух эфендини жалчысы, жамауатха энди къошула башлагъан жаш адам Къазакъды. Аны сыфатыны юсю бла жазыучу ёз миллетини ажымлы къадарын суратлайды, терслик бла тюзлюк деген философия ангылаулары араларында чойреликни тинтеди. Толгъурланы Зейтун эсин класс аралы кюрешге артыкъ бурмай, биринчиден, баш жигитни ич дуниясында келишмекликни, аны къылыгъында белгиленген чойрели шартланы ачыкъларгъа итинеди. Жазыучу жамауат жашауда болгъан тюрлениулени суратлау бла чекленип къалмай, ол тарых болумла жигитни къылыгъында да, къадарында да ажымлы ыз къойгъанын сюзеди. Хар адам да энчи жолну сайлайды, аны иши да, кюрешни да, къадары да, сайлауу да энчидиле. Алай аланы бир зат бирикдиреди – заманны ажымлылыгы. Романны баш жигитлеринден бири Мамаш бийни сагъышлары башда айтылгъаннга шагъатдыла: «Адамла – чач-тюрк, араларында – къутургъан суу, кечиюу жокъ, хар адамны – ёз таягъы, баргъан анга таянып барады. Мени таягъым жарылды, белинден къыркъылды, мен жыгъылдым...» Къазакъ сайлагъан жол да къыйынды, къыланчлыды. Жамауатда болгъан тарых ишле бла байламлы Къазакъны ич дуниясы, къылыгъы, дуниягъа кёз къарамы да аздан-аз тюрлене башланадыла. Алай жазыучу ашыкъмайды жигитни сыфатында болгъан тюрлениулени терк окъуна кёргюзтюрп къояргъа: аны толу ангылар ючюн, ол жигитни ажымлы жашау сынауун суратлайды. Къазакъ эркинликге, тенгликге итинген адамды. Алай эркинликни, тенгликни ол кесича ангылайды. Къазакъ Нух кибиклени къара халкъгъа сынатхан зарауатлыкъларына ыразы болмагъанлыкългъа, жангы властыны омакъ чакъырыу сёзлерине толусунлай ийнанып, толусунлай аны жанлы болуп да тохтамайды; жаш жалчы жаланда тенглик, баш эркинлик излейди. Толгъурланы Зейтун ары дери жазылгъан тарых-революция романлагъа тёрели жорукъну бузады: жазыучу Къазакъны революционер этмейди. Къазакъ окъууу-билими болмагъан адамды, ол себепден а ол политикадан ангылауу жокъду, жамауат кюрешни магъанасын терен ангыламайды. Болсада миллет ниетни, баш эркинлик ючюн кюрешни байрагъын бийикде жюрютюуну уа ол кесини артха салмазлыкъл ишине санайды. Къазакъ жангы властыгъа да къуланмайды, аны кесини излеу жолу энчиди. Ол, муратына жетер ючюн, бек биринчиден, кюрешни жолун сайларгъа керекди. Алай жигит анга игиликни излеген, байланы,

бийлени уланлары кийиучю кийимлени кийдирген Нух эфендиге – кесини бийине къажачу сюелирге базынмайды («Санга игилик излегенни аманлыкъ бла къалай къуугъун? Нух эфендини къолундан туз гыржын ашагъанма. Эллили не айтырла? Сора таулу таулугъа сауут кетюрген неге ушайды?») Быллай сагъышла барлыкъ жолундан тыядыла, этерик ишлеринден сокъурандырадыла. Миллет адетле, тёреле, намыс-сый терен тамырланган элде ёсген Къазакъ, не бек кюрешсе да, ол затланы харам эталлыкъ туююлдо. Къан бла кирген жан бла чыгъады. «Ата-бабадан бери келген, иги, аман эселе да, тёрелени, адетлени жангыртхан тынч болмаз. Къазакъ кесинден таматалагъа, къартлагъа, къоншулагъа намыс, хурмет этип ёсенди. Ол андан башха адетге юйренмегенди... Душманнга жетгенде, къоншу, тамата, къарт деп айырыргъа жарамазлыгъын билмейди. Таулу сабийле насыпларын, жашауларын табар ючюн, аланы эзген башха таулулагъа сауут кетюрген айып, гюнях да болмагъанына къайдан тюшюнюрюкдю?..» Болсада аны ангылаунда жангы, насыплы жашаугъа элтген жолну кесерге бир инсан да эркин туююлдо.

Къазакъ жаланда бир жолну тутханлай бармайды, жангы жашау келе келгенлей, халкъгъа, керти да, баш эркинлик, махтаулукъ берип къоярыгъына ийнаннгандан эсе, ийнанмагъан кюнлери кёп боладыла. Совет власть оноуну кесини къолуна алып тохтагъанлы уа – бютюнда. Бёрю къойгъа сен туюкюсе дегенлей, сейирди быланы ишлери. Аякълары киргинчи, таякъ кёрюзтюп деп келди Къазакъны эсине. Тюзлюк ол эсе, сора тереликлери къаллай боллукъду? Керилген а этгендиле, уруп къачан башларыкъдыла ансы?» Элге келген жангы адамла халкъны ырысхысын, мюлкюн къолгъа жыядыла, бир кишиге бет этмейдиле; жангы жашауну ёкюллеринден бири Барасбий Нух эфендини къызы Саудатны, ушкюкнү кёкюрегине тиреп, алтын кереклерин зор бла сыйырады. Къазакъ, ол артыкълыкъны кетюралмай, къыз жанлы болуп сюеледи. Тюнене ол адамлагъа ушаргъа итиннген, ала тутхан ниет ючюн жанын берирге угъай демезлик Къазакъ бюгюн аланы бетлерине окъуна къараялмайды, жийиргеннген этеди аладан. Жигитни оюмуна кёре, жангы властыны келечилери анга «жаханимлик адамладыла», аладан не элге, не эллилеге да тынчлыкъ жокъду. «Биреу биреуню мюлкюне дау айтхан дуняда адамлыкъ, къоншулукъ ёлмей, кёпмю барыр?» – деген соруу жарсытады Къазакъны. Толгъурланы Зейтун кесини романыны баш жигитини жүрегине тюшген ишекликни – алгъынча, Нухну къулу-къарауашы болгъанлаймы жашаргъа огъесе жангы жашауну ёкюллерини къошулургъа – чыгъарманы ахырына дери ёчюлтмей бардырады. Ол арсарлыкъда миллет адетле, тёреле, диннге ийнанмакълыкъ, жангы властыны кёп терс ишлери баш жерни алгъандыла. «Шериат тохташдыргъан тюзлюкге жангы власть, большевикле не къошаллыкъдыла? Муслиман дининги, ийманынги къафырлагъа хыликкя этдирип неда кесинг кибик бир муслиманнга аты айтылгъанны жоюп алгъан «Большебик эркинлик» неге керекди, ол арбазда мал айнырмы, сабийле ёсер-

леми? Къзакъ кесини гитче миллетчигине, асыры аздан таулагъа юркую жашагъан миллетчигине, дин къарындашларына сауут кётюрлюк туююлдю. Ол жалчыды, неди да, кимге жалынады, мындан ары да кесине керекни къан тёмей да алып».

Чыгъармада суратланнганына кёре, Къзакъ бир жерде да, бир ишни юсюнде да адамлыкъ даражасын экили этмейди. Кертиди, бола тургъан ишлеге кёлю бла къатышмагъанын кёрюп, билип турады. Алай арсарлыкъдан, кёлсюзлюкден къутулууну жолун а табалмайды; иги умутсуз а туююлдю, – ёмюрден ахыргъа башын кётюрюп, белин тюзетип жашар заман келлигине ишексизди. Толгъурланы Зейтун жашауну тюрлениуюн, революцияны ниет излемин романны баш жигитлерини ич дуняларын ачыкълау бла, аланы ишлерини, кюрешлерини юслери бла ким да ийнанырча тап суратлап кёргюзтгенди. Чыгъармада жазыучу жангы хапарлау ызны сайлайды – жигитни ич сёзюн, ёз оюмун терен ачыкълауну. Быллай суратлау мадар а сыфатны къылыгыны тюрлениуюн, жашаугъа къарамын ачыкъларгъа себеплик этеди. Артдан-артха жашауну, жангырыуну юслеринден Къзакъны философия оюму, ангылауу ёседен-ёсе баргъаны ачыкъ кёрюнеди. Жашауда бола тургъан кёп тюрлю ишле, ала бла байламлы туугъан соруула («Ол кимди? Не бла ёхтемленаллыкъды?») аны тынгысыз этгенлей турадыла. Байланы бла жарлыланы, «къызылланы» бла «акъланы» араларында болгъан айрылыкъ-демлешиу а бютюнда бек жарсытадыла. Алай Къзакъ ол затладан къутулууну жолуна тюшалмайды. Аны себепли: «Да сора мен кимме?» – деген соруу Къзакъгъа тынчылыкъ бермейди. Кечеси, куюно да Нухха къууланып жашагъан Къзакъны жокъду бир махтаныр, къууаныр жери. Жаланда аны кёлюн басхан, бир кесек баш да кётюртген бий анга хаух берген чепкен бла къамадыла, сора жарагъан ат. Ала да (Къзакъ кеси толу сезмей эсе да) жангы жашаугъа ишеклик туудургъан затладыла.

Романны баш жигити Къзакъ эки отну ортасындады: бир жанындан – большевикле тутхан ниетге экили болууу, экинчи жанындан – Нух киби бийлени келе келген жоллары аманлыкъдан топпа-толу болгъанлары, бютюнда кеслерине тап тюшюрюп ючюн, халкъны сатханлары аны жүрегин кюйдюредиле. Къзакъ айтханлай, бу жалгъан дуняда тюз жол сайлай билмеклик кёкню жети къатысына барып къайтхандан эсе, кёп да къыйынды. Эки отну ортасында жашамакълыкъ а – бютюнда къыйын.

Толгъурланы Зейтун, алыкъа бурунгулу адетлени тузагъындан къутулалмай, ажашып айланган, революцияны жели акъылдан шашдырыргъа жетдирген таулуну сыфатын бек тынгылы, бек тап къурагъанды. Жазыучу болгъан неда болургъа боллукъ затланы, адамны дунягъа кёз къарамын, кертиси бла да, тынгылы ачыкълагъанды.

Къзакъ къаллай жигитди деген соруу туады. Анга бирден ол тюз неда аман къылыкълы жигитди дерге жарамайды. Къзакъ этген ишлеринде бирде ёхтемди, бирде сокъуранады, бирде экили болады. Жамауатда бола тургъан тюрлениуле аны эсин да, халын да тюрлендиредиле.

Жигит тюзлюкге, тенгликге итинеди. Алай этген муратларын тамамлар ючюн, мурдарлык жолну сайлайды. Къазакъ, Нух бийни ёлтюрюп, зорлукъну, артыкълыкъны, тенгсизликни тамырларын арталлыда тюрю бла кесип кетергенге санайды кесин. Алай ол мурдарлык жашха арталлыда тынчлык бермейди. Къазакъны къулагъына жоюлгъан Нухну ауазы эшитилгенлей турады, аны ачыулу соруулары жигитни къозгъайдыла, нек дегенде ала кертидиле: «... Сен да уруш этдинг, къан тёркдюнг, къайдады ол тапхан уллу насыбынг? Къайдады мангълайынг-да жарыкъ жаннган жулдузунг? Тёгерек бёркюнгде къызыл къашханг, къылычынг къайдады? ... Жараларынг тапхан насыбынг...». Кертиси бла да, Къазакъны жүрек жаралары ёмюрден ахыргъа ашланганлай тургъандыла, бир заманда да анга тынчлык бермей. Жазычу, романыны баш жигитини сыфатын бютюрюнда иги ачыкълар ючюн, жигитни жашауун къарт терекни жашауу бла тенгleshдиреди. Ол терекни къадары да, алышынмай, Къазакъны къадарына ушайды, – терек, тамырларын теренге жиберип, кесин желден, ырхыдан да сакълагъанды. Балта тийген, бичакъ кесген таплары да бардыла. Къарт эмен терекни къатында тургъан Къазакъны мудак сагъышларында терекни да, адамны да ажымлы къадарлары белгиленедиле. «Бу дуняда ёхтемлик, насыпсызлык да бар, иги, осал да, къарыулу, онгсуз да, эслилик, эссизлик да бар, аллай заманда игини амандан артха салырча билим, эс, онг да жокъ...» Къазакъ да жашауунда кёп зарауатлык сынагъанды. Ол себепден Къазакъ жүрегини терениден жарсыйды къуругъан терекге. Аланы экисини да къадарлары бирча ажымлыдыла.

«Жетегейле» деген романны суратлау кюрюне энчи эс бургъан заманыбызда, биз бек алгъа адамны бла революцияны араларында байламлыкъны жазычу уллу усталыкъ бла ачыкълагъанын кёрөбиз. Былайда Нух бийни сыфатыны къуралыу формасы да окъуучуну сагъыш этдирмей къоймайды. Уллу байлыгы болгъан, халкъ оноундан чыкъмагъан таулуну дуняны сагъайтхан тарых тюрлениулени кезиулериинде кесин жүрютюую, не къыйынлыкъда да ёхтемлигин, кишилигин тас этмеген бийни сыфаты бизни суратлау адабиятыбызда ёмюрден ахыргъа кесини тийишли жерин алгъанлай турлугъу арталлыда даулашсызды.

Былай романны окъуй келгенде, Нух эфендини терс жигитге санайбыз. Неда ол бий болгъаны ючюнмю кёрюне болур бизге алай? «Аз аманлыкъмы этгенди ол эллилерине?» Алай жазычу аны, бийни, эфендинича угъай, къадары бушуулу болгъан адамныча бегирек суратлагъанды. Толгъур улу, Нухну юсю бла жангы жашаууну тузагъына тюрюп, анда жоюлгъан кёп тау бийлени, къолларындан келген акъыллы адамланы сыфатларын къурагъанды.

Жазычу Нухну уллу къыйынлыкъгъа тюрюшгенини сылтауун жаланда аны байлыгы, бийлиги бла байламлы этип къоймайды. Аны адамлыкъ даражасын тас этдирген – жангы жашауу къурайбыз деп, большевикле халкъгъа жетдирген къыйынлыкъ, ала кёплени халал къанларын тёркенлери болгъанын суратлау сёрню кюрю бла ангылатады Толгъур

улу. Андан арысында Нух, бир затха да, бир адамгъа да ийнанмаулукъну тузагына тюшюп, кимге да аманлыкъ этиуню жолун излейди. «Сууукъ адамла – сууукъ жулдузла. Сиз бир бирден узакъсыз, арагъыз – жолсуз, зарлыгъыгъыз – чексиз. Сизни зарлылыгъызыны ууу дуняны къара кё-мюр этди, мени жүрегими уа – таш...» Ол Нухну ауазыды, эртте ёлген адамны ауазыды, Къазакъгъа бюгюн да тынчлыкъ бермеген. Кертиси бла да, жангы жашаудан халкъ кёрген неди, насыплы болдуму ол? Къазакъ анга жууап тапмайды. Кеси да сынамады насып, къууанч, къартлыкъ къысхынчы дери жашагъанында да.

Нух, уллу жашау сынауу болгъан адам, тарых тюрлениулеге бир-силеден эсе, кёп да эсли кёзден къарайды. Сёз ючюн, революцияны юсюнден бир аман, огъурсуз хапар эшитсе, бирси бийлеча, олсагъат окъуна къамасына жабышып, къайгъыдан къырып башламайды. Ол кёрмеген не къалды дуняда?! Къалыубаладан бери халкъгъа къуллукъ этип келген затла аны кёз аллында оюлуп, жокъ болуп кетдиле. Алай не тюрлю болумда да Нух кесини байлыгъын сакъларгъа керек эди: жерин, малын-мюлкюн. Ол ангылагъаннга кёре, аны ёмюрден бери жыйгъан ырысхысын, малын-мюлкюн революциягъа дери арбазларында «чуу» дерге тауукълары болмагъан къарабыдырла юлешип башласала, алагъа къарап, жүреги жарылмай къалай къалсын? Болсада къыйын кюнюнде жалчысы Къазакъ анга билеклик этеригине уа ийнанганлай жашагъанды. «Ёгюз ёлсе, эт бар, арба сынса – отун. Экисинде да эфенди къуру къалмазгъа жүреширикди». Нух да кеси тутханны иймезге керекди. Не да этип, Къазакъны билек ючюн, ётгюрлюгюн да хайырланыргъа керекди бу къыйын кюнюнде. Ол да билсин Нух анга аман болмагъанын; аш-суу, кийим керекли этмегенин, бир заманда да ат белинден тюшюрмегенин. Къалай-алай болса да, Нух Къазакъгъа толусунлай базыналмайды. Кертиди, Къазакъ, хыны чайкъалгъан тенгиз толкъунларында жүзген кемеге ушайды. Алай ол тенгизге батып кетмейди. Айта келгенибизча, Къазакъ жашауда кесине жол излейди, жол сайлайды. Ол бир сансыз жерде жоюлуп къалыучуладан туююлдю. Къазакъ алыкъа не Совет властыны, не Нухну туююлдю: кесинлей къалыргъа сюеди, ол тутхан ниетни зор бла киши да тюрлендираллыкъ туююлдю.

Нух кимни да сагъыш этдирген адабият жигитди. Жазычу аны къылыгъын, ич ниетин, этген ишлерин, эллилени араларында намысы къалай жүрюгенине дери да бек тынгылы суратлагъанды. Бий къада-рында аны аты кенг белгиледи, байлыгъы уллуду, этген оноуна чурум табылмайды, къулларындан а ишни бек къаты сурайды, кесини тасхасын башхагъа билдирмейди, къылыгъында огъурсузлукъ, хыйлачылыкъ шартла да бардыла. Толгъурланы Зейтун Нухну ол ышанларын аны тукъум даражасыны юсю бла угъай, ич дунясын ачыкълау бла береди. Жазычу Нухну терс шартларын белгилеп къоймай, аны туугъан жерине суюмеклигин, анга кертичилигин да чертеди. Ол шартла бютюн ачыкъ бийни ичинден айтылгъан сагъышларында белгиленедиле. Нух, Черек жагъасында олтуруп, аны бла ушакъ этеди: «Сен да,

менлей, жан-жанынгы талай, ашыгыаса, сарнайса... Айтчы, ары, кьула тюзлеге жетеме деп, жилиуунгуму этесе? Тенгизге кьошулуп, тас боллугьунгу тарыгыуунму этесе? Жамауатха кьошулган адам – тенгизге кьуюлган черек... Тенгизге кьошулган черек – жеринден айырылган адам...» Толгьур улу, Черекни болумун суратлай, жигитини бушуулу кьадарын кьргюзтеди. Нух кесини кьадарын Черекни кьадары бла тенг-лешдирген этгенликге, кьайсы жолну сайларгьа уа билмейди: ол не туугьан журтундан кьачаргьа, не да мында кьалып, ажымлы жоюлургьа керекди. Белгилисича, ол заманлада кьепле кетгендиле Тюркге. Нух да кюсейди ол затны, жанын ёлюмден сакьлауну мадарларын, ыспассыздан жоюлгьандан эсе, жашауну ахырына дери адамлыкь даражасын сакьлауну жолун. Алай туугьан жерге суймеклиги аны ол оноууна бой салдырмайды: адам туугьан, ёсген, чынтты бий болуп тохтагьан жеринде жашаргьа, анда намысы бла ёлюрге керекди. Кьоркьакьлыкь а эр кишини иши туююлду.

Артда да Нух Тюркге кетмегенине ачыу этмейди. Кертиди, мында да халкь баш ургьан «Аллахха» баш уруп а жашаяллыкь туююлду. Ол, аты айтылган бий, кимни арбасына минсе, аны жырын жырлап да айланалмаз, жамауат кьргенликден.

Башда айта келгенибизча, «Жетегейле» деген романны баш жигитлерини барысыны да кьадарлары бек бушуулуду.

Кьеп жазыучула революцияны, инсан урушну, жангы жашауну Совет властьны юсюнден халкьгьа алай тюз хапар айтмагьанлары бюгюнлюкде барыбызгьа да белгилиди. Сьез ючюн, бир тюрлю хаталары болмагьан адамланы ажымлы жоюлгьанлары, башха артыкьлыкьла, зорлукьла да ташада кьалып кьалгьандыла, суратлау адабиятха кирмей. Толгьурланы Зейтунну «Жетегейле» романы уа бизни миллет адабиятыбызны тарыхында Совет властьны юсюнден керти хапар айтхан биринчи чыгьармаладан бириди. Совет власть халкьгьа не жангылыкь, не игилик келтиргенди? Ол неге юйретгенди? Жазыучу ол соруулагьа кесини адабият жигитлерини бушуулу кьадарларыны юслери бла тынгьылы жууап береди. «Жетегейледе» атлары айтылган адамла (сьез ючюн, Кьаспот) кеслерини баш борчларын ырысхы байлыкь ючюн талашыуда угьай, тюзлюк, баш эркинлик ючюн кюрешде кьередиле. Миллет романда жангы зат – хар жарлы адам да революция ючюн эсли кюрешчи болалмайды, игини бла аманны, тюзлюкню бла терсликни бир биринден айыра билалмайды. Кьепле – Маске, Шамгьун, Хусей – аман кьарынларын тойдуруп ючюн сермешгендиле. Жазыучу аллай сыфатланы юсю бла революцияны байрагьыны тубюнде кесине игилик излеген адам халкьгьа ёмюрге да игилик этмезлигин ангылатады. Совет власть ючюн жалаанда жарлыла кьан тькгендиле деп, эндиге дери айтыла келген оюмгьа да чек салынады бу чыгьармада. Жалаанда алай болуп кьалса эди, Совет властьны келиуюу бла байламлы уллу тюрлениулени кезиулеринде жашау турмушха, экономикагьа башчылыкь этерге, аланы ишлерин журютюрге адам табылмаз эди. Нухну монологунда ол затла теренден

ачыкъланадыла: «Сени жауунг шамгъунлагъа, Хусейлеге ышанып къалсын... Сабет бласт а алагъа базаына эди, аллайлагъа таяныргъа кюреше эди. Не сейирди ол, анга мюлк, мал малтатхан власть кеси да малтаныр, эртте-кеч болса да...» Жазычу романда жангы власть а халкъгъа ол сакълагъан игиликни этдими деген сорууну салады, анга да керти жууап береди. Большевиклени, бек биринчиден, этген «игиликтери» – онглары болгъан адамланы ырысхыларын зор бла сыйыргъаны. Жангы власть тюзлюкге санагъан – Нухча адамланы мюлклерин тонау. Аллай ишле жамауатны элгендиргендиле, экили этгендиле.

Бу чыгъарманы жигитлери политика болумлагъа багъа бичерге къолларындан келмеген, эссиз адамладыла деп бир окъуучу да айталыкъ туююлду. Аны алайлыгъын Сейитни юсюнде окъуна керебиз. Къаллай терен оюм этеди ол большевиклени хар атламларыны юсюнден.

Совет власть ючюн къан тегюп айланганланы араларында окъуна бардыла этген ишлерини, тутхан жолларыны тюзлюклерине хазна ий-нанмагъанла. «Эркиник!», «Тюзлюк!» – деп, аланы хар бири да къычырадыла. Ол зат ючюн къан теггенлерин, жууукъгъа-тенгнге бет эмегенлерин да айтадыла. Ала артда сагъышланадыла, жүрек тынчылыклары жокъду, ахшы умутлары жансыздыла. «Биз этген иш бла бусагъатдагъы жашау хал а бирге келишемедиле?» – деп сорады Барасбий, кеп аманлыкъдан артха турмагъан| большевик кеси кесине. Алай байладан сыйырылгъан ырысхы, мал, мюлк къара халкъгъа насып келтирмегендиле, жүрек тынчылык бермегендиле.

«Жетегейле» романда эрттеден да берилген соруу салынады: дунияда тенглик боллукъмуду? Анга жууап бирди: адамла арасында толусунлай тенглик ёмюрде да боллукъ туююлду! Совет властыны биринчи кюнлеринде окъуна агны асылы, кийимни сыйлысы, ариуу, тутхучлусу къуллукъчугъа жетгенди.

Жазычу заманны сыфатын, суратын, суратлау сёзюню кючю бла уста хайырланып, тынгылы къурагъанды.

«Жетегейледе» тинтилген соруула жазычуну «Кёк гелеу» (1993) деген романында да магъаналарын тас этмейдиле. Бу романы ючюн жазычу 1994 жылда Къабарты-Малкъарны Къырал саугъасына тийишли болгъанды. Толгъурланы Зейтун жангы чыгъармасында да халкъны бушуулу къадарын, «бластны» жахил келечилери керти инсанлагъа сынатхан артыкылыкны тынгылы ачыкълап, кеп тюрлю сыфатла къурауда усталыгъын кёргюзтгенди. Бу романда немецдиле Малкъар ауузуна кирген кезиу, аланы ызларындан а совет аскерни «азат» этгени – 1942–1944 жылла суратланадыла. Алай романны жигитлерини эсгериулерини окъуучуну эсин жыйырманчы, отузунчу жыллагъа да бурады.

Жазычуну тили бла айтханда, ол заманны юсюнден былай айттыргъа боллукъду: «... биреуню сёзю къоншусуна палах бола тургъан дуния...»; «... эгеч эгечни сурамагъан ачы дуния...»; «... бусагъатлыкъ жашауда къулакъсыз, тилсиз ит болмагъан заман...». Халкъны ёксюзлюк сынагъан заманы: «ёксюз эди жамауат». Биле эди ол кесини ёксюз-

люгон: башхала суу ичгенде, ол буз жалап турургъа угъай демей эди. Алай, не медет, ёксюзно жиятыргъа, юйретирге суюген къоншула кёп табылычудула...»; «... игиле, акъыллыла иги да, акъыллы да кёрюнюрге жарамгъан дуния»; «...эгечлерин къарындашлары ёлтюрген заман...».

«Кёк гелеу» деген романда къадары да, мураты да башда айтылгъан заманны жели бла тюрлендирилген сабийледен бири ючжыллыкъ Кърымды. Анасы Халимат тели ауруудан ауруп, тели болгъанды деп, жашчыкъны анасыны тамата эгечи Айшат ёсдюрюрге алады. Ол, кеси къыйынына ёсдюрмей, Халиматны алтынлары ючюн таукелленгенди. Халиматха хар ким да «акъылдан шашхан», «сакъат» тиширыу дейдиле. Кесине да, тюз атын айтмай, Хабла деп къоядыла. Алай аны тели суннганлыкъга, ол тели туююл эди. «Иги кесек замандан бери эгечлери анга акъылы, эси тутмагъан адамгъача сёлешгенлерин ол ангылай эди... Алай мен сизден тели туююлме деп кюрешсе, аны бютюнда телиге санырыкъларын биле эди...» Халимат алгъаракъда Хабла деген аланы эллеринде жашагъан, керти да, акъылдан шашхан тиширыуну саулуугъа иги болгъан замандача эсгере эди. Аныча жарлы тиширыугъа киши да кёз-къулакъ болмаучу эди: Халимат Хаблагъа, бир эгечине къарагъанча къарап, кийимин, ашын-сууун тапдырып тургъанды. Энди уа, жангыз сабийин кёз аллындан тас этмей туруп ючюн, ол Хаблача «ыспассыз, жарлы болургъа да ыразы эди». Ананы сезими, аны суюмеклигини къуршча къатылыгъы сабийин тас этгенинде, башхача айтханда, «урлатханында», ачыууну теренлиги Халиматча тиширыуну сыфатында, баям, малкъар прозада биринчи берилген болур. Ол тиширыуну жашчыгъына суюмеклигини кючюнден, не тели ауруу да, не уллу къыйынлыкъ да хорлаялмагъандыла. Алай, жарсыугъа, Кърымны сабий эси ана кючюно аллында къарыусуз эди: Айшатчаланы кюйсюзлюгю жашчыкъны атасы-анасы ким болгъанын унутдура эди. «Атам, амам жокъдула, хуна тешикден чыкъгъанма», – деп турса, анга киши тырман этмегенине, урмагъанына бла туюмегенине жашчыкъ юйренген эди...» Алай, къалай-алай болса да, ючжыллыкъ жашчыкъны жүреги туугъан анасы къалайда эсе да бек жууукъда болгъанын сезеди. Бир-бирде уа Кърым анасын узакъдан кёрюучю эди. «Бир кюн а, ингирикде, сакълай, къарай кетип, энишге энип, юйлерине ашыгъып келген оракъчылары ичинде анасын танып къойду... Алай тиширыуладан киши тау этегине тюшмедди. Къарангы болгъанда уа, анасы, бийигирекге ёрлеп, артха кетгенин эследи. Нек?...»

Сабий анасына тартылгъанча, ана баласына кече, кюн келгенлей турады. Аны жолу тауусулмайды, юзюлмейди. Алай кёп «бюгюнле» бла «тамбалала» озадыла. «Кърымны анасы уа, келе келип, биягъы артха къайтып кетгенди. Нек эте болур ол алай?»

Келе келип, терекча болуп нек къалады? Ана жашчыкъга къайтмай эди. Кеси уа, къоркъуп, баралмайды – алыкъын гитчечикди.

Гитчелеге уа юйден узакъгъа кетерге жарамайды». Ол сорууланы къуру жашчыкъ кеси кесинден сора болмаз эди. Быллай соруула къуру

Кърымны къадарыны юсюнден болуп къалмагъандыла: Ол жазыучу малкъар миллетни юсюнден сагъышыды. Терен оюм этген окъуучу Халиматны Айшат, Хафисат, Жюзюм деген эгечлерини сыфатларыны юсю бла бир ненча миллет республикаладан къуралгъан къыралны суратланганын да эслерикди. Орталарында къыйынлыкъ сынай ёсген ёксюз жашчыкъ а – аз санлы тау миллетлени бетиди. Айшат «Кърымны атын къыйын, хыпьяр сабийге чыгъарып, олтургъанла да анга ишексиз ийнанырыкъларынын» сую эди. Хау, малкъарлылача, чеченлилача, ингуш-лулача «ууакъ» миллетлени «тюзлюкню излеген, хар кимге да эгечлик этген къырал» «хыпьяр» миллетлеге санап, сабийни ана жылыуундан айыргъанча, туугъан тыпырларындан айырып, Орта Азияны аулакъларына къуйгъан эди.

Къадарны желлери жангы «бластны» кючю бла миллетни намысын, даражасын сындырырдан аямагъандыла. Аллай ишлеге бу романда эфендилени ачыулу къадарлары шагъатлыкъ этедиле. Уллу жарсыугъа, бизни белгили малкъар жазыучуларыбызны бир-бир чыгъармаларында эфендиле бла дин ахлулары терс жигитлени къауумларына киргендиле. Аллай чыгъармалагъа, аланы жазгъанлагъа да терс кёзден къарардан алгъа, бир затны эсге алыргъа керекди: ала заманны излемлерине кёре жазылгъандыла. «Кёк гелеу» деген роман озгъан заманны юсюнден жангы, айтылмай кёп жылланы ичинде тунчугъуп, чыгъалмай тургъан сёздю. Ол сёз да кеси заманыны ауазы бла айтылады. Аны айтханым; роман бла шагъырей болгъан окъуучу эфендиле халкъны жашауунда башха магъана тутханларынын эслерикди.

Толгъурланы Зейтунну жангы романында Темукку эфенди, Мустафа эфенди, Алий эфенди «уялары чачылгъан, кирир жерлери болмай къалгъан, къанатлары сынган къушлагъа ушاپ,.. сёзлери чапыракъдан ётмеген къартладыла». Ийнаналмай эдиле ала жангы «бласт» алагъа аллай «саугъа» этеригине. «Айымыды, ийнек аягъы бузоу ёлтюрмейди, «ёз бластлары» аланы ачытып къоймаз. Къартла гузабасыз, сабыр эдиле. Хужулукъ борбайланы къарыусуздукълары болмаса, «ых» демей, къайры да барлыкъ эдиле...» Алай бла, жангы «бласт» кёп эфендилени жойгъанды.

Юйюрде онгмагъан, терсине тартхан бир адам болуучусуча, хар миллетде да бардыла терсбоюн адамла. Малкъар миллетни ичинде да ол къыйын кезиуде кёп Чиппола болгъандыла. Келген «бласт» аллай къарангы, учуз адамланы себеплери бла тюзлюкню бла кертиликни излеген кёп адамны жойгъанды, халкъны ауазы, тауушу-тууушу чыкъмазча, богъурдагъындан бууаргъа умут этгенди. «Совет власть – тот кесерик чалгъы» деген сёзню ачыкъ магъанасы артда ачыкъ бола баргъанды. Не медет, ол «чалгъыны» аузуна хансны аманы, игиси да тюшюп бара эди. Ол «чалгъы» кеси да Чиппоча, Хакимча, Хамалайча «къызыл жагъалылары» къолларында ойнай эди. Ала кибикле халкъны сокъур, сангырау этерден, толу акъыллыны атын телиге чыгъарырдан, сау миллетни намысын, даражасын энишге тюшюрюрдан артха турмагъандыла. «Сюй-

мей эдиле «бластлары» болгъан адамла кеслеринден иги кёрюннгенлени, тап, аладан мажал кийиннгенлени окъуна... Аллай адамлагъа къуллукъ берген эшекге алтын иер салгъан кибик эди...». Ахырында уа аллайланы ёлюмлери да, жашауларыча, ыспассыз болуп къалады. Ким биледи, бюгюннге дери сау-эсен жашагъан чиппола, хахимле кеслерин таныркъа да болурла.

Романда эки «бласт» суратланады: бири – совет «бласт», «тот кесерик чалгъы», экинчиси уа – герменли «бласт». Халкъ билмей эди не этерге: «Кеслерини «бластлары», ауузларын тыялмагъанлары ючюн, исси къапдырырдан къоймагъанды. Сора тышындан сауут саба кётюрюп келген «бласт» а артыкъмы онгдурлукъду? Акъ бетли «бласт» ол да туююл эди». Герменли властыны бла «совет властыны халкъгъа сынатхан артыкълыкълары бир бирлерине ал бермегендиле. Экиси да «бир тонгузну бурунундан тюшген кибикдиле... Эки «бластыны» да бегеуюллер, мыртазакълары бир бирге ушай эдиле...» Немец аскерни битеу жер башында къыралланы кесине бойсундуругъа умуту болгъан эсе, совет бластыны уа кеси къыралында ууакъ миллетлени барысын да бир бетли этер умуту болгъанды. Романны экинчи кесеги окъуучуну Марков деген къызыл аскерни къуллукъчусу бла танышдырады. Башда айтхан «бластыны» къара бетли этген Марковча адамла болгъандыла. Аны юсюнден жазыучу былай айтады: «Марков башха миллетлени къылыкъларын-адетлерин билип, ангылап, алагъа хурмет этерге суюнгенледен да туююлю. Кёп халкълы, тарыхлары жюз жылла бла сыналгъан миллетлени ишлери башхады. Бу къабартылы, бу малкъарлы неда къарачайлыды деп да айыртламай эди ол. Барысы да – къара шинли, огъурсуз адамла. Къама ойнатып, ушкок атхандан сора, жукъ тындыра билмегенле. Хайыуанла кибик дей эди ичинден. Таулуланы чомартлыкъларын, къонакъгъа сакълыкъларын окъуна эссизликге санай эди...» Оруслу жаш «улли орус халкъ, тамата къарындашлыкъ этип, болумсуз, мадарсыз «кичи къарындашларын» сыртына миндиргенлей, ашатып-кийиндирип тургъан суна эди. Марков ангыламай эди, ангыларыгъы да келе болмаз эди, баям, аз санлы миллетле да кеслерини къол къыйынлары бла жашаялгъанларын, жашаяллыкъларын да. Аз санлы болсала да, кеслерини адет-къылыкълары бла, ишге хунерликлери бла не кёп санлы миллетге да ал берлик туююл эдиле. Миллетле санларына кёре, уллу миллетлеге бла «аман хансча, кырдыкча» ууакъ миллетлеге бир заманда да юлешинмегендиле. Аллай юлешуле жаланда марковчаланы къолларыннан келгендиле. Марковча адамла аллай политиканы бардырыгъа себеплик этген, «бластыны» къолунда ойнагъан сауут болгъандыла. Халкъыбызны бек бушуулу кюнлерин (Уллу Малкъарда бир ненча элни совет аскерчиле къыргъанлары, аны ызындан а битеу халкъны Орта Азиягъа кёчюрюу) аллай марковла жууукълашдыргъандыла. Романда ол ачыулу кюнле бек шатык суратланнгандыла. Халкъ ажалдан къоркъмай эди; «ёлюмден элгенип, сыйыт этмей эди». Ийнаналмай эдиле адамла быллай артыкълыкълагъа. «Къарындашларын, аталарын, эрлерин урушха ашы-

рып, ёксюз, жесир кьалып, энди уа кьоруулар адамлары болмай, аланы излей эдиле, чакъыра эдиле. Эр кишилери узакъда башха от жагъаланы, босагъаланы отдан, окъдан сакъларгъа жиберилип, мында уа кьагъанакъ сабийлери, сюнги бурунунда ёлген тиширыулары сыйытлары, жилиялары эди ол. Артыкълыкны сылтаун билирге термилип, билалмай, соруулары юзюлген эгечле; анала...» Бу артыкълыклагъа табийгъат да, жаныуарла да шагъат эдиле. Кёк бёрю Гажай да «мал кёрмеди – адамла кёрдю, терек тюплерине, ташлагъа кысылып, ёлюп, кими узунланып, ташха, терекге термилгенча, кими кьучагъын кенг жайып...».

Адамны миллетлигине кьарамай, жандауурлугъун тас этмеген, малкьар тарланы, аланы ичлерине кирип жашагъан халал жюрекли халкьны иги таныгъан орусла жаш Сергей Кравцов бла малкьар окъуучу Толгъурланы Зейтунну «Жетегейле» деген биринчи романында окъуна танышхан эди. Марковха чюйре тургъанладан бири эди Сергей Кравцов, нек дегенде ол биле эди малкьар халкьы огъурлу, тюзлюкню излеген халкь болгъанын. Марков нек эсе да Кравцовха ышанмай эди. «Черк ауузун, анда жашагъанланы иги биледи деген эдиле. Бек керек эди Марковха кёп билгенле...».

Малкьар халкьны бушуулу кюнлерин суратлай туруп да, жазуучу Халиматны бла Кърымны окъуучуну кёз кьарамындан кетермейди. Халкь кюйген отдан ол экисин Сергей чыгъарады. Ийналмай эди ол орусла жаш таулу тиширыуну сау кьалырына, нек дегенде ол кьыйын жаралы эди. Аны себепли ол Кърымны биргесине алып кетерге умут этеди: «Ол жашчыкьны биргесине алмай кетсе, сансызлыкъ туюлюмдю, тамбла, бирси кюн саусуз ёлюп, сабийи ёксюз кьаллыкьды». Жараларындан эсин тас этген Халимат алай бла баласын да тас этеди: Кравцов жашчыкьны биргесине алып кетеди. Ангылаяла болмаз эди орусла жаш, терекни тамырдан айыргъанча, Кърымны туугъан жеринден, аны бийик кыяларындан, ана тилинден, халкьындан, аны адетлеринден айыргъанны палахын. Ханий деген малкьарлы тиширыу сагъыш этгенча: «Къайры эсе да бирге кетип, жеринден айырып, «хороший» да боламыды, кьаламыды?»

Къадарны буйругъу бла Халимат туугъан жеринден кёчюрюлмей кьалады. Таулу ана тас болгъан баласын эсгере, аны къайтып келлигин сезгенча, он жылны ичинде эки кёзюн жолдан айырмай турады. Орусла жаш биргесине алып кетген ючжыллыкъ Кърымны, ол уллу жаш болгъандан сора туугъан жерине, анасына келтиредди. Алай ол Кърым туюлю эди – Кирилл эди, кьуру кесини атын угъай, ана тилин, туугъан жерин да унутхан, орусча сёлешген жаш эди. Жарлы ана, не адыргы этсе да, салалмады «урланган» жашыны эсине туугъан тыпырыны жылыуун, ана тилини хычыуунлугъун. Ючжыллыкъ Кърымны «бусагъат къадар чомартлыгъын кёргнозтюр, алдамаз, кёп терилтмез, кьонгуроу таууш этип зынгырдатып, кырдыклай шуулдап, отча жанып, кызыарып келир» деген умутлары романны ахырында толмайдыла, жартылай кьаладыла. Кравцовну уа жетмеди кишилиги анасын танытыргъа: ол

жашны артха алып кетеди. Ким берген болур эди жер башында биреуге ананы баласындан, баланы да анасындан, туугъан жеринден айырыргъа, ананы сабийи саулукъда жангызлай къояргъа? Бу сорууну окъуучу романны ахырында кесине берирчады...

«Кёк гелеу» деген романында жазыучу адамланы жашаулары бла бирге табийгъатны, аны жаныуарларыны жашауларын да суратлайды. Адамланы жашауларына тийишли кюреш жаныуарлагъа да тийишли болгъаны кимге да белгиледи. Алакёз деген атны бла юйюр башчы Гажай деген кёк бёрюню араларында чюйрелик чыгъарманы энчи сюжет ызы болады. Алакёзню бла Гажайны араларында баргъан кюрешлерине романны кёп бетлери аталгъандыла. Къаллай фахмулукъ керекди къара сёзню кючю бла хайыуанны, жаныуарны къуру тыш «сыфатларын», тыш «жашауларын» суратлап къоймай, аланы ич дунияларын да суратларгъа! Алакёз бла да, Гажай бла да танышхан окъуучуну эсине белгили къыргъыз жазыучу Чингиз Айтматовну «Плаха» деген романы келирге да болур. Алай «Кёк гелеу» бла «Плаханы» тенглеширгенде, биринчи романда бу суратлау амалны юсю бла адамланы араларында жашау-турмуш, саясат чюйреликни суратларгъа уллу кюч болады, табийгъат болумланы юсю бла айтырыгъын кюзюде кёргюзтгенча этеди, экинчи роман а къудуретни, табийгъатны сакълаугъа чакъырыу халда жазылгъанды. Эки роман да бирча даражада жазылгъаны уа – была малкъар жазыучу Толгъурланы Зейтунну бла къыргъыз жазыучу Чингиз Айтматовну уллу фахмулукулларыны себбиндендиле.

Уллу орус халкъны Марковча келечилерини кючлендирген шарт кёк бёрю болады. «Малсыз жашаялмазларын ангылагъанлыкъгъа, Гажай сыймей эди малланы. Къолундан келсе, аллына-артына къарамай, там-благъы кюнню юсюнден сагъышланмай, бир кюнню ичинде барысын да мурдар этер эди. Тап, къуру журтха къарап, ач къаллыкъ болса да, ёзенлени, тауланы да бёрюлеге юлешип, аланы эркинликлерине берип къояр эди...» Баям да, аны ючюн ол (Гажай) «термилип жашай эди бёрюле къатында мал сюрюуле кырдыкча шош, ташча тынгылауукъ болурларына. Ол кёпден бери бир тюшню кёре эди, аламат хычыуун тюшню: битеу маллагъа бёрюле таматалыкъ этип, бёрюледен эркинлик болмаса, малла, кийикле жерден чёп юзалмай, суу жагъагъа тигелеп, ауузларын суу бла чайкъамай...» Марковчала да умут эте эдиле аз санлы халкъланы тунчукъдуруп, кеслерине бойсундуруп жашатыргъа. Алай «бир халкъны киши от бла, бичакъ бла къырып, артларына чыкъмагъанды, не тобукъландырып, тилсиз малгъа тенг этип къоялмагъанды. Адамны жашатхан, дуниягъа ёхтем къаратхан аны эсиди, алгъа, артха да къаратхан...» Алай адамны эси къайда букъгъанын билалмай эди Марков: «...Жумуртхадамыды бу ташлада, таулада? Шуууддап баргъан Черекни жети къатысындамыды огъесе Алакёздемиди?...» Алайды да, кёк бёрюге да, Марковчалагъа да тынчлыкъ бермеген, аланы бар палахларыны сылтауу Алакёз эди. Романда Алакёзню сыфаты кёп магъаналыды, кёп жашау шартланы жашырын белгисиди. Жюйрюк ажир, жигитликни бла

кишиликни, халаллыкны белгиси болуп кялмай, халкыны озган заманыны, тарыхыны да белгисиди. Халкыны озган заманын сыйырырга уа кепле кюрешгендиде. Алай Алакёзню Гажай, Марков, алагы ушашла да хорлайлмайдыла. Анга шагъатлык этген зат а «сыртны белинде учуп барган Алакёзню туякъ тауушуду». Роман аны бла бошалады.

Бир-бирле «Кёк гелеу» деп нек аталганды романнга, ол кеси да неди деп сорурга да болурла. Гелеу уччалауукъ кырдыкды, аякыны тирерге онг бермеген, бютюнда ууакъ жауундан сора бузласа. Кёк гелеуно жазычу былай суратлайды: «Сырт бети ариу гелеудю. Эрттенлик аязда жерге жаплана да сюзюле, саркыа турган. Ол заманда гелеу бютюнда уччалауукъ болады. Ёрге барганны, энишге келгенни онгун кырутуп. ... Ариу кырдыкды – ышанырга уа керек туюндю. Сыртгандан тийип, неда тенгереп кетип, кеплени эшиклери жабылганды, кычан жыгырын билмезсе...» Кёк гелеу жангы «бластны» сыфатыча берилгенди, нек дегенде ол «бласт» кеплени ахшы умутларын жойганды, жашау жолларын кысхартханды. Кёк гелеуно бетинде «бластха» сатылган Хаким Айшатны эки жашын да ёлтюреди, Алакёзню да кёк гелеу сюйген кырдыгы болганлыкыга, ол «хайт деген атланы, жюйрюк тайланы жыкыган, борбайларын кыркып, абындырган кырдык эди. Алакёз кеси да, бёрюню сюрюп бара, кёк гелеуде жыгылган эди...»

«Кёк гелеу» терен магъаналы, философия чыгармады дерчады, нек дегенде кыруу бир-бир жигитлерини ич дуняларын, аланы араларында байламлыкъланы бла чойреликлени суратлап кыймай, андан терен, бир бир миллетлени жалган «интернационал» шуёхлукъларын ачыкъларга (Гажайны бла Алакёзню «шуёхлукъларыча»), кеп жылланы ичинде малкыар прозада салынмаган, ачыкъланмаган соруулагы жууап берирге, суратлау сёзюно бла жашауда болган тарых ишлени бир сюжет ыз бла келишдирип байларга Толгурланы Зейтунну кюлундан келгенди.

Жазычуну фахмусуну таркыаймаганыны шагъатыча 2005 жылда басмаланган «Акъ жыйрыкы» деген жангы романы болады. Толгурланы Зейтун заманны бийигинден ёз халкыны кыйын кыдарын суратлай, бюгюнлюкде аны миллет ёзегин (ана тилин, адеп-кыылыгын, миллет терелерин) сакъларга не кыдар да эс буругыа кереклисин айтады. Бу магъаналы сорууланы ачыкылауда ол кеп тюрсюнлю суратлау дуняа кыурайды. Романда эки дуняа суратланады: адам улуну – нартланы – дуняасы («суратчыла бла жазычула, илму адамлары сыйсыз болган,.. сабырлыкны бла ёхтемликни мухарлык хорлаган... дуняа») эм анга чойре келген миф дуняа (эмегенлени дуняасы). Чыгарманы ал бетлеринде окыуна окыуучу эсин Коштан таудан кырап турган нартланы душманларыны – Желбыдыр, Менгиреу, Ючлеме, Тёртлеме деген эмегенлени сейир кыралган сыфатларына бурады. Эмегенле эрттеден бери нартла ба кюреш бардырадыла. «Жюз жылланы солуу алдырмай кюрешибиз, не этейик, хорлайлмайбыз. Жерлери – жерлей, кючлери да таркыаймайды. Биз а жылдан жылга аз бола, тозурай барыбыз», – дейди эмегенледен бири Тёртлеме. Кергиси бла да, байлыкы-

ны, кюнню да нартлагъа жер, аны агъачы, сууу береди. Эмегенле ол себепден адам улуну ол сыйлы жерден къуруругъун излейдиле. Быллай миф жигитлени юсю бла жазычу миллетибизни тыш душманларыны сыфатларын ачыкълайды. Халкъгъа, бютюнда аз санлы халкъгъа, заранлыкъ излеген, аны тарых жолун кесерикле бусагъатдагъы дуняда баямдыла. Аллайгъа бирден къажау туругъа эм миллет даражаны сакъларгъа бирлик, ёз адетлеге кертичилик себеплик этерикдиле. Болсада миллетни тутуругъун бузаргъа халкъны кесини ич душманлары да аз болмагъандыла. Чиппону къылыгъында зорлукъ, адамсызлыкъ аны юйдегисине жашы Шамгъуннга, туудугъу Чапайгъа къан бла ётедиле. Жазычу белгиленнген жигитлени юлгюлеринде къыраллыкъ бла, «бласт» бла, къуллукъ бла байламлы жютю сорууланы тинтирге итинеди. Жамауатны жашауунда кемчиликле кёбюсюнде адам улуну къырал къуллукъда кесини инсан борчларын тийишлисича толтурмагъаныны себепденди. Къуллукъ басыхчны бийиклигине итингенлени кёбюсю акъыллары, иш кёллюноклери, адамлыкълары бла жетишмегендиле. «...Бусагъатлада иги къуллукълагъа сайлау тюрленнгенди: миллетим дей билмегенле, аны ишине чырмаулукъ салып, кёзбау этгенле боладыла къуллукъчула, депутатла да, сыйлы къагъытла, майдалла, ашау да алагъа юлешинедиле...» Толгъурланы Зейтун совет власть къурагъан жашауну бушуулугъуну юсюнден ачыкъ айтады: акъны къарадан айыра билмеген иш кёллю адамланы жоюп, къолларындан келмегенлени, ёмюрлери жалчылыкъда, жалынчакълыкъда ётгенлени къыралгъа оноу этдиргенлени, къысхасы, кеси сайлагъанланы къолларындан жоюлады ол кеси («Ёле тургъан ырахын совет власть Чапайланы къубулта эди энтта да. Акъылсыз жаныуар: богъурдагъына бичакъ салгъанлагъа къолун узатып, къалтырай, солууу тыйыла... Бушуулу эди аны къадары: тойдургъан, баш этерге кюрешген адамлары, иги тойгъандан сора, ауузун къызыл къаннга боядыла...») «Акъ жыйрыкъда» Чиппону, «Кёк гелеуде» Чиппону, «Эрирейде» Сафарны сыфатлары да бир бирге ушайдыла. Аланы къылыкълары, къадарлары да бирчадыла. Жазычуну жангы романыны жигитини да «окъууу жокъду, акъылы билими да озмайды... бусагъатлада «бласт» андан не излегенине... иги тюзелгенди: властны душманларын таргъа, ырбыннга тыяргъа, кеси сынагъан учузлукъну сынагыргъа – олду Чиппону борчу». Чиппоча адамланы не туудургъанды, адепсиз-къылыкъсыз ишлени сылтауун жазычу терен тинтеди. Адам улу жашауунда кёп азап сынагъанды. Тарыхны желлери (инсан уруш, Уллу Ата журт уруш, кёчгюнчюлюк) бир бирлерин алыша, адамны къарыулусун, намыслысын сындырыргъа, ууагыргъа кюрешгендиле. Жашауда аллай бушуулу болумланы тамырларын «бласт» келтиргенди, «бласт» чирчиклендиргенди». Болсада табийгъат бла берилген, къан бла келген ёз намысха сакълыкъны, къатылыкъны аякъ тюп этерге чиппочаланы къолларындан келмегенди. Аллайлагъа, жашауларында этген мурастарына артыкълыкъ бла, къарыу бла жетишгенлеге чюйре, жазычу Узунбелланы тукъум тарыхларын суратлайды: Мисирхан,

аны кызы Зайнаф, туудугу Аскерхан. Таулу тишируу Мисирханны сыфатын Толгурланы Зейтун адеп-кылыгыга кытылыкны, ёз намысха саклыкны тийишли юлгюсоча кергюзтеди. Кыыйын жашау болумлада окына, кырыуу болган кырыуусузну хорларга умут этген заманда, Мисирхан бюгюлмейди, сабырлыгын тас этмейди, НКВД-ны жесири болганда да ниет кирсизлигине кертчилей кылады. «Аллах кимге да намыс береди, анга керилрге киши да керек туююлдо. Бласт да унамаз, – дейди тишируу. – Намыс сакланмаган жерден насып ёнгеленеди». Жарсыуга, намысха кытылыкны Мисирханны туудугу Аскерхан сакляялмайды. Брахат жашауга алданган тишируу акъ жыйрыклары тешерге унамай жашаган ыннасы, анасы саклаган намысны жибин юзеди. «Хар нени да иги ангылайды ол: ыннасыча, анасыча туююлдо Аскерхан. Аладан угъай, узакдан келген, Аллах, кёк, жулдузла, ай бла кюн берген илишанын сакляялмай, тую этгенди. Ол илишан андан айырылып, ёнгеленип, учуп кетмегенди, кыанатлы уясындан ёнгеленип учханлай. Ол аны неге эсе да алышханды, иги заманла кыайтсала, ол да кыайтырык сунуп».

Жазыучу хар жангы чыгармасында жангы белгиле кыурайды, ол чыгарманы суратлау магъанасын кючлендиреди, поэтика хазнасын байыкъландырады. Акъ жыйрык романда метафоралы магъанасындан тышында уллу философия магъананы тутады. Бир жанындан, ол «тиширууну кёлюн, ёхтемлигин кётюрюп, акъ жыйрык кийдирген...» суюмеклик сезим бла байланады. Былайда жазыучу эр киши бла тиширууну араларында тууган сезимге философия кёзден кыарайды, аны магъанасын окыучуга терен тинтип ангылашындырырга итинеди. Зекерияны бла Аскерханны араларында байламлыкны юлгюсюнде жашау эм чыгармачылык сынауу уллу болган жазыучу кесини оюмун айтады: «Не медет, суюмеклик да от кибикди. Таянчаксыз терк ёчуоледи, сууга, кыарга тёзмейди – ёчулюп, кыара кёмюр болуп кылады. Ёчуолмез ючюн а, экиси да ол отну ышырып туруга керекдиле». Болса да акъ жыйрыкны кирсизлигин сакларга хар тиширууну кюлуздан келмейди. Ол кёплеге «асыры ауур жюкдю». Жазыучу бу белгини бир магъана бла чеклеп кыоймайды. «Акъ жыйрык нартланы байраклары кибикди», – дейди жазыучу. Ол а миллет намысны, хорламны, келлик жарык заманланы бийик белгисиди.

«Акъ жыйрык» деген романында жазыучу заманланы бирикдиреди: аланы барысын да бушуулук бирге байлайды. Озган заманы бушуулу бетлеринден бирин – кёчгюнчулюкню тёрели хапарлау халда суратламай, Толгурланы Зейтун уллу кыыйынлыкда замансыз жоюлган жаш тиширууну бла андан айырылып кыалган кыаганакъ кызычыгыны жанлары кирген Сепкилбаш деген кёгюрчюн бла жаннет чыпчыгыны кыадарларыны юслеринден сейир сюжет ыз кыурайды.

Ахыр жылларында Толгурланы Зейтун юч китапдан кыуралган «Хутай» деген жангы романын жазып бошаган эди. Аны баш жигити – инсан урушха кыатышхан малкыарлы жаш Хутайны сыфатыны юсю бла

жазыучу озгъан ёмюрде халкъыны къадарын суратлагъанды. Чыгъарманы кесеклери «Минги-Тау» журналны (2007, №3,5,6; 2008, №1; 2012, №1,3) бетлеринде басмаланганлай къалгъандыла. Жарсыугъа, жазыучу кеси саулакъда да, бюгюнлюкде да ол суратлау чыгъарма энчи китап болуп чыкъмагъанды. Дагъыда Зейтунну толмай къалгъан мураты – «Ай, мени тор атым!..» деген малкъар халкъны жигит уланларындан бири Гемуланы Акону бушуулу къадарына жораланган чыгъармасы болду. Зейтун солуу кюнлеринде, не ишин да бир жанына салып, жазыуучулукъ ишине бата эди. Бюгюнча эсимдеди, ол бизге жазыла тургъан повестини юсюнден уллу ёхтемлик бла айтханы. Сёзсюз да, суйюп жаза эди Акону юсюнден. Жашырмай эди жазыучу ол бийик сезиминлерин. Жарсыугъа, Зейтунну ахыр чыгъармасы жарты жазылгъанлай къалды. . .

Терен магъаналы суратлау чыгъармала жазгъан Толгъурланы Зейтунну къаламы жютю болгъанды, ол кертда да жазыу ишинден зауукълукъ ала жашагъанды. Аны суратлау сёзге суймеклиги, кертилиги, ийнаныуу да чексиз эдиле.. Белгиленген сезимле жазыучуну илхам отуна жангы кюч бере, ёлюмсюз суратлау чыгъармала туудургъандыла.

САРБАШЛАНЫ Алёна,
филология илмуланы доктору,
Къабарты-Малкъар Илму Араны
Гуманитар тинтиуле бардыргъан институтуну
къарачай-малкъар адабият ёлюмюню таматасы

Толгурланы Зейтун ишчи нёгерлери бла

Толгурланы Зейтун «Минги-Тау» журналны редколлегиясы бла

ТОЛГЪУРЛАНЫ Зейтун

АЙЫУТАШ

Повесть

I

Кюн асыры кызыдыргъандан, төгerek чарсды. Жол жанларында букъу басып тургъан хансла, бусу болуп, шош кымылдай сюеледиле. Орамда, терек салкынында, эки жашчыкъ ашыкъ ойнайдыла. Бираздан алайгъа, бир кьолун арт бексюмюне салып, ючюнчю – онбиржыллыкъ жашчыкъ да келди. Аны жетген чачы сепкил бетчигин гитче кьргюзтеди. Замансыз мудах уллу кьзлери сагъышлы къарайдыла, иничке боюнчугъу уа къалай эсе да анга адамны жанын аурутурчады. Аны аты Мустафирди. Жашчыкъ, тобукълары седиреген кенчекчигин ёрге тарта:

– Мени оюннга кьошамысыз? – деди, терекге таяна. Аны хырез акъ тишчиклери биразгъа дери ачылгъанлай турдула.

– Сени ашыкъларынг жокъдула сора уа, – деп, ойнай тургъанладан бири, кьол аязына тьокюрюп, кесини кыысха, кьп болмай къырккыылгъан чачына сюртюп, сора, хуржунундан сыныкъ таракъчыкъ чыгъарып, тарады.

– Ёнкюч беригиз, мен сизге сакъала¹ берейим...

– Бир кьргюзтчю да... – Ойнагъанланы бек гитчечиги, эрлен кибик секирип, Мустафирни жанына жетди. Эштада, ол кьурда нёгерине, Мажитге, кыытдырып тургъанын сакъасындан кьре болур эди. Нек эсе да аланы терк-терк алышындырыргъа бек ёч эди.

– Угъай, алгъа ашыкъла беригиз да, алай...

– Ма... – Гитче жашчыкъ, кьп сагъыш этмей, Мустафирге ашыкъ узатды.

– Манга хыкки ашыкъ керек тьойюлдю, сен, Алим, бир кыызгъанчса, – деп, Мустафир аны кьолун артха тьортдю.

Болсада Алим Мажит менден алгъа сакъаны игисин сайлап кьояды деп кьорккыгъанча, олсагъат кыызыл ашыкъны берди. Алай бла жашчыкъла оюнну кыыздырып башладыла. Бир кесекден а Алим бла Мажитни ашыкъларыны кьбюсюн Мустафир хуржунуна жыйгъан эди.

Сабийлени оюнларын, къаяла бирге урулуп оюлгъанча, бир таууш бьелдю. Элни огъары жанында бир къара тьютюн, бурулуп бурулуп чыгъа, төгerekни къаралтды. Ызы бла жангыдан кьк

¹ Сакъала – ашыкъ ойнагъанда хайырланылгъан сыйдам ташчыкъла

гюрюлдегенча болду, кирпич, къанга сыныкъъла кёкге-кёкге сызылып, сора жерге жауа башладыла. Аз заманны ичинде тютюн къатыш отну тиллери юйню къабыргъаларын жалап тебиреди-ле. Ушкок атылгъан, адам къычыргъан тауушла чыгъадыла.

Жашчыкъла, ашыкъларын да жол юсюнде къоюп, ёксюз къозучукълача, бир бирге къысылып, букъу жерге бауурландыла. Къымылдасакъ, чола окъ табарыкъды деп къоркъгъанча, ала, къымсыз болуп, бир бирлерине шургу къарайдыла.

Аз замандан тегерек шошаяды. Элни тебен жанындан сабийлеге алгъа адам ауазла, ызы бла уа ангылашыныусуз сёзле жууукъдан-жууукъ эшитиле башладыла.

– Кёремисиз... кёре... биягъы немислиле кимни эсе да тутуп келедиле, – дей, Мажит нёгерлерин кезиу-кезиу тюртдю. Мустафир бла Алимчик а, башларын акъырын кётюрюп, жолгъа къарадыла. Эки немецли солдат, билегинде акъ байлауу бла полицей... Ючюсю да бир жаланбаш кишини ызындан автоматларын хазыр тутханлай келедиле. Аны сакъалы жетипди, юсюнде жыртыкъ кёлегинден къарыулу билеклери агъарадыла. Бетинде ырмахлыкъ сезиледи, алай ёхтемлигин тас этмегенди.

Келгенле жашчыкъла болгъан жерге жууукълашдыла. Алимчик къалай эсе да, аладан кёзлерин къакъмай, шош ёрге турду. Бармакълары акъырын чачылып, кълунда къаты къысып тургъан сакъасын жерге бошлады. Сора аны къара кёзчюк-лери жиялумукъладан толуп:

– Мени атам... Мени... – деп шыбырдады.

– Ата! Ата-а-а-а!.. – Алимчикни къычырыкъ тауушу узакъ-гъа дери эшитилди.

Мусос сабийни тауушуна хыны бурулду. Атламын селейтди. Алай автоматны къалагъы башына ауур тийди. Мусос, кёзюне жер тегерек айланганча кёрюне, аякъларын кючден ала, жашчыгъы таба атлады. Немецли автомат бла аны башына дагъыда урду...

Къаны да жаягъы бла энишге саркъа, Мусос букъу жолгъа жыгъылды.

– Ата!.. Ата!.. – Алимчик, атасыны кёкюрегине къапланып, аны башын ёрге кётюрюрге кюрешди, сора жияй, болушлукъ тилегенча, тегерегине къарады! Солдатладан бири, къагъанакъны ана ёшюнунден айыргъанча, жашчыкъны назик билекчигинден тутуп, Мусосну юсюнден бир жанына атды. Алай Алимчикни жерге ийилип, таш алгъаны бла солдатны кълору бла къаш башына жабышханы тенг болду. Ким биледи, ол энди анга игилик этмезликлерин ангылай болур эди, жашчыкъ зыгъыр жугъу кълочугъун кёнчекчигине сюрте, симсиреп, бираз сюелди. Немецли уа, кълун къаш башындан айырып, Алимчик таба бурулду, сары тишлерин ачды. Сора, хуржунундан

шоколад чыгырып, бармагынын терк-терк кымылдата, жашчыкыны чакырды. Алимчик алгъа шош-шош атлады. Алай ол шоколадны алыргъа келмей эди. Ол аууп тургъан атасына бара эди. Солдат харх этип кюлдю, олсагыатдан а аны кюлгени автомат атылгъан таууш бла къатыш болду.

Алимчик не анасыны, не атасыны атын айтып да кычыралмады. Мусосну арыкъ бетин кюлчуклары бла сылаялмады. Бусагыатда аны кюл жылыучугу жетген таш сууугунчу, жашауу юзюлдю. Атасындан арлакда аны къаны юзmezге синге турады. Солдатла уа Мусосну кюлтукъ тюплеринден тутуп, суйреп кетдиле.

Алимчикни анасы уа? Угъай, аны эси да аумады, ол чачын жыртып, кычырыкъ этип да жилимады. Эштада, жарсыу ананы жилимукларынын кюрутхан болур эди. Ол, жашчыкыны ёлюгюн кючакълап, солдатланы ызындан иги кесек къарап турду. Сора артха бурулуп, шош-шош юю таба тепчий башлады. Къартладан бири аны кюлундан ёлюкню алды. Жумушакъ аяз а Алимчикни кюлан ашыкларыны юслерине букю себелейди. Ана тёзалмады. Ашыкъланы жаягына кысып, санларын ууакъ къалтыратып, шош жилиады.

– Мустафир Мусосну алып кетгенлени ызларындан иги кесек къарап турду. Сора хуна жанына барып, бауурундан тюшдю. Аны кёзюнден Аубекир бла немецлиле кетмей эдиле. «Алимчик а? Нечик ёлтюрюп кюйдула!.. Аны ючюн алагъа дерт къалай жетдиргин? – Мустафир терен сагышха кирди. – Ма ол немецлилени ызларындан жетип, бирлерини автоматын сыйырады. «Халът» деп кычырады. Солдатла, автоматларын да жерге атып, кюлларын кётюредиле. «Мусос, мен сени кютхарыргъа келгенме, турма!..» Мустафир терк окъуна партизанны кюлларын бошлайды. Солдатла: «Мустафир, ёлтюрме бизни, ёлтюрме, жан аурут... ёлтюрме», – деп жилиадыла. Мустафирге жалынадыла.

«...Сиз а мени анамы аягъанмысыз? Алимчикге жаныгъыз ауругъанмыды? Сиз Мусосну да ёлтюрюрге элтип бара эдигиз! – Мустафир автоматны сампалындан басады. Немецлиле ёледиле, сора дагыда тегерек шош болады. «Сен къалай жигит жашчыкъса... Жигит!» Мусос Мустафирни кючакълайды.

«Мусос, турмайыкъ былайда. Хайда, партизанла къайда болгъанларын биле эсенг, ары кетейик!..» – Экиси да агъач таба тебирейдиле. – Тохта-тохта, Мусос, биз экибиз да кетип къалсакъ, немислиле энтта да сабийлени ёлтюрмезлеми? Зулейхатны да ёлтюрюрге, кел, аны да биргебизге ала барайыкъ...»

– Мустафир! Мустафир! Эшитемисе?.. – Бир кызычыкъ, келип, жашчыкыны, билегинден тутуп, силкиндирди. Мустафир башын кётюрюп къарагъанында, жанында Зулейхат сюелип тура эди.

– Былайчыкъда не жатып тураса? – дей, къызчыкъ Мустафирни къатына чёкдю. Мустафир кёнчегини жылтыргъан жерлерин жапды. Баям, кёп жилигъандан болур, аны бетчиги кирди. Ол, къоюнундан тегерек сакъа ташчыкъны алып, аны къызчыкъгъа кёргюзтдю.

– Ма бу, билемисе, Алимни сакъасыды... – Мустафирни, алгъа кёзчюклери тола келип, жилимукълары, жауун тамычылдай, сакъагъа тамып башладыла. Сора жилигъанын Зулейхатха кёргюзтмезге кюреше, къол сыртчыгъы бла кёзлерине узалды.

– Мустафир, кел бизге, мен сени кёнчегинги да, келегинги да жамайым...

Жашчыкъ бютюнда бек жюрексинди.

– Барлыкъ туююлм-е-е... – Мустафирни жилий тургъанлай селешген ауазы къозучукъну шор макъыргъанына ушады. – Билемисе, Алимни сени атанг да ёлтюргенди, ол полицайды, ол тилчиди...

Зулейхат секирип ёрге турду.

– Сенсе тилчи, мени атам... – Къызчыкъ жилирыгъын тыялмады. – Мени атам, билемисе, аман адамланы тутаргъа болушады.

Ол тилчиди, ол немислилеге кесин сатханды, мен аны ёлтюрюкме...

Ётюрюк айтаса-а-а, ётюрю-ю-юк! – Къызчыкъ кычырыкъ этип жилиады. Сора башчыгъын да энишге тутуп, мугурайып, атлай кетди.

II

Кече, жамычы жайгъанча, къарангыды. Юйлени терезелери, кёкде жулдузлача, кезиу-кезиу ёчюледиле. Анда-санда ушкок атылгъан тауушла, жукълап тургъан къаяланы уятыргъа кюрешгенча, алагъа ёшюнлерин уруп, артха къайтадыла. Ит улуула адамны бютюнда мудах этедиле.

Отоуда печь юсюнде олтургъан киштикни кёзлери сууукъ жылтырайдыла. Къабыргъада сагъат а тик-тик деп жюрюйдю. Гелля шош хурулдап жукълайды. Мустафир, киштикни жылтырагъан кёзлеринден къоркъуругъу келип, башын жууургъан бла басдырды. Жукълаялмады. Ол озгъан кюнлени эсине тюшюреди.

...Аны анасы, тапчаннга олтуруп, эскиле жамайды. Мустафир а от жагъада бичакъ бла нени эсе да жонады. Эшикден ит юрген таууш чыгъады. Ол кыстаудан-кыстау юреди, ауузун бир затны къапханча, хырылдайды. Ушкок таууш, ит сынсыйды, бир кесекден шошаяды. Юйге бир немецли офицер бла солдат киредиле. Ана, тишлери бла халыны юзе, ёрге турду.

– Ну дафай, бистро! – Офицер солдатны кьолунда челекни ичинде гаккыланы кьргюзтдю. Ана да челекге тьрт гаккы кьошду.

– Этого малё, ёще дафай! – деди офицер.

– Да не этейим да, жокьду. – Ана, кьолларын жайып, инбашларын жыйырды.

Офицер юй мюйюшде шкафны кьармап башлады. Алгъа шкафны ич кьабыргъасында Ленинни суратын кьрюп, сын болду. Бет шаугютю ууакъ кьалтырай, артха туракълады. Сора суратны шкафны кьабыргъасындан хурттак-хурттак этип сыдырды. Солдатха бир затла айтып кьычырды. Ол, чабып кетип, бир кесекден а ариу рамасы бла Гитлерни суратын келтирди. Офицер, чурукълары бла ундурукъ юсюне минип, аны кьабыргъагъа такъды.

– Ну? Корошо? – Офицер, кеси кесине ыразы болуп, кюлдю.

– Угъай, жарлы, угъай, ол мен суйгенлей болсун. – Амма, терк окъуна раманы жерге уруп, аны мияласын сындырды, суратын аякълары бла малтады. Ол заманда анда кьаллай ёхтемлик бар эди, кеси уа Мустафирге башха кюнледен эсе да, ариу кьрюне эди.

– Как, ти партизанка? – Офицер сермеп керохун чыгъарды...

– Амма, амма-а-а! – Мустафирни кьычырыкъ тауушуна гелля уянып чапды.

Не болгъанды, балам, тюшмю кьргенсе, ах кюнюм, жарлы, кесинг да не бек кьызаса, кюйюп кетесе да. – Гелля жумушакъ кьолун Мустафирни мангылайына салады. – Нек кьычыраса, кьоркьгъан затмы этдинг? – Мустафир башын шош чайкъады. Гелля, энишге ийилип, жашчыкъны уппа этди. Аны жилимукълары тузлу эдиле. Гелля, Мустафирни жилия тургъанын сезип:

– Къой, харип, къой, сени амманга боллукъ болгъанды, – дей, жашчыкъны юсюне кьапланды...

III

Мусосну, келтирип, комендатураны кьатында бир жер юйге атханлы эки кюн озгъанды. Биринчи кюн окъуна соруу этгендиле. Андан бери ол болгъан жерге киши кирмегенди. Тууар кёзюча, гитче тегерек терезечикден ургъан жарыкъ, анга ингир болгъанын бла танг атханын билдиреди. Тохтамай алгъа бла артха жюрюп тургъан кьалауурну кьара чурукълары кьрюнедиле, жаркь-журкь деген тауушу эшитиледи.

Мусос тапчаннга таяныпды. Аны башында жарасындан чыкьгъан кьаны чачы кьатыш кьатханды. Мусос, узалып, ча-

чын жарасындан айырыргъа кюрешеди. Ол кымылдагъаны сайын, тапчан кыж-мыж этеди. Чычханла юй тьюбюнде миделни юсю бла ары-бери жортадыла. Сагъыракълары уа, тешиклерини къатында тохтап, адам кымылдагъанын эшитгенлей а, нёгерлерине чакъырылмагъан къонакъны юсюнден хапар билдирирге ашыкъгъанча, артха терк ташаядыла.

Мусосну тутуп баргъанларында, жашчыгъы Алимчик анга жилип чапханы, кесини да солдатла башына автоматны къалагъы бла ургъанлары эсиндеди, андан ары уа – бир зат да угъай.

«Терс болдум дейме... – Мусос партизан отрядны командирини буйругъун эсине тюшюрдю. – Ол складны кече атдырыргъа буюргъан эди... Мен а... Да не этейим, андан тап кезиуню табарыкъ туююл эдим. Тёзалмадым... мен ёлгенликге, андан не? Мен былагъа жанымы алай учуз бермегенме. Ёлюрме... Была да хорланырла, кюн а, мени сау заманымдача, жылытханлай, жарытханлай туруп, жашчыкъ да ёсер...»

Жер юйню эшиги, темирни тотун кыыргъанча, кыжылдап ачылды. Немецли солдат, биреуленни Мусос болгъан жерге ашырып, кеси артха турду. Партизан полицай Аубекирни таныды. Ол жыл саны эки жыйырмадан атлагъан адамды. Аны кенг, семиз бетинде теренден къарагъан кёзлери гитче къара тешикчиклеге ушайдыла, чюйре къашлары къалындыла.

Аубекир, тапчанны кыыйырына чёгюп, бёркюн тешди, эрик ашагъан терича, чачы тюшген башыны терлегенлерин сюртдю. Семиз бетин сылагъанда уа, базыкъ тую эрини артха къайырылып, артда уа баш эринин жабып къапланганча кёрюндю.

– Таллахий, бюгюн кюн асыры кыыздыргъандан, чыгыр башдан къурт агъызырчады... Къалайса, харип Мусос? – дей, Аубекир чикина бармагъы бла бурунун тазалап башлады.

– Мени саулугъум сени артыкъ бек къайгъы этдире болмаз. Нек келгенсе, не излейсе? Айт!

– Сени жашарынгы сюеме, аны къайгъысын эт деп келгенме... – Полицай хуржунундан тютюн чыгъарды.

– Ичемисе?

– Жашарынгы сюемеми дейсе? – Мусос, бу сёзлени хыликкя этгенча, аз ышаргъанча кёрюндю. – Да къаргъа окъуна жашайды жюз жылланы, алай андан не хайыр?!.

– Сора мен кесими сенден аман кишигеми санагъан сунаса? Тейри, не бек кюрешсенг да, менден иги уа жашаялмазса!

– Сен жел ургъан жанына сюрюшюп айланган шинжи гулмак кибиксе. Билемисе, гулмакны жел элте барып, бир чунгургъа атса, ол андан чыгъаллыкъ туююлду. Аны юсюн топуракъ, кир затла басдырып къоярыкъдыла, – деди Мусос. Аубекир, ёрге туруп, тютюнню терк-терк тарта, терезечикни аллына бар-

ды. Аны бурунуну терлегенлери чапыракъда чыкъча жылтырайдыла. Терезечикден таза кёкню къыйыры, ары-бери тепчий тургъан къалауурну чурукълары кёрюнедиле.

– Жууугъум, бу эки чурукъдан сора жукъ кёрмей, ёлюрге уа сюе болмазса да? – деди полицаи. Мусос кьолун силкди.

– Къайгъырмаз, мен кёпню кёргенме... Алай сен, айтырынгы айтмай, нек къуйрукъ булгъагъанынгы ангыламайма.

– Суу, тенгизге жетгинчи, аллында кёп тюрлю тыйгъычланы юсю бла ётеди... – Аубекир кесин ышартды. Сора Мусосну тапчанны къыйырына олтуртду. – Мусос, сени юйюрюнг барды, алагъа жан аурут, ала бир ёлселе, кимден да санга не келликди? Ант этеме, бир жангызы сени къабырынга таш атаргъа кюсесе. Жойма кесинги, айт... Бу Аллахдан палах табарыкъ партизанла къайдадыла? Айт! Айт! Нек тынгылайса, Мусос?..

– Да сен, тилинги тишлеринге билеп, къачан бошайса деп турама. – Мусос, аякъларын тапчандан энишге салындырып, башын эки кьолу бла да тутуп, сагъышланды. Сора тапчанны къулагъындан тутуп, кючден-бутдан ёрге турду.

– Угъай, угъай, ант этеме, мени жюрегимде санга бир кир затым болуп келген эсем... Не этесе?

Мусос, Аубекирге жууукъ туруп, анга жютю къарагъанда, ол, акъырын-акъырын ыхтырыла барып, неден эсе да кьоркъгъан парийча, эшикни къатында мюйюшге къысылды. Мусосну уа аны уругъа эсине да келмеген эди.

– Бир тояр ючюн, туугъан жерин жаланда ит сатарыкъды. Хау, сени бусагъатда иги тойдурадыла, сен, кесинги иенге гырылдамай, сюек атханны аллында «сойланып», аны тюбюнден ёрге къарап, къуйругъунгу булгъамай не этгин? – Мусос, ауур-ауур атлай, Аубекир таба тебиреди. Аны уллу кьолларындан, кенг кёкюрегинден кьоркъгъанча, полицаи терк окъуна эшикге чыкъды, сора андан башын къаратып:

– Олмуду ахыр жууабынг?! – деп сорду.

– Санга ол да озгъан этеди.

– Жазыкъ сен, сокъураныrsa, сокъураныrsa!

Эшик хыны этилди. Кирит салгъан таууш чыкъды.

Узакъда бир къанатлыны учуп айланнганын кёреди.

Зулейхат, чий тал чыбыкъча бюгюле, суу алып келеди. Ауур челекле аны алгъа сюрюшдюретиле, назик бутчукъларын чалишдиретиле. Къызчыкъ, жарты оюлгъан юйлеге жетгенлей, сызгъыргъан таууш эшитилди, олсагъат хуна артларындан чыгып, сабийле Зулейхатны аллын тыйдыла.

– Биз санга былайны жюрой турма деген эдик да, унутханмы этгенсе? Энди уа къалай этейик? Ийи?

– Кьоркъмай эсенг, бармагъынг бла окъуна бир тий, – деди Зулейхат, сакъалчыгъын ёргерек кётюруп.

– Тиймемми да? – Жашчыкъладан бири аны чач эшмечик-леринден хыны тартды, къалгъанла уа къарап-къарагъынчы челеклени сууларын тегюп, аланы топуракъдан толтурдула.

– Мен сизге не хата этгенме-е-е? Сиз бизни юнню къаты бла бир озарсы-ы-ыз! Ташла бла урсам, ол заманда кёрюрсюз кюнюгюзню-ю-ю! – Зулейхат билекчиги бла кезлерин жабып жияды. Сабийле уа, чыбыкъланы суу тегюлген жерни балчыгъына сугъуп, аны къызчыкъланы бутларына сюртдюле, бир-бирлери уа: «Ма, какчыкъдан къап», – дей, жухуна жетдире-диле, жаякъларына жагъадыла.

Зулейхат, жияй-жияй, юйлерине кетип тебирегенде уа, жашчыкъла аны: «Полицайны кызы, полицайны кызы!» – деп, къозута, ызындан иги кесекге дер бардыла.

Къызчыкълары, юйлерини къатына жетип, артха къарагъанда, ала кълчукъларын бирча ёрге-энишге эте, бир затла айтып кычыра эдиле. Зулейхат иги тынгылагъанында, аны кълугъына биягъы «Полицайны кызы, полицайны кызы!» деген сёзле эшитилдиле.

«Полицай не зат болур? Мустафир сени атанг тилчиди, адамланы немислилеге сатады деп, аны ючюнмю айтхан болур эди?» – Къызчыкълар бу сагъышы бла юйге кирди.

Аубекир, базыкъларын эринлери да жау жугъу болуп, бир тауукълар бутну ашап бошап, экинчисине узалады, гетмен тишлери бла аны сюегин эзеди. Жаулу тауукълар тешлени уа немец офицерни аллына тюртеди.

– Фон Эвершапс, иги ашачы, иги, – деп, терк-терк кълатлайды. – Карашо, карашо, – дей, ол да кесини ыразылыгъын билдиреди. Шешадан бир кълызгълдым зат кълуюп да ичедиле, ол не болгъанын Зулейхат билмейди. Кълызчыкълар, эшик артында мугурайып, сюек эзилген, эт чайналгъан тауушлагъа тынгылап, иги кесек турду. Аны киши эслемей эди. Бираздан а фон Эвершапс, кепчюген кезлери бла Зулейхатха къларап:

– О, девишка, ити сюта... – деди.

Кълызчыкълар жеринден тепмеди. Фон Эвершапс, аны кълатына барып, шоколад конфет узатды. Зулейхат, башчыгъын шош чайкълар, артха бурулду.

– Ал дейме да!.. – Аубекир, тюрт эринин кълалтыратып, кълычырды. Сора: – Фон Эвершапс, тохтачы алай, – деп, къл бол жаулугъу бла офицерни чурукъларында акълсыл тамгъланы сюртюрт башлады.

– Иги кетмейди, жау тамгъла кёреме... – Аубекир, тюрт аякъланып, юфгюрюп, тылпыу этдирди.

– Ыхы, болду, олтурчу, маржа, жукъл ашамай кълалдынг, – дей, базыкъл кълызыл боюнуну терлегенлерин сюртюрт. Сора

къызчыгына къарап: – Бюгюнден ары фон Эвершапс бизде жашарыкъды, сен аны чурукъларына тюк къондурма, – деди.

Зулейхат, атасына мудах къарап:

– Ата, полицай не затды? – деп сорду.

Аубекирни олсагъат бети тюрленди.

– Ол бош сёздю, кимден эшитгенсе?..

– Бош сёз туююлдю, ма, хар ким да санга алай айтады, мен энди ойнаргъа да барлыкъ туююлме... – Къызчыкъ, уууртларын кёпдюрюп, къашчыкъларын туююп, энишге къарады.

– Къызым, полицай деп аман адамланы суймегеннге айтадыла... Бар, хайда, бар ойнаргъа...

– Ётюрюк!.. Тилчиге айтадыла да...

– Кёп дауур этме дейме да! – Аубекир къызчыкъны билегинден тутуп, эшикге чыгъарды. – Ананг келгинчи, бу тауукъланы тюклерин жулкъа тур...

– ... Ы маржа, фон Эвершапс, ачлай къалдын, ашачы, маржа! – дей, полицай офицерни къатына олтурду.

– Къызчыгын не жилайды?

– А, бош, сабийле бла жарашхан болмаз...

Зулейхат, боюнлары кесилип тургъан тауукъланы кёргенде, сейир этди.

«Бир, эки, юч, төрт... Алты тауукъ!.. Ата битеу тауукъларыбызны не кесип къойгъан болур? Угъай!.. Бизни къызыл тауугъубуз жокъ эди да... Бу да жокъ эди. – Зулейхат, энишге чёгюп, тауукъланы ары-бери адуруп къарады. – Къайдан чыкыгъандыла была?.. – Къызчыкъ, чабып, ийнек орунларыны эшигин ачды. Тауукъла къанкъылдап сагъайдыла, эки адакъа уа бир бирлери бла аясуз жулкъушадыла, аланы кикириклери къан болгъандыла.

Зулейхат, гедешлеринде башха тауукъла болгъанына сейирсиннгенин да къоюп, туююше тургъан хоразлагъа къарай, мюйюшде агъач томуроугъа чёкдю.

«Ма, ол жугъур – Мустафир, акъ къытай а мен болайыкъ... Угъай, андан эсе, ол жугъур – ата, бирси уа биздеги немецли болсунла. Жугъур хорласа, сора ата полицай туююлдю». – Зулейхат, сакъалчыгын тобукъларына салып, туююшге къарайды. Алай бир кесекден а хорлай тебиреген акъ хоразны сыгынла бла уруп башлады. Адакъала башха мюйюшге къачып жулкъушадыла. Зулейхат, секирип туруп, юш-ш, юш-ш дей, тауукъланы изгилтин этди. Ала уа олсагъат, къанкъылдай, хуна башлары бла секирип, чач-тюк болдула.

Къызчыкъ, тындыргъан ишин айтып, атасына махтаныр умут бла юйге кирди.

– Бошадынгмы тауукъланы тюклерин жулкъуп? – деп сорду Аубекир.

– Угъай, алыкъын бирин да угъай...
– Да, хайырсыз, андан бери къайда эдинг да?
– Гедешге дуня бла бир башха тауукъла жыйылып тура эдиле да, мен а аланы барысын да къыстадым, – деди къызчыкъ.

– Не ди дегенинг? – Аубекирни эшикке чыкъгъаны да, артха киргени да бир болду.

– Ай, итден туугъан! – Аубекир Зулейхатны жаякъчыкъларынын штап-штуп этдирип ургъаны бла къызчыкъны: «Ой, амма! Ой, амма-а-а!» – деген кычы– рыгы къатыш болдула. – Ёлтюрюп къояйыммы?

– Ой, амма-а-а, сен а юйюбюзге немислини нек келтиргенсе-е-е?.. Ма, мен а алай этерикме-е-е-е... Ой, аммачыгъ-ы-ы-ым, санга полицай деп да керти айтадыла-а-а-а!

– Тынып къал! Ант этдир, къамыжакъныча, эзип къоярма!..

IV

Кече асыры къарангыдан жукъ кёрюнмейди. Аз шулпу этеди. Терезеледен ургъан чыракъ жарыкъдан болур, анда-мында орамны чунгур жерлеринде суула шорпа башча жылтырайдыла.

Терезеледен жарыгы ургъан юй таба жашырын баргъан бир ауана эсленди. Ол, бир кесекге дери тас болуп, дагыда кёрюндю. Сора юй артында хуна юсюне минип къарай, терезе тубюне келип чёкдю.

Стол юсюнде жангы бишген тауукъ тылпыу этеди. Ичилген пешала да кёпдоле. Бети жыйырылгъан, узунжаякъ, арыкъ немецли офицерни, кёп ичгенден болур, мутхуз кёзлери бир ачыла, бир а къысыла турадыла. Аубекир, шинтикни артына таянып, кёлек тюймелерин энишге седиретди, аны тюкю, семиз кёкюрегинден тылпыу урду. Терлеген ийисин кетерирге кюреше, ол къолтукъ тюплерине къол жаулугъу бла узалды. Сора туруп, арыкъ офицерни не эсе да айтханына да эс бурмай, ундурукъда сойланып тургъан фон Эвершапсны чурукъларын тешди.

Терезе тубюнде олтургъан бу адамлагъа къарап, иги кесек турду. Ол къолунда жютю бичакъны къаты къысады, жюреги ни дунг-дунг деп ургъан тауушун эшитеди.

«Зулейхат а къайда болур? – деди ол ичинден. – Ай анассыны уа!.. Гранатым болса эди, бусагъат быланы ючюсюн да къырыр эдим. Угъай!.. Алай этерге жарарыкъ туююдю, Зулейхат башха отоуда анасы бла жатып тура эсе уа?.. Андан эсе, сакълап туруп, быланы бири эшикке чыкъгъанлай, бичакъ бла уруп ёлтюрейим... Аубекир асыры базыкъды, семизди, мен бичакъны

кийиралгъан да эталмам... Ма, ол арыкъ немецли чыкъса эди, аны бек терк къаплар эдим... Охо, Аубекир окъуна бир чыкъсын, мен аны алгъа башына таш бла урурма да, кычырмазча этерме, артда бичакъ бла ёлтюрюрме, ол а адамланы нек тутдурады?..»

Къарелди, шош-шош атлай, терезе тюбюнден кетди. Сора бир таш да атып, эшик артына букъду.

Жауунчукъ юй башны къагъады. Элде чырагъы жаннган бир юй да кёрюнмейди. Итлени эринип юргенлери, кёкню къарангысын жашил, кызыл жарыгъы бла жыра, озгъан самолётну гюрюлдегени эшитиледи.

Къарелди да сакълайды. Алай эшикге киши чыкъмайды. Ичинден: «Была жатып ишми къалгъан болурла?» – деп, ол биягъы терезе къатына келди.

Юйню ичи шош эди. Аубекир а, жукълап тургъан эки немецлини уятыргъа къоркъгъанча, полда жаланаякълай арыбери тентирей, стол юсюнде шешаланы шкафха жыяды. Сора галошла къаплап, эшикге тебиреди.

Къарелди шыбыртсыз юй мюйюшге жетди. «Аллындан чыгып къалсам, бичакъ бла уралмам, андан эсе, былай тохтайым да, ол ары озгъанлай, мен биягъы эшик артына бугъарма», – деди ол ичинден, бичакъны къаты кыса.

Алай полицай босагъадан ары да атламады...

Къарелди шыбыртсыз терезеге ётдю. Аубекир чыракъны шош ёчюлтдю. Хунаны жарып тургъан жери къаралды.

«Ох анассыны, мен не къоркъакъма... Хар кечеден келип, аны ёлтюралмайма, ол а Алимчик ючюн дерт жетдиргеним... Тейри, таш бла уруп, терезелерин ууатып къачарма». Къарелди, не этейим дегенча, сагъышланып, бираз суюлды.

Ол кезиуде ким эсе да, тауушсуз келип, ауур, жылы къолун аны инбашына салды. Къарелди, элгенип, артха хыны бурулду, чач тюклери къопдула...

– Ш-ш, къоркъма, Мустафир, мен Ахматма.

Мустафир, ауара болуп, аз мычыды, сора устазын танып, арсарсыз аны къоюнуна кесин атды.

Ахмат, Мустафирни да къолундан тутуп, хуналагъа кысыла, Аубекирни юйюню къатындан арлакъ кетип:

– Хайда, Мустафир, элт мени энди юйюгюзге, – деди.

Жашчыкъ, баштёбен къарап, жукъ айтмады.

– Нек тынгылайса огъесе мени къонакъ этерге суймеймисе?

– Угъай, мен сакълагъан этерикме, танг атхынчы бири да эшикге чыкъмаймы турлукъду да?

– О, сен а батыр кёреме да!.. – Ахмат Мустафирни, башчыгын сылай, кесине кысыды. – Угъай, алай жарарыкъ туююл-

дю. Бизге болушургъа сюе эсенг, Аубекирни ёлтюргенден эсе, керекли иш барды. Келчи! Келчи, турмайыкъ былайда!

Экиси да, Мустафирлагъа келип, чыракъ жандырмай, тыш юйде олтурдула. Партизанни жанында керохуну сабы жылтырайды. Жашчыкъ анга, сукъланып, тийип-тийип кёрдю.

– Сен, Мустафир, Аубекирлагъа барыгучумуса? – дей, Ахмат чепкенини тюймелерин тешгенде, аны юсюнде ары бла бери минчакълача тизилген патронлары кезиу-кезиу от чакъгъанча кёрюндюле.

Мустафир, Ахматха жууугъуракъ олтуруп:

– Алгъын Зулейхат бла ойнаргъа барыгучу эдим, энди уа барлыкъ тюйюлме, – деди.

– Бош этесе, сен ол къызчыкъ бла бютюнда шүёх болургъа керексе... Аны нек айтханымы ангылаймыса?

– Аны атасы полицаиды сора уа!..

– Билеме, сен аны ючюн деп Зулейхатны жауларгъа керек тюйюлсе. – Ахмат, ушакъны мындан ары бардырмайыммы дегенча, аз сагъышланды. – Сора, билемисе, Мустафирчик, партизанлагъа жашыргын болушуп тургъан адамланы бир къауумларын немислиле билген этгендиле. Аланы списоклары алыкъын Аубекирде боллукъду. Биз, ол списокну къолгъа этип, анда болгъанланы барына да терк билдирирге керекбиз...

– Да биз а партизанлагъа болушханланы барына да айтайыкъ, ала уа къачсынла!..

– Олтур, ашыкъмай, тынгылагъан эт... Бизге болушханла барысы да элден кетип къалсала, партизанла кыйналгъан этерикдиле, андан эсе, немислиле ишекли болгъанланы къутултайыкъ. Мен ол списокну сен табарса деп ышанама. Зулейхат бла уа аны юсюнден бек сакъ сёлеш, – деди Ахмат.

– Сиз список Аубекирде болгъанын къайдан билесиз да?.. – деп сорду жашчыкъ. Ахматны мен санга ышанама деген сёзлери аны кёлюн кётюрдюле, терезе тубюнде сакълап, жукъ эталмай къайтхан ачыуун унуттурдула.

– Бизге аны ким билдиргени санга бусагъатда керек тюйюлдю...

Партизан ёрге турду. Къарангы алаша юйчюкде ол къалай эсе да бир мазаллы кёрюндю. Мен а мунуча къачан боллукъма дегенча, Мустафир Ахматны жанында дёрденчигин алгъа чыгъарып сюелди.

– Хайда, Мустафир, кеч болама, кетейим. Мен санга не тамбла, не бирси кюн туберме, – дей, Ахмат къолун узатды. Сора эшикге шош чыгъып, къарангыгъа сингди. Мустафир а, тыш юйде тапчанчыкъгъа жатып, къочхар тонну тубюне тумаланды. Алай жукъу келмейди.

«...Энди мени партизанла танырыкъ болурламы? – деди жашчыкъ ичинден. – А-а! Мен не эталлыкьма? Ма, Ахматныча, керохум, патронларым болсала эди, Аубекирни ёлтюрюп, списокну бек терк алыр эдим... Ансы Зулейхатны болушдуруп а... Унармы? Анасны уа! Керохну да тагъып, дуня бла бир патронларым да болуп, Зулейхатха тюбесем, аз бек сейирсинмес эди... Списокну тапханымлай а, Ахмат бла партизанлагъа кетерме... Элтмесе уа?.. Хау элтмез, мен къыз бла ойнап турлукъ туююлме!..»

Мустафирни кёзюне ол къаллай партизан боллугъу кёрюнюп башлады.

«...Партизанла, немецлилени ууатып, атла бла элге кирдиле. Мустафирни акъ ажире, башын ёхтем кётюрюп, барысыны да алларында келеди. Кесини уа эки жанында эки кероху, гранатлары, аны кёкюрегинде орденле къатыш патрон лентала жылтырайдыла. Элдиле партизанланы алларына чабып алгъышлайдыла. Къайсы эсе да:

– Бу акъ атдагъы жигит жашчыкъ ким болур? – деп сорады.

– Ой ююнге, аны сен къалай танымайса, ол бизни Мустафирди да!.. – Мустафир а, атына къамичини жетдирип, жюгенни артха тартады. Ат ауузлугъун чайнайды, арт аякъларына турады. Сабийле уа, юй башларына, хуналагъа чыгъып, анга сукъланып къарайдыла. Бир-бирлери, аллына чабып, атынга миндир деп тилейдиле. Алай Мустафир ала бла сёлеше туругъа бошамайды. Ол партизанланы командири бла нени эсе да бир затны юсюнден ушакъ этеди... Зулейхат а къайда кёрюнмейди?.. Келмегенми болур? Угъай, ма, алайда къарап турады. Мустафир, аны танымагъанча этип, атны ойната, жаны бла озады... Къайгъырмаз, бир кесек жарсысын... Ол а, мени кёюп, башха жашла бла суу боюнуна чабып кетген эди да... Ма мен да алай этерикме, турчу алай бир!..»

Адакъаны кычыргъан тауушу терезеден эшитилди. Мустафир, сагъышын бёлюп, башын тонну тюбюне басдырды. Киштик, мени да тон тюбюне къой деп жалынганча, мур-мур эте, Мустафирни юсюне минди.

– Кишт! – Жашчыкъ, киштикни бир жанына тюртюп, башын ачды. Юй шошду. Къабыргъада сагъатны жюрюгени эшитиледи.

V

Фон Эвершапс, бутларын да чалдишдирип, тютюн иче олтурады, эринлерин алгъа чыгъарып, кёксюл тютюнню бошлайды. Ол а, жюзюклуча, тегерек-тегерек бола, арта уа, сууда залыча, ёрге шош созулады. Эшикни акъырын ачып, Аубекир кирди.

– Хай Гитлер!..

Фон Эвершапс, жукъ айтмай, эки бармагъын кьулакъ башына жетдирип, кьолун энишге бошлады. Сора кёзлерин Аубекирге кьадап:

– Дафай переводчик, – деди офицер. – Я этот собак сам допросит...

– Хай Гитлер! – Полицай, бир кьолун белинде керохуну сабына салып, эшикге терк чыкьды.

Фон Эвершапс а, ёрге туруп, терезе кьатына барды. Ол бийик, жаш адамды.

«...Бир насыпсыз партизаннга мен жукъ кьалай айтдыралмам? – деп сагъышланды офицер. – Айтдырыгъа керекме... Мени темир жоруму кьадамы анга кёре боллукъду... Аны бла кюрешип турмай, ёлтюрюп кьойсаммы иги болур? Угъай, ол партизанланы кьайда болгъанларын биледи. Аны болушлугъу бла аланы кьурутургъа керекме, ансы асыры тапсыз башлагъандыла... Бу партизан а кесин аллай бир нек кьыйнай болур? Бирда ангыламайма. Адам иги жашасын ансы, не этип да жашасын. Анга ким да неге керекди? Ол бир ёлсе, анга туугъан жеринден, негерлеринден да не?.. Кьайгъырмаз, менде сёлешмей кёпге чыдамазса, айтдыргъан да этерме, партизанланы кьырып, жууукъ заманда жор да алырма...»

Фон Эвершапс, манга жор жарашырыкъ болурму дегенча, кюзю аллына барып, ёшюнюне бир жылтырауукъ затны салып кёрдю.

Аубекир тилманчны алып келгенлей, Мусосну да келтирдиле.

Фон Эвершапс, кесин жарыкъ, хурметли адамча кёргюзтюрге кюрешип, партизанны жумушакъ шинтикге олтуртду.

– Сени былай кьыйнагъанлары ючюн мен кишиге да кечгинлик бермем... Бусагъатдан, докторну чакъырып, башында жарасын байлатыгъыз, сакъалын жюлюгюз! – деп кьычырды фон Эвершапс. Алай Мусосну бетинде тюрлениу болмагъанда уа, ишекли болуп:

– Сен мен айтханланы иги кёчюрмегенмисе? – деп, тилманчха къарады.

Фон Эвершапс Мусосха папирос узатды. Ол а башын шош чайкъайды. Бир кесекден акъ халатлы, бир сап-сары немецли келди. Олсагъат Мусосну жарасын жылы суу бла жуууп, дарман сюртдю. Аубекир а аны къара кьалын сакъалын жюлюдю.

– Мен кесимча батырланы бек сюеме... – Фон Эвершапс, эки кьолун да артына тугуп, Мусосну аллы бла ары-бери жюрюйдю. – Батыргъа уа не ахшылыкъ да этерикме!..

Бир кесекден столну юсю ашарыкъладан, ичгиден толду. Кёгетлени, жаш кьозу этни ийиси Мусосну аууз сууларын келтиредиле.

– Ач болурса, олтур... – Немецли партизанны чакъырды. «Алдаргъа умут этеди, – деп ойлады Мусос. – Алай, ашагъанлыкъгъа не боллукъду?.. Ашайым, къарыу керекди...»

Фон Эвершапс стаканлагъа аракъы къуюп, Мусосха узатды.

– Ичмейме, – деди партизан.

– А чито ви пьёт?..

– Жаланда боза... – деди Мусос, къозу жауурунну ала.

– Карашо...

Фон Эвершапс, туруп, терезени ачды. Отоугъа желчик къатыш сабий ауазла, сыгын от ийис ычхынды. Кюнню ауурлугъу кетип, терекле узун ауанала атхандыла.

– Сен сабийлеринги, къатынынги кёрюрге, ала бла жашаргъа сюемисе? – Офицер, бир бутун энишге салындырып, терезеге олтурду. – Нек тынгылайса?

– Аны сорур кереклиси жокъду, – деди Мусос. – Ол, къарангы жарыкъ бла алышынынганча, баям затды.

– Сени насыбынг къатынгадады. Сен аны учуругъа, тутаргъа да боллукъса... – Тилманчы къалай кёчюргенин ангыларгъа кюрешгенча, фон Эвершапс анга жууугъуракъ турду. – Кел, господин Мусос, экибиз да эр кишилеча селешейик... Сен мени сорууларыма жууап бер, мен а санга насыбынги къайтарайым, къадаарынга кесинг ие болурча этейим...

– Къадаарыма кесим иеме, ол кишини къолунда туююлду, – деди Мусос.

– Угъай, сени къадаарынг мени къолумдады! Бусагъат мен сени былай этип къояргъа боллукъма, – деп, фон Эвершапс бармагы бла боюнун тартды.

– Керти айтаса, сен мени жашаууму юзаллыкъса, къадаарымы бир заманда да угъай, ол мени Ата журтума, халкъыма къууллукъ этгениме, намысыма кёре боллукъду!..

– Ви, господин Мусос, фантазёр! Сен не Ата журтну, халкъны юсюнден хапар айтаса? Ангылаймыса?.. Сени Ата журтунг энди жокъду, ол ёлгенди, андан эсе, хорланмазлыкъ армиягъа къууллукъ эт!..

Мусос аз ышарды.

– Бир-бирледе жерни туман да басады, алай кюн чыкъгъанлай, ол, хурттаклары терек артында къоя, тас болады. Ма сизни армиягъыз да эрттенлик туманчады, аны хорланырыгъына ишегим жокъду.

– Молшаты!.. Молшаты!.. – Фон Эвершапсны тёзюмю тауусула башлады. – Къой, господин Мусос, экибиз да, букъгъуч ойнагъанча эте турмай, ишге кёчейик, партизанла къайда болгъанларын, алагъа элден ким болушханын айтсанг, насып да, ахча да сенидиле. Ол эки затны да багъасы – бир-эки соруугъа жууап.

– Мен аланы юсюнден жукъ да билмейме, не айтырыкъма...
– Билмеймеми дейсе? Солтан, Мухтар, Адрах... ала кимдиле? – Фон Эвершапс, Мусосну бети тюрлендими дегенча, анга иги ышанлап къарады. Алай ол, элде партизанлагъа болушуучулары атларын эшитгенде, быланы ол сагъатха ким сатханды дей, ичинден бек сейирсинсе да, жукъ сездирмезге кюреше:

– Танымайма... бирин да танымайма, – деди.

– Биз таныйбыз, керек эсе уа, эки-юч кюнден санга да танытырбыз, ала бусагъатда, партизанлагъа аш элтип, кетип туррадыла... Биз да къулакъсыз туюлюбюз...

– Господин Мусос, айтамыса, айтмаймыса? Туюлю эсе, мен сени тамбла окъуна... – Фон Эвершапс къолун силдеп кёргюзтдю. Чикина бармагъы бла бурунун къаза тургъан Аубекир да:

– Айтмай эсенг, Ахыяланы юй артха жиберликбиз, – деп къошду. Мусос, тюплери кёгерип тургъан кёзлерин офицер таба буруп, башын шош чайкъады...

– Жукъ билмейме.

– Молшаты!..

– Да мен алайсыз да жукъ айтып къыйнамай ушайма да, – деди партизан.

– Молшаты!.. – Фон Эвершапс, секирип туруп, табаны бла Мусосну къабыргъасына урду...

– О, сен а батыр господинсе да, мен а сени къоркъакъладан суна эдим, – дей, партизан немецлини кёзюне жютю къарады.

– Кеч болгъунчу, айт!..

– Манга бир заманда да кеч боллукъ туюлюдю.

– Тепмезча байлап, башынга суу тамычыла агъыза тебиресем дамы, кеч болмаз? – Фон Эвершапс, бир аягъын Мусосну къатында шинтикге салып, кёзлерин къысаракъ этип къарады.

– Угъай, мен жукъ билмейме. Аны сизге эртте айтханма.

Ингирик. Баям, немецлиле биягъы тауукъла жыйып айлана болурла, тауукъ къанкъылдагъан тауушла чыгъадыла. Бир тиширыуну уа къаргъыш этип жиягъаны узакъда эшитиледи. Автомат, ушкок атылгъан тауушла... Бир кесекден тегерек дагъыда шошайдды.

Мустафир, геллясы тикген жангы кёнчегин да кийип, юй ичинде бир кесек жорюдю. Алгъын аны кёнчегине хуржун салыргъа унамаучу эдиле. Энди уа ма эки хуржун окъуна... Мустафир алагъа къолларын кезиу-кезиу сугъады. «Мен энди гитче жаш туюлюме, гелля да аны билип тикген болур хуржунланы...»

Мустафир, жалан аякълары бла жолну букъусун кётюре, Зудейхатлары таба тебиреди. Зудейхат Мустафирладан узакъ туюлю эди. Школда бирге окъугъан кезиулеринде къыш окъуна жашчыкъ жалан кёлеклей алагъа аз чапмагъанды. Алай ол

заманда Мустафир Аубекирни иги адам суна эди, энди уа анга кърюнюрге нек эсе да къркыгъан этеди. Зулехатны анасы да, алгъынча, жарыкъ туююлду. Къруру къашларын туюгенлей, киши бла да селешмей турады. Бир-бирледе аны, юлерини аллында чегюп, жашыртын жилигъанын кеп кергенди. Алай нек эте болур?.. Кеси да алгъын ариу эди... Энди чачын окъуна тарамайды. Чачы, асыры юйюгюп тургъандан, кийизден этилген бъркчюкге ушайды... Баям, Аубекир ючюн къайгъы эте болур. Бу сагъышлары бла Мустафир, Зулехатланы къатына жетип, не этерге билмей, арсарлы сюелди.

«Зулехатха къалай кърюнейим? Мени кърсе, кеси чыгъар... Огъесе юлеринеми барайым? Ким биледи, мен Зулехатдан тилегеними ол атасына айтхан эсе, тутуп окъуна кърояр. Ай, ол къагъытны бир тапсам эди...»

Мустафир, жол жанында хуналагъа минип, Зулехатланы арбазгъа къарады. Къызчыкъ арбазда не эсе да бир зат эте тура эди. Аны кергенлей, Мустафирни жюреги къалай эсе да бир тюрлю болду. Къызчыкъны аллында бир жигитлик этериги келди. Барысындан да бек а Мустафир Зулехатны бир кыйынлыкълардан къртхарыргъа сюйючюдю.

...Ма, Зулехатны немецли солдатла къруууп барадыла. Бири, жетип, аны билегинден тутуп, къайры эсе да элтирге умут этеди. Алайлайын Мустафир: «Сен жигит эсенг, кърарысуз къызчыкъ бла кюрешме, манга бир тийчи!» – дей, солдатны аллын тыяды. Экиси да жагъалашадыла. Мустафирни бир немецли тубюне салады, бир а – ол немецлини. Зулехат а немецли солдат хорлап кърояды деп асыры къркыгъандан...»

Жашчыкъ, бахчаны тегерегинде къруругъан шинжилеге къролларын тырната, арбазгъа жууукъ келип, шош сызгърды. Зулехат, чач эшмечигин артха этип, башын кетюрдю. Алай кишини кърмегенден сора, биягъы эниште ийилди.

– Зулехат!.. Зулехат! – деп селешди Мустафир.

Къызчыкъ, шинжиле артында чегюп тургъан жашчыкъны эслегенлей, бетчиги кърызарып, Мустафирни къатына келди.

Мустафир, къашларын аз тюррек этип, кесин уллу адамгъа ушатыргъа кюреше:

– Ол мен айтханнга къраргъанмыса? – деди.

– Мен атамы битеу хуржунларын кърармагъанма да, алада жазулары болгъан къагъыт тапмагъанма сора. – Зулехат, ууртчукъларын кепдюрюп, мудахланды. Сора бир кесекден а: – Ийнанмаймыса?.. Алай эсе, кесинг да кел да, бирге излейик, – деп кърошду.

– Юйюгюзде ким барды?

– Киши да жокъду... Кел!

Экиси да, юйге кирип, Аубекирге аталган кийимлени хур-жунларын къармадыла.

– Хау, сени атанг къоюп кетер эди... – Мустафир, неден да тюнголгенча, мудахланып, ундурукъ аллында кийизге олтурду.

– Санга ол къагъыт неге керекди да? – деп, Зулехат къолчугъун сакъал тюркюгоне тиреп, къайгъырыулу сорду.

– Хау, сие эдинг билирге, къызгъа аллай затны айтыргъа жарарыкъ тюркюлдю! – Мустафир, жингиригине таянып, бир аягъын алгъа созду. Сора гелляны «тиширыуну чачы – узун, акъылы – къысха» деучюсю эсине тюркюп: «Къызгъа эр киши ишни ышаныргъа къайры жарайды, махтаныр да, бирлеге айтыр», – деп сагъышланды.

– Билемисе, ма сен махтанчакъса, жангы кенчегинге махтанып... – Мустафирни айтханы ачыу тийип, Зулехат эсине тюркюгенин артха салмады.

– Фу, мени жангы кенчегим дагъыда барды...

– Ётюрюк, къуру жыртыкъ кенчек кийип айлана эдинг да, ма мени тюрт жыйрыгъым да барды...

Эшикден адам селешген ауазла эшитилдиле.

– Атам келеди, терезе бла чыкъ... Эшитемисе?

– Угъай, кишиге жукъ айтма!.. – Мустафир терк окъуна ундурукъ тюркюне кирди.

– Знашит, ви так думаете?..

– Хау, фон Эвершапс, бёрю агъачха жортмай амалы жокъду. Биз Мусосну жиберсек, ол биягъы партизанлагъа барыргъа кюрешир, мен а бир нёгерим бла ызындан марлап, партизанлагъа жолну билгенлей, аны къайтмаз жерге ашырырма, хе-хе...

Къайсы эсе да, келип, ундурукъгъа олтурду. Жашчыкъ полицейны букъу чурукъларын кёрдю. Бир заманда да Мустафир кесини душманыны къатында алай жууукъда болмагъанды. Ма, аны бутлары – тюрз аллында, узалса, жетерикди.

Жюрек терк-терк урады. Ол башхалагъа да, кесинеча, эшитиллик сунуп, Мустафир, солуун тыйып, тынгыларгъа кюрешеди. Алай жүрек а бютюрнда бек таууш этгенча кёрюнеди. «Тутулмай чыкъсам эди уа, быланы муратларын а билдим... Тутулмай... Биргеме Зулехат окъуна болгъу эди... Аны да эшикге кыстадыла да къойдула. Тохта, къроркъгъанмы этеме? Угъай, къроркъгъан а этмейме. Алай эсе, болгъаным былай суу нек болгъанды да? Ундурукъ тюркюнде къызыуду сора уа!..»

– Корушо идея, корушо, толко...

Аубекир, офицерни не зат арсарлы этгенин ангылап:

– Фон Эвершапс, мен сау болуп, ол бир жары ычхынмаз, – деген сёлзлени Мустафир ачыкъ эшитеди. – Тамбла уа кимлени кыяргъа керекбиз?

Къагъыт таууш эшитилди, сора Аубекир: «Ариубаланы Солтан, Батырланы Адрах, Сарыланы Исхакъ», – деп окъуду.

«...Ай, мындан теркирек чыкъсам эди. Адрах, Солтан, Исхакъ: ючюсюн да таныйма, унутурукъ туююлме. Энди уа кимле болурла?..» Мустафир къулакъ салды.

– Жаланда ючеулен?

– Хау, фон Эвершапс, алыкъын жаланда ючюсюне ишеклиз биз, къутултмазгъа керекбиз, – деди Аубекир.

– Аланы да тамбла...

Андан ары Мустафирни къулагъына жукъ да кирмей эди. «Ундурукъ тюбюнден окъча чартлап, къачыпмы кетейим? Эшик ачылып эсе, тутдурмам... – Мустафир, жаягъын юй тюпге жетдире, эшикге къарады. Угъай, этилипди. Мен аны ачхынчы уа тутарла да къоярла. – Жашчыкъны кёзюне керти да Аубекир къысха базыкъ бармакълары бла аны боюнуна узалгъанча кёрюндю. Уллу къарыны бла юсюне жапланды... – Не этейим? Зулейхат да келмейди да болушургъа... Немецли офицер а, тишлерин да ачып, Аубекир Мустафирни къалай буугъанына къарайды, не эшитгенсе, не эшитгенсе?! – деп къычырады. Ма Мустафирни, ёлтюрюп, бир эски быстырлагъа чулгъап, отунла тюбюне букъдурадыла. Зулейхат да, гелля да, не болгъанын да билмей, къычырыкъ этип жилийдыла. Бираздан а, аны ёлюгюн табып, къабырланы бек бийик жеринде асырайдыла. Партизанла командири, бир ариу жигит киши, жилигъан да этеди: «Мустафир, жигит жашчыкъ, пионер болгъанды, ол бизни ючюн дунутмакъ...» – дейди. Сора партизанла барысы да ушкокларын кёкге айландырып атадыла. Хар ким асыры жилигъандан...»

Мустафирни сагъышларын Зулейхат бёлдю. Ол ундурукъ тюбюне къарады.

– Ууа-ау, сен андан бери мында тураса да, – деди.

– Кетгенмидиле?..

– Эртте окъуна... Мен а сен да кетген суннган эдим...

Мустафир ичинден, Зулейхат мени къоркъгъандан тургъан суннган болур дей, ачыуланыракъ болуп, ундурукъ тюбюнден чыкъды. Алай анда къаллай бир къууанчлыкъ бар эди!

Мустафир битеу эшитген затларын Зулейхатха айтырыгъы келди. Угъай, ол аны кишиге билдирлик туююлдю. Башха тенглерине да угъай...

«Ма бусагъатда Ахматны тапсам эди, иги боллукъ эди... Алай ол, къабырла къатында бузулгъан юйню къатына кече келирге айтханды. Къарангы болгъанлай, ары барырма... Ары дери уа? Тамбла Адрахланы тутхан этерикдиле... Сора ала бюгюн къачмасала, жарарыкъ туююлдю... Андан эсе, барып, кесим айтайым, юйлеринде тапсам эди...» Мустафир, жумушха

баргъанын билдирмезге кюреше, бир чика-чика эте, бир а терекледе чыпчыкълагъа ташла ата, Солтанлагъа жетди.

Ким эсе да чалгъы тишейди.

Ичинден: «Аха, Солтан юлериндеди, энди уа ишими тынгылы этеме», – дей, Мустафир арбазгъа кирди. Алай аны алына, къолунда да чөгючю бла, Мажит келип:

– Мен бюгюн сени бла ашыкъ ойнаргъа бошарыкъ туююлме, – деди. Аны къарамы, ауазы да: «Сен мени алгъыннгы къуру ойнап айланыучу жашчыкъ сунма, кёремисе, не эте тургъанымы?» – дей эдиле.

– Мен сизге аны ючюн келмегенме... Атанг къайдады? – Мустафир, терк-терк сёлеше, Мажитге жууугъуракъ турду.

– Жокъду, тюнене Адрах да, Мухтар да, сора ата да бичен чалыргъа кетгендиле да, алыкъын келмегендиле. Тамбла келик болурла. Ала хар заманда да эки не юч кюн чалып къайтадыла...

Мустафир, иничке къургъакъ эринчиклерин къаты къысып, сора аланы тамбла тутаргъа деп аны ючюн айта болур эдиле дей, бираз сагъышланды.

– Сен аланы къайда чалгъанларын билемисе? – деп сорду.

– Угъай, билмейме, не кюрешеме мени да элт деп, атам унамайды. Сен юйде чалгъы тише деп къояды...

Эки жашчыкъ да бираз тынгыладыла. Мустафир хапарын Солтанны кесинден башха адамгъа айтыргъа суймей эди.

«Жигит, адам бла тубешип, анга хапар айтхан къайры баргъан ишди, ол зауукълукъну алай кёплеге сынаргъа тюшмейди... Сора менден алгъа Солтаннга аны биреулен билдирсе, ол мени хайырымдан болгъанын да билмез...»

Жашчыкъны башында бу сагъышла бир бирлерин алышындырадыла. «Билмесин да турсун!.. Мен а Мажитни анасына айттайым, бюгече уа дагъыда Ахматха да айтырма...»

– Алай эсе, Зурум а юйдемиди? – деп сорду Мустафир.

– Хау, – деди Мажит, тенги, аны гитчеге санап, жумушун анга айтыргъа унамагъанын жаратмай. – Кел!..

Мустафир, юйге кире башлагъанлай, Мажит да ызындан келгенин кёрюп:

– Сен келме, чалгъыннгы тише! – деди, артха бурулуп.

VI

Кече. Къаяла къап-къарала болуп, тегерекни къуршалайдыла. Мустафир кече жорюрге къоркъмаучуду. Алай нёгерсиз къабырланы къаты бла алыкъын кюндюз окъуна озмагъанды. Ма бюгече уа кеси жангызлай алагъа жууукълашып келеди. Тегерек шош. Мустафир, тешге чыгъып, энишге айланганлай,

къабырланы кёрюп, аны чач тюклери ёрге тургъанча болду, сууукъсурады. Ала уа, анда-мында къара тёбеле болуп, къаралып турадыла. Мустафир атлагъаны сайын а сын ташла да аны таба келедиле. Жашчыкъ, тохтап, тегерегине къарады. Къаяны къоюнунда бир от жарыкъ эследи.

«Шайтан от болур да, – гелля алай айтыучуду да, Ахмат а школда къуруда шайтан жокъду деучюду. – Мустафир, аллында сюелген бир ёре къарелдини кёрюп, арсарлы тохтады. Дагъыда алгъа тепчиди, къарелди да къымылдагъан этгенча кёрюндю. – Бу мен къайры барсам, ары нек бурулады?.. Тейри, сени уа!.. – Мустафир, къарелдини къоркъутур умутда, жетел этип кёрдю, сюелген къымылдамайды. – Ма, тутулдум... – Жашчыкъ дагъыда жетел этди, жууап жокъ. – Мени къатына жетме къоюп, алай тутарыкъ болур... Андан эсе, артха къайтып, башха жаны бла келейим... Терс жаны бла келгеними кёрсе, Ахмат не айтыр? Къабырладан къоркъаса дер... Анга уа аллай затынгы билдирсенг, экинчи манга иги ышаныр!.. – Мустафир жерден таш алып, къарелди таба сызды. Таш, сюелгенни шыбырт-шыбырт таууш этдирип, жерге тюшдю. – Терекчик кёреме... Зулехат мени былай къоркъгъанымы билсе эди, аз кюлмез эди. Къоркъгъан а нек этеме? Къабырладагъыла ёлгюнчюге дери бек иги адамла болур эдиле. Ма амманы къабыры былайдады. Энди, ёлген этгенликге, къабырдан къобуп, мени къоркъутургъамы кюреширикди? Гелля да бир-бирледе бир кёп ётюрюк айтады. Къабырлада жинле, шайтанла бар эселе, андан бери чыгъар эдиле...»

Мустафирни аягъы тийип, ташчыкъ тёнгерегенлей, ол, санчыкълары жызылдап, артха хыны бурулду.

«...Адам ёлсе, къабырда сау болады, мёлеклени сорууларына жууап этеди дегенлери керти болурму? Хау, алай болмагъы эди! Эт жазгъыда эки-юч кюнден чирип башлайды, сора адамы жюреги, эти чирисе, ол къалай сау боллукъду, жаханымге, жаннетге да къалай барлыкъды? Аллай затланы нек айта болурла? Не ючюн? Гелля иги адамды, мен аны бек сюеме, сора къуру шайтан, жин барды деп нек турады? Мен энди амманы къабырына баргъанлыкъгъа, манга не хата боллукъду? Ол а, харип, мени былайтын бара тургъанымы биле эсе, келмеди деп, ёпкелер... Бирсиленича, аны эти да чириген болурму?.. Къалай чирир эди ол ариу, иги аммачыгъымы эти?! Чиримесин! Аммачыгъым, манга ёпкелеме, мен тамбла сени къабырынга келмей къалмам!..»

Мустафирни кёзчюклери жилиямукъдан толуп, ол, жукъ кёрмей, абына башлады. Сора Ахмат сакълап турлукъ, оюлгъан, эски юйню къатына жууукълашханлай, кёзлерин сюртуп, бел баучугъун тап, къатыракъ тартып къысды.

«Ахматны анда тапмасам, не этерме? Сора бюгюн битеу эшитген затларым жукъгъа жарамаймы къаллыкъды?.. Тамбла Мусосну кесине туберме, ол а аманмыды да?!»

Мустафир гитче кырдык басып тургъан эчки жолчукъ бла ёрге айланганлай, жерден бир къарелди кётюрюлдю. Сора ол: – Мустафир! Мустафир! – деп селешди.

Ары дери, чапса, ызындан бир зат къууарыкъ сунуп келген жашчыкъ, батыр болуп, кючюнден келгенча чапды.

– Сени бери келгенинги киши кёрген болурму? – деп сорду Ахмат, ёпге солуу этген Мустафирни къучагъына жыя.

– Угъай, бир кишичик да кёрмегенди, – деди Мустафир, Ахматны къолунда ушкогуна къарай.

– Айт хапар, не эшитдинг, ол мен айтхан бла не болдунг?..

Мустафир, башындан башлап, битеу кёргенин, эшитгенин аягъына дери тынгылы айтды.

– Жангылгъан иш эте болурмуса, иги тынгылагъанмы эдинг?

– Жангылмайма, кеппе-керти айтама, барын да кесими къулагъым бла эшитгенме. Аубекир ол немецлиге къалай эсе да бир тюрлю ат айта эди... къалай эди ол? – Мустафир, бармагъын мангылайына тиреп, сагъышланды. – Ыхы, Фаншапс дей эди.

– Фон Эвершапс дей болур эди, – деп, Ахмат Мустафирни айтханын тюзетди.

– Хау, хау! Тюз алайды!

– Аперим, Мустафир, Солтанланы юслеринден да тюз ангылагъанса. Ала, тюнене бизге аш алып, элден хапар айтып келген эдиле. Бусагъатда да биздедиле. Мен ала кетгинчи билдирirme да, элге къайтмай, бизде къалырча этербиз... Сора, – жашчыкъны кесине къысып, – сени юсюнгден да хапар айтырма, – деди.

Алай бу жол нек эсе да Ахмат аны кесине къысхананын Мустафир иги жаратмады.

«Бир гитче къарыусуз жашчыкъгъа этгенча... Мен а энди уллу кишиледенми артха къалама?.. Мажитни, Зулехатны башларын сыласын... Мени бла уа кесини тенги блача нек селешмейди?» – деди ол ичинден.

«Солтанлары аланы къолларына бир иги тюшмез эдиле!.. Ма Мусосду энди иш... Юйден чыкъмай турсун десек, тутарла да къоярла... Бизге келсе уа, Мустафир айтханча, ызындан марап, къайда тургъаныбызны билирле... Къалай этсе, тап болур?..»

Ахмат, сыртындан жатып, кёкде жулдузлагъа къарайды. Узакъда кёкню къыйырында жулдуз бир жерден башха жерге кёчдю. Тёгерекде тауланы тёшпелери кёкню къыйырына тирелициле. Андан-мындан сенгирчкелени жырлагъанлары, укуну къычырыгъы эшитиледи.

– Мустафир, – деди Ахмат, – мен, кесим тубейме десем, кьолларына тюшюп кьаллыкьма, сен а, иги жашчыкь кибик, Мусосну сен айтханча жиберселе, анга тубеп, бусагьатда мен айтырыкьны тынгылы ангылат. Мусос юйлеринде турургьа умут этмесин, алай терс жол бла келсин. Ма бери кьарачы. Эски кьошну кьатында биз «Айыу» деучю бир таш барды.

– Хау, билеме аны уа...

– Иги тынгыла. Мусос чалгьычыланы жолу бла тамбла кьалып бирси кюн тюз ол ташны юсюне келсин. Алайда агьачны кьыйырында уа биз сакьларбыз. Аубекир не партизанлагьа жол, неда ахыратха жол табар... Ангыладынгмы?

– Бек ангылагьанма, алай сен мени энтта да, биргенге элтмей, алдап кьоярыкьса, – деди Мустафир, ёпкелеп.

– Угьай, алдарыкь туююлме, сюе эсенг, Мусосха мен айтханны билдирсенг, биягьыча, былайгьа кел...

VII

Кече Мусосну кёзюне жукьу кирмеген эди. Ол немецлиле аны «башына эркин» этгенлерине кьууаныргьа бла жарсыргьа да билмей эди.

«Не умут эте болурла?! Мустафир айтхан керти эсе, сора бизни асыры да телилеге санайдыла. Ёзге уа не акьыл бла жиберлик эдиле? Мен алагьа аз хата этмегенме. Немислиле уа дертлерин унутуп кьоюучуладан туююдюле. Ахмат айтханны этсем игиди. Алайсыз биягьы кьолгьа жыярла да кьоярла... Аубекир а аз типиски этип турмайды. Мени ызым бла келип, партизанланы табаргьа ол сёз берген ушайды да. Мусос, туруп, терезе аллына барды. Кюн жангы чыгьа келе эди. Алай элдегиле алыкьын эшикге жайылмагьандыла. Мындан бир юч-тёрт ай алгьа, кюнню бу заманына, элни орамлары адамладан толу болуучу эдиле. Энди кёбюсюнде немисли солдатла жюрюйдюле. Ким биледи, башха элчиле да кечелерин, Мусосча, тынгысыз, жукьусуз оздура болурла. Ала эшикге, орамгьа чыгьаргьа ашыкьмайдыла. Чыгьып, кьайры барлыкьдыла? Колхоз ишгеми? Будай оругьаamy? Тангны бу кезиуонде ийнек сюрююню орам бла ёрге отларгьа барыучусу Мусосну эсиндеди. Ол заманлада Мусос кеси да бригадир эди. Правленнге жортмай кьайда кьала эди. Барып колхозну председатели бла тынгылы кенгешмей, ишине хазна киришмей эди. Аны туугьан жерине, элине душман кирип, иелик этерикди деп билген болса, эштада, ол клуб ишлетирге алай бек ашыкьмаз эди. Кече-кюн демей ишлетген эди. Энди уа чыртда сан этмей, кеси чачдыртханды. Алай Мусос аны ючюн жарсымайды. Душманнга заран тошерик болса, клубну чачдыргьан неди? Аны жарсытхан жаланда буйрукьну

тюз толтурмагъанма деген сагъышды. Ол немислилени складларынын кече чачдырыргъа борчлу эди. Мусос а женгиллик этгенди. Аны хатасындан а ненча палах, къайгъы? Командир да энди аллай жууаплы ишни ышанырмы, ышанмазмы?»

Борчуну юсюнден сагъышла Мусосну жюрегин жангыдан бийлейдиле. Алгъын ол аны юсюнден алай кѣп сагъышланмагъанды. Бюгюн а нек? Бюгюн а ол нѣгерлерине тюрберге боллукъду. Алагъа не айтыр? Ала анга не кѣз бла къарарла? Мусос, кийинип, эшикге чыкъды. Жол жанында солдатла, сюелип, бир бири инбашларына къагъа, неге эсе да кюле эдиле. – Сейир туююлмюдю, Мусосну тюз жанында немецлиле турадыла. Кюле, лахор эте. Ала партизаннга тиймейдиле, аны да алагъа хата этер онгу жокъду. Мусос, душманны жууукъда кѣрюп, кѣлюн чѣкдюрюрге азмы кюрешгенди? Энди уа ма – тюз аллында. Мусосну ичи кюеди, терен ахтынып солуйду. Душман а анга сансыз, барын-жогъун да билмегенча, къарайды. Адамгъа андан къыйын не зат кѣрюне болур? Алай ашыкъмагъыз, Мусос сиз сансыз къарап къоярыкъладан туююлдю! Кѣрюрбюз!..

Немецлиледен бири, ушкогун инбашындан алып, хунагъа минип тургъан адакъагъа бурду. Солдат марай да, сора, арта бурулуп, нѣгерлери бла сѣлеше эди. Мусос ангылагъаннга кѣре, ол къалайына урайым деп сора эди. Ушкок атылгъанлай, адакъа ѳрге секирип, жерге тийди, дагъыда туруп, тентирей, бираз чапды. Эштада, окъ боюнуна тийген болур эди, адакъаны башы бир жанына салынып эди.

«Безирегиз алай, бир безирегиз!» – дей, Мусос юйге кирди. Фатимат, кийинип, отоуну тюз ортасында сюелип тура эди.

– Атланамыса? – деп сорду ол.

– Керекди!

– Кетсенг игиди, бу малгъунла сокъуранып иш къалырла...

Ким биледи, къутулуп къалсанг а...

Мусос, белине бек узун жипни чѳргеп, гидасын алды. Артыкъ кѣп адамны кѣзюне урунмазгъа кюреше, элни ичи бла баргъан уллу къолгъа тюшдю. Къол бла баргъан къыйынды. Аны ичи ташлы, балчыкълыды, сора немецлиле илишаннга салып атхан эшек, ит мыллыкла кѣпдюле, ийис этедиле. Алай къол тюзюнлей агъачны къыйырына тиреледи. Андан ары уа – «Ай-ыгутахша» элтген жол.

Мусос, агъач къыйырына чыгъып, тѳгерегине къарады. Киши кѳрмедиде. Болсада ол анга артыкъ бек къууанмады.

«Немислиле аны алай жиберип къоярыкъ амаллары жокъ эди. Баям, Мусосха сездирмей болурла. Эштада, Мусос билмегенликге, бир аман акъыллары болур? Къаллай? Ол къалайтын барлыгъын къайдан билликдиле?..

Мусосну жүрегине кьоркзуу да, сакълыкъ да бирча кирди-ле. Тегерегине дагъыда бир къарап, жолуна тебиреди.

Жолну бир жаны къаягъа кысылып эди, экинчи жанында уа юлѳкзу, тюртю терекле есе эдиле. Жол «Айыуташны» юсю бла аны артында езен талагъа элтеди. Таланы тегереги кылын агъачды. Ол колхозчуланы кеслерине бичен чалычу жерлериди. Анда чалынган биченни адамла жаланда бу жол бла тюрюреди. Башха жол жокъду. Баям, асыры кѳп гебен тартылгъандан болур, ол сыйдамды, жерден къарагъан гыйы ташланы кыйырлары да ачылыпдыла.

Мусос, жолну эки тенг этген болурма дегенде, тохтап, биягъы ызына къарады. Жукъ эслемеди. Болса, эслерик эди. Жол, айланч-буйланчлары болмай, тюз эди. Башындан энишге таш тенгеретсенг, ол, шашмай, ахырына дери барлыкъды. Мусос, былайтын гебен тартып, биринчи ыз салгъаннга ичинден ыспас окъуна этди. Алай Мусосну марлап, ызындан келгенле да телеле болмазла. Жол бла барсала, хар зат къол аяздача кѳрюнюп турлугъун ала да биледиле.

Баям, келселе, чырпыла ичи бла келликдиле. Ол а кыйынды. Мусосну ызындан кысха жетип бараллыкъ тюрюдюле... Жюреги тынчайып, партизан баралгъаны къадап терк атлай эди. Алай бираздан Мусос чырпы кымылдагъан таууш бла бирге епке солуу эшитди. «Ызымдан кысха келтирип къойдум кѳреме. Артха хыны бурулургъа жарарыкъ тюрюдю. Кесими жукъ да билмегенча, кѳрмегенча этип барыргъа керекме. Алай болмаса, къутулуп къалады деп кьоркыгъандан, душман атаргъа кюреширкиди. Керексизге елюп кыалыргъа уа...» – Мусос тютюн кыабындырыргъа тохтады. Эки кѳзюн Мусосха къадап, терлегенлерин сюрте, Аубекирни чѳгюп тургъанын кѳрдю. Андан арлакъда уа – автоматы бла солдат. Эштада, экиси да кыстау келирге кюрешген болурла: терлепдиле, ауур-ауур солуйдула. Аубекирни кѳзлери, алгъынча болмай, мудахдыла. Ала Мусосха жалынганча къарайдыла. Бюгюн Аубекир не махтау алыр, неда...

Аны юсюнден ол кеси да кѳп сагъыш этеди: «Мусос кесин анга алдатыр дерге да кыйынды. Алай энди немислиледен да арт айырыргъа керек эди. Нек эсе да ала кеслери да тынгысыз бола тебирегендиле. Эштада, мен умут этгенча, была емюрлюк къонакъла тюрюдюле. Бир жашырын къайгылары барды... – Аубекир арлакъда бир бирлеринден кенгирекде чѳгюп тургъан эки немецли солдатха къарады. – Не бек къан-жан аямай къуллукъ эте эсем да, фон Эвершапс манга иги ышанмайды. Кѳремисе, бир нѳгер боллукъду дей тургъанымлай, экинчисин да къошханды. Жангыз нѳгер бла къалсам эди уа, аны тынчайтып, Мусосха къошулгъандан игиси не бар эди? Алай

ол начасла да ийнанырыкъ туююлдюле. Ийнанган окъуна этсинле, немислиле кетмей, хорланмай къалсала уа? Бөрю кибик, была бла агъачда къалай жашарма? Угъай, бу жол мени Аллах ургъан болур. Была, ала да манга неге керек эдиле?! Къайсы жаны хорлап тохташса да, анга кёре этер эдим...»

Аубекир Мусосха къарагъанында, ол тютюнюн ичип бошاپ, ёрге айланган эди.

Мусос энди артха къарап кюрешмей эди. Ол ишни халын уста биле эди. Анга не къадар терк барып, ызындан келгенлени узайтыргъа керекди. Айтханларыча, сакълап тура эселе – ахшы, алай туююл эсе уа, ажашдырыргъа керекди.

Мусос бу жол бла кёп кере жюрюгенди. Алай бюгюнча узакъ ол бир заманда да кёрюнмегенди.

«Айыуташны» сабийлигимден бери таныйма. Ол заманда да ол ташха «Айыу» деучю эдиле. Анга алай нек айтылгъан болур? Ушагъаны ючюнмю? Баям, алайды. Ингирикде, кюн бата баргъан кезиуде, элден къарасанг, аны керти да, боюнун да созуп, тёш юсюнде айыу чёгюп тургъан сунарса. Уллулугъу да тюз айыу тенгли кёрюне эди. Аны башы, аякълары да белгили эдиле. Тюз жанына барсанг а, ташны айыугъа ушатхан бир заты да жокъду. Кеси уа – сау къая, тубюнден башына къарасанг, бёркюнг тюшерча бийикди. Аны аллы жалпакъ эди. Бичен чала тургъанлай, жауун жауса, биченчи жыйынны ташны тубюнде бугъуучусу Мусосну эсиндеди. Алайы малчыланы да бек суйген жерлери болуучуду. Жаз аны тубюнде бичен мулжар бирда кетмеучюдю...

Энди уа «Айыуташны» унутхандыла. Аны къатына киши да келмейди. Жауундан киши букъмайды. Сюрюучюле аны салкъынына кирип солумайдыла. Аны тегерегинде алгъынны жашау жокъду. Ол кече-кюн да, къара тынгылауну ийип, элчилеге къарайды.

«Зауаллы «Айыуташ», сен кёп затлагъа шагъатса, бюгюн а не затха шагъат болурса?..» – Мусос теркден-терк атлайды, «Айыуташха» жууукъдан-жууукъ келе. Ахырында ол аны аллында сюелди. Энди Мусосха андан сора жукъ кёрюнмей башлады. Бир-эки атлам, ёр жол бла бир-эки атлам...

Мусос, къолун узатып, ташха таяныр-таянмаз, кимни эсе да «Хош кел!» деген ауазын эшитди.

Ахмат, кёзюлдюреуюк бла эниште къарагъанын билмей, бир къолун Мусосха узатды. Ахматны жанында Мустафир бауурланып тура эди.

– Жууугъум, сени уа танг ёпке солуу этдирдиле дейме? – Ахмат, кёзюлдюреуюкню аллында ташха салып, нек эсе да уш-когуну ичин ачып къарады.

– Сора сиз хар нени да кёрюп тургъансыз? – деди Мусос.

– Хау, тейри. Аны кьой энди. Аланы былайдамы сакъла-сакъ тап болур огъесе...

– Кесибиз агъач кыйырына кетип, талагъа чыкъма кьояйыкъ.

– Тюздю. Ачыкъ жерде кьутулмазла.

Ушкоккла жаланда эки болгъанына Мустафир энди жарсый башлагъан эди. Къалай-алай болса да, эштада, Мустафир кьубултуп тургъан ушкок Мусосха жетерик болур. Ол кьоркьюу Мустафирни ичине эртте кирген эди. Нек десегиз бюгюн аны умуту не Аубекирни, неда немецлиледен бирин къапларгъа эди. Жашчыкъ, Мусосну хуржунунда кероху болурму деп, анга ышанлап-ышанлап къарады. Анда аллай затны белгисин эсле-мегенде, ким биледи, тап жарашдыралсам, ушкокну менде кьояр эселе уа деген акъылда, ол Ахматдан арлакъда бауурланды. Сора ушкокну суукъ къалагъын жаягъына къаты кысып, Аубекир чыгъар жерни марады.

Алай олсагъат аны къатына Мусос келди да, ушкогун тиледи. Мустафир а, кесинден таматаны айтханын этмезча, алай осал жаш болмаучуду, сора аны устазы Ахмат да былайчыкъда эди. Болсада Мусос Мустафирни ушкогун алгъаны бла да кьоймады, къайры эсе да терс жанына, агъачны теренине кет деди. Мустафир Мусосну айтханын этмеди. Ол, артхаракъчыкъ кетип, бир терекге ёрледи. Бираздан а «Айыуташны» къатында Аубекир кёрюндю. Мустафир, баям, аны кьолунда кероху барды деп ойлады. Ол бир кьолун алгъаракъ узатып келе эди...

Аубекир, шош-шош атлай, таланы кыйырына келди. Сора тохтап, тегерегине тынгылы къарады. Мустафир ангылагъаннга кёре, ол бек кьоркъа эди. Нек эсе да тегерекге къарай келип, элгенип, бир жанына хыны секирди. Мустафир сейир этди. Кёп болмай, ол кеси бичен чалып, гебен тартып тургъан жеринде хар ташдан, хар чырпыдан кьоркъа эди. Баям, ол хар чырпыны артында аны ёлтюрюу адамла бугъунуп тургъан суна болур эди.

Аубекир, кырдыкда аякъ ызланы кёрюп, сагъайды. Сора тюзюнлей агъачны Мустафирлары букъгъан жерине къарады. Ол аланы кёраллыкъ туююл эди.

Аубекир, артха бурулду да, кьолун булгъады. Олсагъат «Айыуташны» артындан, автоматларын да хазыр тутханлай, эки немецли солдат чыкъдыла. Энди ала ючюсю да, чёп сындырмазгъа кюрешгенча, аякъларын бийикге-бийикге кётюрюп, шош сала, Мустафирланы таба келедиле.

Немецли солдатла да, Аубекир да ёллюклерине Мустафирни ишеги жокъ эди. Аны Аубекирге жаны ауруругу окъуна келди. Къалай-алай десенг да, ол Зулехатны атасыды. Зулехатны ёксюз къаллыгъын а ким сюеди?

«Ма бусагъат, бусагъат!..» Алай Мустафир Зулейхатха сени атангы ёлтюрюрге мен да къатышханма деп къалай махтансын? Эх анаССыны, ол башханы атасы болса эди, Мустафир бир иги махтаныр эди. Энди уа адам анга не айтсын? – Жашчыкъ, терен сагъышха кирип, кёп тюрлю жууап изледи. Алай аны эсине жаланда бир жууап келе эди: Аубекир кёплени атасыз къойгъанды, мындан ары да къаллай бирин ёксюз къалдырлыгы белгисиз эди. Мустафир а анга жан аурутады. Алай жараймыды? Кёп болмай неси ёлтюрюрге умут этип айланганды. Кёзюне жетгенде... Къой-къой, Мустафир асыры халал жюрекли кёреме. Партизаннга да аллай болургъа жарамайды?.. Мустафир Ахмат бла Мусосха къарады. Экиси да жууукълашып келгенлени марап тура эдиле. Сора жашчыкъ эсин башха затха бёлгюнчю, ушкоклары бурунлары ёргерек кётюрюлгенлерин кёрдю. Ызы бла мычымай тауушларын эшитди.

Баям, партизанла алгъа немецли солдатланы атхан болур эдиле. Аладан бири, Мустафирни акъылына кёре, къынкъ да этмей, чулгъанып тийген эди. Экинчиси уа, тюз бауурундан тюшюп, автоматын дырылдатды. Окъла Мусосланы башлары бла сызгырып-сызгырып оза эдиле. Мусос дагъыда атды. Жатып тургъан немецлиге окъ тийгени бла тиймегенин Мустафир билирге бек адыргы эте эди. Ол, нени да унутуп, терек бутакъланы бир жанына тюртюп, аллын ачыкълады. Немецлини автоматы энди алай бек дырылдамайды. Окълары уа Мусосланы тенгликлерине окъуна жетмей эдиле. Аны алай болгъанын Мустафир, биченликни бир жери асыры бек къымылдап, анда-санда кырдыкланы ёрге-ёрге секиргенлеринден биле эди. Аубекир а, тюз ушкок таууш эшитилгенлей, жыгъылгъан эди да, аны ёлгени бла къалгъанын Мустафир билмей эди. Алай алгъа созулуп тургъан къолунда кероху тюшмеген эди.

Бир кесекден немецлини автоматы тауушсуз болду. Солдат энди жухун тюз да жерге тиреп жатады. «Эхе, санга боллугъу уа болгъанды», – деди Мустафир. Алай Аубекир а, Аубекир? Мусослары атмайдыла, ол да жатады... Мустафир асыры сакълагъандан, эрикген окъуна этди. Терекден тюшюп, нёгерлерине кёшуллулугъу келе эди.

Мустафир ол сагъышын этип бошагъынчы, Ахмат бла Мусосну ушакъларын эшитди.

– Ёлген эсе, сау эсе да, барып бир кёрюрек.

– Къой, ол, тонгуз кирик, аман акъыллыдан тёнгереп турады. Аны бирибиз да атмагъанбыз, сора къалай ёллок эди?

Биягъы шошлукъ. Алайлайын къараса, Аубекир акъырынчыкъ туруп, келгенича, шош-шош артха кетип башлады. Баям, ол энди киши да жокъ сунган эди. Сора Аубекир, тёзалгъан

болмаз эди, будуман этип, «Айыуташ» таба чапды. Ахмат а, ызындан талагъа чыгъып:

– Тохта, Аубекир, тохта! – деп кыгычырды. Болмады. Ахмат, чөгюп, ушкогун тобугъуна салып, марады да атды.

Аубекир тохтады... Жалан этине билмей тургъанлай сууукъ суу къуйгъанча, инбашларын ёрге жыйырып тохтады. Тентирей барды да, «Айыуташны» къучакълады. Ол халда бир кесекчик турду. Дагъыда «Айыуташ» аны тюртюп ийгенча, Аубекир артха тепчиди да, сора тюз артына ауду.

VIII

Мустафир кесине ыразы туююлду.

Барып партизанлагъа къошулгъанлыкъгъа, ол алыкъын тарх деп ушкок атмагъанды. Биягъы бир тасхачылыкъ этер эсе да, Аубекирни да ёлтюрдюле да къойдула. Энди Мустафир неге жарарыкъды? Ала иги биледиле, кеслерине керек болса, Мустафирге жумушларын этдирип, ол жукъ тилесе уа, сен алыкъын гитчесе деп къояргъа... Ол бюгюн ёлген немецли солдатны автоматын беригиз деп, не къадар тилеген эди. Ала уа окъларын чыгъарып къойдула. Окъсуз автомат Мустафирге неге керекди? Кеслерине берип, элге кетип къалса уа?..

Жашчыкъ, Мусос бла Ахматны ызларындан къаршы жетип, жилиярыгъын кючден тья:

– Автоматыгъызыны алыгъыз, мен элге кетеме, – деди.

– Ахмат жашчыкъны нек ёпкелегенин сезе эди.

– Автомат ауур бола болур, кел, алышайыкъ, сен мени ушкогуму элт. Мачы, жерленип турады, сакъ бол. – Бираз баргъандан сора уа, Ахмат дагъыда: – Мустафир, энди санга элге алгъынча барыргъа жарарыкъ туююлду. Къайда да бизге айтмай, кетип иш къалырса, – деп къошду.

Мустафирни жюреги жапсарылды. Ол бош мудах бола кёре эдим. Аны керти да партизаннга санамай эселе, элге барыргъа нек къоймайдыла? Угъай, Мустафир алай хомух туююлду. Элде нёгерлеринден иги да батыргъа саналады. Эх анассыны, Алимчик ёлмесе эди, ол да, Мустафир да агъачда эрикмей турлукъ эдиле. Сора Мустафирни жерленген ушкокну алып баргъанын Зулейхат кёрсе эди... Къайда анга аллай насып? Нек эсе да артдан-артха Мустафирни жюреги Зулейхатха бегирек тарта башлагъанды. Ол аны эсине бирсиледен эсе, кёбюрек тюшеди. Ма бюгюн да, Аубекирни ёлтюргенден сора, Мустафир Зулейхатны юсюнден сагъыш этгенлей тургъанды. Чыртда унуталмайды. Нек? Не болгъан болур?

Алай Мустафирни дагъыда бир къоркыгъаны барды. Ол мында жаланда партизанлагъа аш биширирге, отун келтирир-

ге, от ышырыргъа жарагъандан башха жукъ этмейди. Зулехат, аны билсе, Мустафирге не айтыр? Бирледен эшитип къоймагъы эди.

Арт кезиуледе жашчыкъ ишсиз бютюнда кёбюрек тура эди. Партизанланы бир къаууму кюн сайын къайры эсе да кете эдиле. Мустафирни уа, ненча тилеген эсе да, биргелерине бирда алмагъандыла. Ала аны ушакъларына да хазна кшошмай эдиле. Жашчыкъ, кече сайын партизанла къайры баргъанларын, не этгенлерин билалмай, ачыудан кюеди. Алай Мустафирден киши да жашырмагъан бир зат барды: ол жууукъ заманда немецлилени элибизден къуууп чыгъарыкъбыз деген сёзлени хар партизандан эшите эди. Мустафир анга бек къууанады. Болсада бир немецли солдат ёлтюралмай къалама деп да къоркъады.

Энди алгъынча болмай, партизанла тургъан агъачны башы бла самолётла терк-терк озадыла. Мустафир ала бизни огъесе немецлиленими болгъанларын айыралайды. Мындан төртбеш кюн алгъа шапалыкъ этиучю къарт киши, кёкде самолёт кёрсе, неда гюрюлдегенни эшитсе, ачыуланып, жерге тюкюре эди. Сора саргъалгъан тишлерин къаты кысып, кеси кесине «биягъыныкыла» деп шыбырдай эди. Бир кюн а, къазан жанында чөгюп тургъанлай, самолётну гюрюлдегенин эшитип: «Тейри, бу а бизникиди!» – деп, секирип ёрге турду, бир кесек тынгылады да, дагъыда: «Таллахий, бизникиди!» – деп кшошду. Ма андан бери юч кюн озгъанды, къарт а хар самолёт таууш этгени сайын, «бизниди! бизникиди!» дегенлей, сабийча къууанганлай турады. Мустафирни анга хазна ийнанырыгъы келмеучюдо. «Самолётла бек бийикде келедиле, сора къарт, къарагъан да этмей, къайдан билликди?»

– Хажимурат, къарамай, кёрмей, самолётланы къалай таныйса?

– Э, жашым, танымай а! Тауушларындан таныйма!

Мустафир, сыртындан тюшюп, кёп сагъыш этер эди.

Ол лётчик болургъа термиле эди. Мустафир лётчик болса эди, баям, бек алгъа кеслерини эллерини башы бла учар эди. Элчилерине бла Зулехатха билдирмей а! Алай къалай билдирер эди? Къолун зат булгъаса уа, кёрлюк туююлдюле. Кесини атын жазып, письмочукъ атар...

– Хажимурат, самолётдан бери энишге письмо атса, бизни элге тюшерми эди?..

– Хайыуан, къайры тюшерикди, жел алып да кетер – асыры женгилди!

«Къайгъырмаз, Мустафир аны аууруракъ эте билер...»

Партизанла тургъан жерни башы бла биягъы эки самолёт учду. Жашчыкъ да, къарт да ала кёз туурадан тас болгъунчу, ызларындан къарадыла. Сора Хажимурат:

– Эштада, немислилени арт кюнлери жууукълашханы кертиди, – деп шыбырдады.

Бир жол Мустафир, къургъакъ отунла жыя тургъанлай, топ атылгъан тауушла эшитди. Жашчыкъ алагъа артыкъ уллу эс бурмады: къорасынла, алай эте туруучудула!..

Кёп мычымай дагъыда башланды. Гууу... Гууу... Энди топ атылгъан тауушла тохтамай эдиле. Мустафир, тынгысыз болуп, Хажимурат таба да бир чапды. Дагъыда тохтады. Къургъакъ отун жыймай келсе, къарт унарыкъ туююл эди. Мустафир, суу-къургъакъ деп къарамай, къучагъын отунладан толтуруп, къошларына келди. Ма, сейирлик! Битеу партизанла тизилишип тура эдиле. Ала, Мустафир ангылагъаннга кёре, уруш этерге хаппа-хазыр эдиле. Къолларында ушкоклары, автоматлары, бир-бирлерини беллеринде гранатлары окъуна бардыла. Мустафир партизанла былай кёпдюле деп билмей эди. Ол угъай, Мустафир командирни окъуна жангыз да эки-юч кере кёргенди. Айып туююлмюдю? Командир а, партизанланы алларында сюелип, иги кесекден бери сёлешеди. Жашчыкъ жууугъуракъ келгенде, аны къулагъына: «Душман къачып барады, бизни борчубуз – анга не къадар да заран салыргъады!» – деген сёзле эшитилдиле.

Мустафир кёзлери бла Ахмат бла Мусосну изледи. Ала экиси да бир жерде чархлы пулемётну къатында сюелип тура эдиле.

Мустафир энди, не да этип, ол экиси бла бирге болургъа керекди. Ансы бирсиле бла не унарла, не унамазла. Унамай окъуна къойсунла. Ол Ахматлары бла болургъа сюеди. Ала аны иги таныйдыла. Бир жукъ болуп къалса, геллягъа тынгылы хапар айтырла...

Жашчыкъ сагъыш этип да бошагъынчы, битеу партизанла, бирча къозгъалып, агъачны чыхар-мухур тауушха алдыра, энишге айландыла. Мустафир, чабып келип, Мусосча:

– Мен сизни бла барайыммы? – деп сорду.

Мусос жашчыкъгъа жумушакъ къарады. Ол Мустафирни кёлуне тиерге суймей эди. Хау деп да къоялмай эди. Аны хар тилегенине не заманнга дери угъай деп турургъа боллукъ эди! Жашчыкъ бек жууаплы ишлеге къатыша келгенди. Сора бу къатыш-къутушлада анга кимден да уллу сакълыкъ керек туююлмюдю? Анга, Мусосча, ким кёз-къулакъ болургъа кюреширикди? Ол Мустафирни бюгюнча мудах болуп хазна кёрмегенди. Нек? Къоркыгъанмы этеди? Огъесе адамланы кесине сансызлыкъларынмы эслегенди? Мустафир ёксюз сабийди. Мында хар партизан анга аталыкъ этерге керек эди. Керти, атача да къарайдыла. Алай, эштада, жашчыкъны алыкъын киши да къууандыралгъан болмаз.

Мусос, Мустафирни жыртыкъ кийимчиклерине къарагъанын бёлмей, кесине, нёгерлерине да айып эте эди. Жашчыкъны

көнчегини сау жери жокъ эди. Гён чарыкъчыкъларындан бармакъчыкълары къарай эдиле. Аны жетген чашчыгъын къыркъыркъа да кишини эсине келмегенди. Мусос кишини терслемай эди. Жаланда кесин бла Ахматны терслей эди. Бир кесек заман табылмагъанды дегеннге ким ийнанырыкъды? Мусос жашчыкъны бети былай саз болгъанын да биринчи эслейди. Ол, аны аллында кесини бир уллу терслиги болгъаннга санап, жашчыкъны къучагъына къаты къысыды.

– Сизни бла барайыммы дейсе? Кел, кел! Нек келмейсе! Алай биз айтхандан чыкъмазгъа айт ансы... Кесинг а ачмыса?..

Партизанланы Мустафир болгъан къаууму, къалын агъачны ичи бла энишге саркъып, ачыкъ жерге чыкыгъанларында, алгъаракъ кетгенле бауурланышып тура эдиле. Мустафир бла Хажимурат бирге, арлакъда уа Ахмат бла Мусос да бауурландыла. Жашчыкъ ангылагъаннга кёре, эштада, былайы бек ташлы жерледен болур эди. Ала барысы да, башларын аз кётюрюп, тар ауuzu таба къарай эдиле. Мустафир а кенг, акъсылдым жолдан сора жукъ кёрмейди. Жолдан къарасанг а, партизанла тургъан жер бийик тик жар эди. Мустафирлары аны башындадыла. Жолну ары жанында уа – уллу суу, таула. Алай бла жолда не зат болса да, ачыкъ кёрюнюрюкдю. Жол узакъда туююл эди. Адам аны тюз Мустафирлары жатхан жерде сунарча эди.

Топ атылыула жангыдан башландыла. Ала Мустафирни эли табадан чыгъа эдиле. Асыры терк-терк атылгъандан болур эди, жер титиреп, партизанланы алларында ууакъ ташчыкъла шыхар-шухур деп, энишге-энишге тёнгерей эдиле. Алай ким атханын, нени ургъанларын Мустафир ангыламай эди.

Бираздан Мустафир, тарны ауuzuна мамукъ буштукъ болуп тургъанча, акъсылдым букъуну эследи. Букъу жууукъдан-жууукъ келеди. Сора букъудан, суурулуп чыкыгъанча, алгъа эки машина ычхындыла. Ала жүкленип эдиле.

«Ол эки машинаны, тиймей, озма къоюгъуз!» деген ауазны Мустафир ачыкъ эшитди. Машинала сыртны айланч жанына озаргъа, биягъы букъу эсленди. Энди ол машинаны букъусу туююлду. Немец командирле бла солдатла келедиле. Кёп болмай Мустафирни туугъан элини орамларын туююп айланган чурукъла энди машина жол ну букъу этдирип келедиле. Былайтын ала не озарла, неда...

Хажимурат да, Мустафир да, ушкок къалакъларын жаякъларына къысып, шошайдыла. Мустафир а солугъанын хазна билдирмей эди. Топ атылгъан тауушла бир эшитиле, бир тунчугъа турадыла.

Фашистле Мустафирланы тенгине жетгенлей, пулемёт дырылдады. Олсагъат ушкок, автомат атылгъан да кёпден-кёп болуп, анга «эжиге» къошулдула. Мустафир, эштада, барысын-

дан да артха атхан болур эди, ол окъну керексизге жибермейме деп, бир немецлини сайлап, иги кесек марады. Алай солдатны жыгъылгъанын бла къалгъанын кёралмады. Мустафир тюз да сампалны басханлай, ушкокну къалагъы инбашына бир аман ургъан эди. Жашчыкъ, ачыгъанын кишиге билдирмезге кюрешсе да, кеси да сезмей, къолу бла инбашына жабышды, кезлеринден а жилимукъла тегюлдюле.

– Ушкокну къалагъын инбашынга салып ата тур, – деди Хажимурат, башын кетюрюп, жолгъа къарай.

Немецлилени ёлгени, сауу да жерге жабышхан эдиле. Баям, ала да аяусуз атадыла. Алай Мустафирге ол жанындан ушкок таууш чыртда эшитилмейди.

Бир кесекден, партизанла атханларын тохтатханларында, немецлиле жерге бошуна жабышып турмагъанларын жашчыкъ ангылагъан эди. Ол угъай, Мустафирге ала къыстаууракъ атханча окъуна кёрюндю.

Энди немецлиле да тохташдыла. Тегерек шошайды. Жаланда узакъда топ тауушла тохтамайдыла. Ол халда бир талай заман озду. Болсада немецлилеге таймай жолда бауурланып турургъа жарамазлыгъын кеслери да биледиле: аланы ызларындан бизни аскерчилерибиз келё эдиле. Немецлиле, биягъыча, турдула да, жолну букъу этдирип тебиредиле. Мустафир немецлиле кеслерини тегереп тургъан негерлерини юслери бла атлагъанларын да кёре эди.

Партизанла от ачханлай, солдатла биягъы бауурландыла да къалдыла. Мусос а энди, аз ёргерек туруп, пулемётну быргысын энишге айландырды. Быргы, ууакъ къалтырап, арыбери акъырын бурула эди. Мустафир немецлиле партизанланы кёрмеген суна эди. Ала къаллай бир ата эселе да, партизанладан киши жаралы болуп кёрюнмейди. Жашчыкъ, батыр кёллю болуп, сүйрелгенлей тюз сыртны эринине барды. Сыртны тюрюнде машина тохтап тура эди. Къалайтын келген болур эди? Аны киши да эслеялмагъанды. Машинаны жанында немецлиле бир быргыны ёрге айландырып, аны несин эсе да жарашдыра эдиле. Жангыз быргы. Ол топ тюрюл эди. Мустафир танырыкъ эди. Сора немецли солдат тюрюнлей быргыгъа бир зат атханча кёрюндю, Мустафир андан башха жукъ эслемеди. Алайларын не эсе да сызгъырып барып, Мусосладан арлакъда жерни чачдыртды. Дагъыда чачдыртды... Дагъыда, Мустафир, къулакъларына жабышып:

– Хажимура-а-ат, ма былайдан атадыла! – деп къычырды... Хажимурат къымылдамады. Ол, сыртындан тюрюп, ёлюп тура эди.

– Хажимура-а-ат! – Мустафир къычырыкъ этип жилиды. Сора аллын да иги кёрмей, онг жанында партизанлагъа чап-

ды. Къайсы эсе да жашчыкъны сермеп жерге жатдырды: «Тас болмазлыкъ!»

– Билемисиз, тюз ма былайны тюбюнден атадыла... Хажимуратны да ёлтюргендиле!..

Топла, партизанланы жатхан жерлерин излей, бир бири ызындан анда-мында чачыладыла.

Мустафир биягъы жерине къайтханында, алайда Мусос бла Ахмат пулемётларын «ишлете» тура эдиле. Жанларында дагъыда башха партизанла да жата эдиле. Жашчыкъ, ушкогун алып, алагъа къошулду. Энди немецлиледен, сырт тюбюндегиле болмасала, башхалары хазна атмай эдиле. Жол жанында жатханла, туруп, ташагъа къутулургъа кюрешедиле. Мустафир бирлерин сайлап марады. Баям, тийдирген болур. Немецли тобукъланып турду да, дагъыда туруп, тентирей, къачханланы ызындан тебиреди. Мустафир, къалай да этсин, аны ёлтюргенине ишексиз болургъа керекди. Жашчыкъ биягъыны марады. Алай... Мустафир ушкокну сампалын тарталмады. Не эсе да бир исси зат аны билегин ачы кюйдюрдю. Жашчыкъны умуту аны сан этмезге эди. Ушкок а къолундан кеси тюшюп бара эди.

Энди Мустафир кёкден сора жукъ кёрмейди. Кёк да, башы да тегерек айланады. Пулемёт, автомат тауушла да бир узакъ-дача эшитиле башладыла. Мустафир бек ахырында: «Гелля, гелля», – деп селешди. Сора ким эсе да аны акъырын кётюрдю...

Жашчыкъ, эсин жыйып къарагъанында, юйлеринде геллясыны ундуругъунда жатып тура эди. Аны билеги байланып эди, башы жолюнюп.

Гелля, Мустафир кёзлерин ачханын эслеп:

– Къалайса, балам? – деп сорду.

– Иги, суу берчи.

– Охо, къоркъма, бусагъат иги боллукъса!

Мустафир суу ичерге башын кётюрдю. Башын ёрге кётюргенинде, юйню мюйюшюнде аны эки тенг жашы бла Зулейхат кёрюндюле. Зулейхатны бетчиги, асыры азгъандан болур, алгъындан гитчеди, кеси уа – чыммакъчыкъ. Аны юсюнде жыйрыкъчыгъы да тозурагъанды. Нек болгъанын Мустафир кеси да билмейди, Зулейхатха жаны ауруп, жилярыгъы келди. Жашчыкъ, аллай затны сездирмезге кюреше, башын жастыкъгъа салды, алай кёзлери уа жилямукъладан толу эдиле...

Мустафир, иги болуп, тенглери бла хайнух айландырып башлагъынчы, кёп зат тюрленген эди. Аны элинден немецлилени къыстагъан совет аскерчиле бла бирге Мусос, Ахмат да кетгендиле. Баям, энди ала узакъда уруш эте болурла. Мустафир ауруп тургъанда, Мусос, келтирип, аны къатападан этилген къапталчыгъына майдал такъгъан эди. Аны шагъат къагъытларын а, иги асыра деп, геллягъа берген эди. Алай Мустафир-

ге майдал болса, шагъат къагъыт да неге керекди? Жашчыкъ майдалын кёп жюрютген эди, тенглерине кёп кере махтанган эди. Энди уа, майдалындан да эригип, къапталы бла бирге, аны эски кюбюрге быргъагъанды. Мустафирни тенглеринден башхалыгъы жокъду. Бузда хайнух къыздырады, ашыкъ ойнайды. Алгъынча, школгъа жюрюйдю.

Мустафирни элинде ёсе келген кёп жашла аскерге кетедиле. Кёпле да къайтадыла. Алай къайтханланы кими жаралыды, кими бутсузду, кьолсузду. Къалай-алай болса да, эл биягъы ызына тюше башлагъанды. Биягъы эрттен сайын ишге чыгъадыла, ингир сайын ийнекле, мюнгюреп, сюрюуден къайтадыла. Энди къартла орамлада, башларын кётюрюп, эркин жюрюйдюле. Узакъда уа, къайда эсе да башха жерледе, уруш гюрюлдейди...

1964

Николай ИВАНОВ

Вход в плен бесплатный, или Расстрелять в ноябре

*Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча боль переносу.*

М. Ю. Лермонтов

1

– Кто полковник?

– Я.

Выпрямиться не успеваю. Удар сбивает с ног – профессиональный, резкий, без замаха. Однако упасть не дают наручники, которыми я прикован к Махмуду. Тот, в свою очередь, зацеплен за Бориса, мы все втроем наклоняемся, но падающего «домино» не получилось. Похожи скорее на покосившийся штакетник, связанный одной цепью.

Наверное, мой взгляд на «боксера» оказался столь выразительным, что он поинтересовался:

– Ну, и что увидел?

Вижу его красные от бессонницы глаза. Сам Боксер в черной маске-чулке, взгляд его устремлен через неровные, обтрепанные вырезки. Впрочем, это встретились не наши глаза, а заискрились, оттолкнулись два оголенных провода. Боевик упирает мне в лоб ствол автомата, и откуда-то издалека, из курсантских времен промелькнуло: во время учений при стрельбе холостыми патронами мы накручивали на стволы угловатые компенсаторы.

Сейчас ствол круглый, гладкий, холодный. Да и какие, к черту, в Чечне во время войны холостые патроны! Пора уже привыкнуть и к тому, что меня бьют только за то, что полковник.

Ствол давит все больше, я и сам чувствую, что пауза затягивается, но нейтрального ответа найти не могу. Осторожно возвращаюсь к первому вопросу, даю полный расклад своей должности:

– Я – полковник налоговой полиции. Журналист.

– А это мы еще проверим, – усмехается маска, но автомат от головы отходит. – Только запомни: если окажешься контрразведчиком, уши тебе отрежу лично.

Киваю головой, но не ради согласия, а чтобы таким образом оставить взгляд книзу и больше его не поднимать: в затылок вопросы задавать труднее. Кажется, начинаю постигать первое и, скорее всего, величайшее искусство плена – не раздражать охрану.

Уловка проходит: охранник отступает на пару шагов, усаживается на сваленные в углу погребки доски. Привычно, стволом в нашу сторону, устраивает на коленях АКМ. Тягостно молчит. Тягостно для нас, троих пленников, потому что будущее предполагает только худшее.

Хотя что может оказаться хуже плена? Только смерть. Нет, я не прав даже перед собой. Лично я боюсь еще и пыток. Не хочу боли. Страшно, что не выдержу. Если умирать, то лучше сразу.

Словно собираясь исполнить это желание, Боксер встает. Взгляд только на его ботинки: не нужны ни глаза его через маску, ни новые вопросы. Если бы можно было заморозить время или сделать его вязким! Тогда охрана стала бы двигаться словно в замедленной съемке, исчезли бы резкость и неожиданность...

Получилось еще лучше: Боксер вообще уходит. Но почему? С чем вернется? На какое время оставляет одних? Вопросы рождаются из ничего. Сейчас от них, в другой обстановке совершенно безобидных, зависят наши жизни.

Ботинки поднимаются по лесенке вверх, к люку. Хлопает крышка, и мы остаемся втроем. Оглядываемся. Над головой – тусклая лампочка. Подвал огромный, под грузовик, и мы, мокрые и продрогшие после дождя, сидим на рулоне линолеума, словно воробьи. Говорить не хочется, не о чем – мы мало знаем друг друга, да и боязно – вдруг оставлен «жучок». И – полная обреченность.

Вновь поднимается крышка. Торопливо опускаем головы. Почему Боксер так быстро вернулся? Что скажет? Куда поведет? Останавливается рядом, и в голову вновь упирается ствол автомата. Тороплюсь напрячь, сцепить зубы, чтобы спасти во время новых ударов и их, и челюсть. Готов.

Поднимаю взгляд.

На этот раз картина более чем благостная: на стволе автомата, покачиваясь, висят три пары черных носков. В доброту и благородство после всего случившегося не верится, и решаюсь спросить:

– Нам?

Боксер молча сбрасывает с «жердочки» подарок. Осторожно, все еще опасаясь подвоха, начинаем снимать мокрую обувь. Труднее всего сидящему в центре Махмуду – он вынужден приноравливаться как ко мне, так и к движениям своего начальника, с которым связал наручниками с другой стороны. Наверное, так меняет свою обувь сороконожка, если, конечно, носит ее.

Новые носки высоки, наподобие гольф, и хотя ноги приходится засовывать снова в мокрые туфли, все равно становится теплее. Так что черные носки, хочешь не хочешь, оказались единственным светлым пятном начавшегося плена.

Но чудо на том не кончилось. На плечи падают одеяла. Да нет, какие одеяла – это опустила на нас свои крылья надежда: если нормально стали относиться, то, может, все обойдется и отпустят? А что? Я хотя и в погонах, но журналист, Борис Таукенов – управляющий нальчикским филиалом Мосстройбанка, Махмуд Биттуев – водитель инкассаторской машины. Мы не воевали, не стреляли...

Боксер словно читает мысли и выносит свой вердикт:

– Короче, ты – вор, – указывает на Бориса. Переводит автомат на меня: – Ты – пособник вора. А ты, – оружие в сторону Махмуда, – возишь воров.

– Мы деньги не вывозили, а привозили в Грозный. На зарплату вам же, чеченцам, – не соглашается Борис.

– Вы не тем чеченцам помогали и не той Чечне, – обрывает охранник. – А потому будете наказаны.

Нет, одеяла не дают гарантий на надежду. К тому же темно-синий шерстяной квадрат, доставшийся Борису, наискосок прострелен автоматной очередью. Он тоже замечает дыры, замирает. Знак судьбы? Сбросить его на землю? Ботинки Боксера рядом, тому не до сантиментов и психологических тонкостей, и банкир медленно набрасывает, словно судьбу, простреленное одеяло на свои плечи.

– Короче, сидеть на месте, – предупреждает Боксер и снова исчезает в люке.

Укутываясь в одеяла, пытаемся удобнее и поплотнее усесться. На часах около пяти утра, ночь – кстати, самая короткая в году – уже прошла, и нас постепенно одолевает то ли дремота, то ли переживания о случившемся. А еще сутки назад я был свободен и строил какие-то планы...

2

Что есть российский офицер в плену у чеченцев? Существует ли у него возможность выжить, бежать, а в какие моменты судьба висит на волоске? Нужно ему рассчитывать только на свои силы или за него станут бороться товарищи и государство? Что происходит с трех сторон плена: у родных и близких пленника, у него самого и у охраны? Каковы они, подземные тюрьмы конца двадцатого века?

Я прилетел в Грозный в середине июня 1996-го, когда война дышала еще полной грудью.

Ее легкие находились где-то в чеченских предгорьях, а вот сердце – сердце в Москве. И именно оно, заставляя войну дышать и жить, гнало по артериям оружие, продукты, боеприпасы и людей. Это в первую

очередь были рабоче-крестьянские ребятишки-солдаты, не сумевшие отмазаться от армии, и бравые до первого боя контрактники, которым за войну, исходя из рыночных законов, уже платили деньги. А возглавляли колонны ошалевшие офицеры от безденежья, бесквартирья, задерганные политическими заявлениями типа «выполний – не выполниай», «стреляй – не стреляй», «герой – подлец».

Назад, по венам, из Чечни выталкивались цинковые гробы, знакомые по Афгану как «груз 200». Не прерывалась ни на день цепочка живых, но искалеченных солдат, подорванной техники и окончательно во всем разуверившихся, увольняющихся из армии офицеров. Все это перерабатывалось, сортировалось в военкоматах, госпиталях, складах артвооружения, где вновь готовились живительные коктейли для поддержания войны.

Эти два потока текли навстречу друг другу совсем рядом, нигде, однако, не пересекаясь. Кто-то умный рассудил: а зачем преждевременно показывать здоровым и сильным будущим героям, какими они могут стать после первого же боя?

Что-то подобное я отметил еще по афганской войне: ташкентский аэропорт Тузель, откуда в Кабул перебрасывался ограниченный контингент, располагался всего в пятистах метрах от деревообрабатывающего завода, где работало так называемое «нестандартное подразделение» по изготовлению гробов для этого самого ОКСВ. Один из летчиков военно-транспортной авиации, развозивший по стране «груз 200», признался:

– Знаешь, когда я почувствовал, что в Афгане идет настоящая война? Думаешь, когда без передышки забрасывали туда людей? Совсем нет. Когда карта, на которой мы отмечали аэродромы посадок с погибшими, оказалась сплошь утыкана флажками...

Впрочем, все это больше политика, в которую мне никоим образом не хотелось влезать. Моя командировка в Чечню по-журналистски выглядела куда интереснее: можно ли собирать налоги во время войны? И с кого? Тема совершенно новая, и покопаться в ней первому – нормальная мечта любого нормального газетчика. К тому же на восстановление Чечни выделялись фантастические суммы, все твердили об их загадочных исчезновениях, но дальше московских сплетен дело не шло.

Сам Грозный даже спустя полтора года после его взятия представлял мрачную картину. Центр лежал в сплошных развалинах. Подобное могла сотворить только авиация, и вспомнились пресс-конференции о том, что современное вооружение способно наносить точечные, избирательные удары. Хоть в открытую форточку.

Точечные удары в этой войне – это когда на российских картах определили точку, российский город Грозный, и в нее, не боясь промахнуться, выкладывали боезапасы российские же бомбардировщики. По российским жителям. В большинстве своем по фронтовикам и русским, которым, в отличие от разбежавшихся по сельским родственникам

чеченцев, уходить было некуда. Пора признаться и в этом. И какие там открытые форточки...

Накануне войны министр обороны Грачев, правда, убеждал, что способен взять город за два часа одним парашютно-десантным полком (или двумя полками за один час, что все равно относится к полному бреду). Если уж готовилась спецоперация, то ее следовало проводить еще меньшими силами. В 1979 году в Афганистане, в чужой стране, одним «мусульманским» батальоном и двумя поварами-разведчиками сумели поменять неугодный Кремлю режим Амина, а здесь...

А здесь в новогоднюю ночь 1995 года в узкие улочки Грозного ввели танки.

Господи, в каких академиях обучались генералы, которые позволили технике войти в город без прикрытия пехоты? Торопились преподнести подарок министру, отмечавшему в Новый год свой день рождения? А тот, в свою очередь, мечтал о праздничном рапорте Президенту? Думали взять дудаевцев «тепленькими» после застольных возлияний? Но к тому времени чеченцы перешли на мусульманский календарь и подобные новогодние празднества уже не отмечали. Тем более спиртным, запрещенным по шариату.

А посчитал ли кто-нибудь количество гранатометов, оказавшихся в руках боевиков? Танков и артиллерии? Учли, в конце концов, отчаянный, самовлюбленный характер горцев, которым с самых высоких государственных трибун дудаевцы уже внушали, что у чечена должна быть самая красивая девушка, самая модная одежда, а если он угоняет в России автомобиль, то самый шикарный, и что любой кавказец изначально выше русака?..

Родился тогда и анекдот, обожаемый боевиками, а потому добавляющий нечто к пониманию их характера.

– Встречает чечен мужика и говорит: направо не ходи, там тебя ограбят через сто метров. Налево не ходи тоже, ограбят через двести метров. Вперед – тем более, потому что ограбят за первым поворотом. Давай я тебя ограблю здесь.

То, что Чечня и Дудаев зашли слишком далеко и нужно что-то предпринимать – в этом никто не сомневался: жить отдельно от России, но за ее счет – слишком откровенная наглость. Но танки, самолеты по той самой точке на карте... Аргумент оружия – не есть признак силы. Скорее наоборот. Им удовлетворяются политические амбиции, но никогда не развязываются узлы. Тем более в национальном вопросе, где все правы...

Федеральные войска взяли развалины города через несколько недель упорных боев, оставив с обеих сторон десятки тысяч убитых и раненых. И тут же завязли в бесконечных боях. Еще один анекдот, уже русский:

– Что высматриваешь, рядовой Петров?

– Да не пылит ли тот парашютно-десантный полк, товарищ капитан, который закончит эту войну за два часа.

– Э-э, займись-ка делом – набей патронами магазин для очередного боя. Пыли для ветра не насобираешь...

Зато не по артериям и венам, а по каналам, неведомым простым смертным, потекли полноводной рекой на отстройку только что самими же разрушенного деньги. Вроде не разучились со старых советских времен помогать тем, кому трудно.

Двадцать строительных организаций, получивших деньги и право на восстановление Чечни, в свою очередь создали по два-три десятка субподрядных организаций, поимев на этом свои проценты. Новые хозяева денег, не мудрствуя лукаво, родили еще несколько десятков бригад, и тоже не бескорыстно. В конечном итоге на «чеченские» деньги насело около тысячи строительных организаций, которые в Чечне на налоговый учет не стали и, соответственно, никаких налогов не платили – ни дорожных, ни пенсионных, ни каких-либо других. Деньги крутились где угодно, но только не в республике, которой предназначались.

Это раскопал не я, а налоговая полиция Чечни. И сумела доказать Москве, что подобным образом восстанавливать республику можно бесконечно долго. Президент России издал специальный указ, обязывающий всех строителей стать на учет в налоговые органы по месту работы. И...

И когда я знакомился с Грозным, на его развалинах увидел всего один экскаватор, который, как оранжевый пыльный жук, копошился на развалинах бывшего президентского дворца. Один на весь город!

Сама налоговая полиция размещалась в здании полуразрушенного детского садика. О его прежней принадлежности напоминали лишь песочницы, приспособленные под курилки и места чистки оружия, широченные окна, ныне забаррикадированные мешками с песком, да бывшая воспитательница Людмила Ивановна, перешедшая в уборщицы. Пожалуй, еще рисунок колобка на стене, насквозь прошитый в румяную щеку рваным осколком. Зато перед ним, не испугавшись взрыва, сидела целехонькая лиса и размышляла: кушать ей искалеченного уродца или полакомиться чем-нибудь более вкусным. Такая вот старинная сказочка в современном интерьере.

Кто знал, что в течение всего пребывания в Грозном я сам был подобен колобку, а за мной осторожно, чтобы не спугнуть, наблюдала другая лиса.

– На тебе, полковник, мы поставили метку, когда ты только позвонил в Грозный и сообщил о своем приезде, – признаются потом боевики. И с похвальбой, которая частенько развязывала им языки: – У нас ведь в каждом государственном органе сидят свои разведчики и осведомители. Или сочувствующие.

А я, наивный, трогательно прощался с теми, кто вышел меня проводить на попутке в Нальчик. Среди них наверняка оказался и тот, кто затем передал:

– Берите инкассаторскую «Ниву».

Взяли красиво. Обогнавший нас БМВ ошестинился пулеметами, а пристроившаяся сзади «шестерка» не напоминала ежа только потому, что основным стволом в ней оказался гранатомет. Жестами приказали остановиться. Борис, сам сидевший за рулем, по всем правилам дорожного движения замигал поворотом и съехал на обочину. На этом взаимные любезности закончились. Не успел он заглушить мотор, как его вырвали с сиденья. В кабину всунулись два длинноносых «красавчика» – так чеченцы нарекли пулеметы.

– Руки – за голову, голову – в колени.

Команды и движения отработаны до автоматизма – не у нас, конечно, а у боевиков. Водительское место уже занято, и кортеж, прервав движение на трассе, разворачивается и мчится в обратную сторону. Никто не вмешался в происходящее, не выбежал на помощь, не погнался вслед. Начинает доходить, что все происшедшее – по-настоящему, что это – плен и жизнь обесценилась до одной пули. До легкого нажатия на спусковой крючок.

Лоб, уткнувшийся в колени, покрывается потом, от пота липко горит спина. Неужели страх? Он – такой?

Пытаюсь лихорадочно вспомнить, что у меня есть такого, за что сразу поставят к стенке. Блокнот с записями сразу же «нечаянно» уронил, и его удалось затолкать ногами под сиденье. Найдут, конечно, но потом. А вот в задании на командировку – полный набор компромата. Особенно строчки о сборе материала о мужестве чеченских налоговых полицейских, защищавших Грозный от боевиков. Зачем его печатал и брал с собой? Ну страдал бы склерозом и забывал, зачем еду, тогда простительно. А так будет мне сейчас мужество.

Но главное – фотоаппарат. На последних кадрах – ребята из физзащиты, охраняющие здание с раненым колобком. Крупным планом. А перед этим – мои снимки в окружении воронежских омонцев. Снялись на память совершенно случайно, когда они подъехали проверить наши документы: милиционеры обвешаны оружием, победно вскинули вверх кулаки. Будут мне и кулаки...

Но кулак взметнулся и вбил в меня, как в тренировочную грушу, когда раскрыли удостоверение.

– По-олковник?! Мразь.

Машины давно загнаны в лесополосу. Документы изучает огромного роста парень с вырубленным словно из камня лицом. Наверняка из числа непримиримых. Еще ни он, ни я не знали и даже не предполагали, что именно он через несколько месяцев займется моим обменом, а на прощание скажет:

– Я тебя взял, полковник, я тебя и отдаю.

Но когда это еще будет... Пока же остальные боевики хоть и с долей стеснения, отворачиваясь, но берутся в сумках, сортируют и делят деньги, спорт-костюм, рубашки, туфли. Улучаю момент и незаметно, пальцами разрываю браслет часов: может, после этого не позарятся на

них? Часы очень дороги, подарок. И главное, чтобы не прочли название – «Генеральские», ибо за полковника уже получил. Как же в плену начинает выпирать любая мелочь! И как легко взяли!

В Афгане вообще-то во мне сидело больше боевой настороженности. По крайней мере, там на операции не выходил, не убрав из карманов все, что могло говорить о моей принадлежности к военной журналистике: почему-то был убежден, что из возможного плена пехотного лейтенанта обменяют быстрее журналиста. А вообще на случай возможного плена всегда подальше откладывались одна граната и патрон-«смертничек», чтобы случайно не израсходовать их в пылу боя: готовность на собственный подрыв или самострел отложилась в мозгу, как загар под афганским солнцем – не смоешь и не выветришь.

Рассчитывались варианты и при движении в колонне. Сидели, например, всегда на броне, но одной ногой – в люк. Знали: при стрельбе снайперов можно быстро юркнуть вниз, а ежели подрыв на mine или фугасе, то оторвет всего лишь одну ногу. Я жертвовал правой, друг – левой. Чтобы потом покупать одну пару обуви на двоих. Знали все и в комнате: в случае гибели или плена то, что лежит в тумбочке на верхней полке, уничтожается, а остальное отправляется домой.

Существовали еще сотни мелочей, которые, оказывается, бронези-летом оберегали нас от непредвиденностей и случайностей. Не потому ли за девять лет афганской войны мы потеряли солдат меньше, чем при одном штурме Грозного? Тогда, в Афгане, всех командиров за подобное прямым ходом отправили бы на скамью подсудимых. Слишком быстро забыли Афганистан. Его уроки. Я – тоже.

И сразу же поплатился. Хорошо, что дома сказал только сыну, куда еду. Значит, там хватятся не раньше, чем через неделю. Догадался предупредить и Нальчик, там после восемнадцати часов моего отсутствия начнут волноваться. Позвонят оперативному дежурному в Москву. Так что можно надеяться, что часов с десяти вечера начнутся поиски. И если сразу не расстреляли, значит, время работает на нас. Надо тянуть время...

Махмуда и Бориса отвели в сторону, разбираются пока со мной.

– Где оружие?

– Нету. Приехал без пистолета.

– Мужчина на войне должен быть с оружием. И стрелять из него, – усмехается Непримирымый. – А это чье?

Из кабины, с расчетом на эффект, извлекаются пистолет Макарова и винчестер. Подкинули?

– Мое, – подает голос Махмуд.

Непримирымый настолько не поверил, что даже не обернулся. В самом деле, как это так: полковник – и без оружия!

И тут доходит – да это же полное пренебрежение к боевикам! Они наводят страх на Россию, захватывают ее города, а здесь, под носом, без оружия и охраны раскатывают целые полковники.

– Смелый, что ли?

Смелость или трусость здесь ни при чем. Всего лишь афганский опыт, вот здесь как раз сработавший: пистолет на войне только мешает, а против «красавчиков» и гранатомета в засаде – новогодняя хлопушка страшнее. Хорошо, что еще охрана для моего сопровождения не вышла: завяжись бой, летели бы от всех нас одни ошметки.

Наконец вытаскивают из машины и меня. Руки сразу назад, и жесткий захват наручников. «Нежность» называются: чуть пошевелишься, из стальных колец мгновенно вылезают шипы. Уткнув головой в машину, обыскивают. Вытряхивают карманы. Рассматривают часы, которые подстреленной птицей машут оборванными крыльями. Пренебрежительно возвращают:

– «Генеральские»... – Мол, не мог «Сейко» для нас приобрести. – Устраивайся, – толкают на землю.

Замечаю такую мелочь, что локтем впился в чернозем. Придется отстирывать. Придется ли? Каким нужно стать идиотом, чтобы думать о подобном. Чтобы вообще ехать в эту командировку. Кому что доказал? Хотел впечатлений? Налоги и война... Бред! Война – это боль, грязь, страдания. Смерть. Бессилие слабого и безоружного. Упоение своей всеильностью человека с оружием. Игра своей и чужими жизнями. Плен.

Начинает накрапывать дождик. Подводят Бориса и Махмуда, их сковывают одними наручниками. Автоматчики стоят по кругу, один из них уже в моей рубашке. Непримирымый рассматривает мои книги, найденные в сумке. Вычитал в сведениях обо мне что-то неприятное для себя:

– Значит, воевал в Афганистане? Убивал мусульман? А ты знаешь, что они наши братья?

Сзади пинают ногой и прикладом, но сдерживаюсь, не оглядываюсь. Да и что это даст? Да, был в Афгане. На Курилах был, Памире, спускался в ракетные шахты, заходил к врачам в операционные, записывался в отряд космонавтов, прыгал с парашютом и форсировал в танках реки по дну. Неужели опять объяснять, что это доля любого журналиста, а тем более военного – быть всюду.

Военные и выручают: недалеко от лесополосы затарахтел вертолет. Может, уже нас ищут? Вдруг с трассы все-таки передали на блокпост о захвате инкассаторской машины и организованы ее поиски?

Появление «вертушки» неприятно и конвоирам. Они выставляют в ее сторону оружие и заметно оживляются, когда гул смолкает. В сумке отыскался, наконец, и фотоаппарат. Завтра проявится пленка, и мой чистосердечный в общем-то ответ про отсутствие оружия расценят как издевательство: на снимке меня обнимали, кажется, четверо пулеметчиков.

Глупо. Все глупо в этой командировке...

– Ну, а теперь колись, откуда ты, – нависает каменной глыбой Непримирымый.

– Из Москвы. Налоговая полиция России.

– Сказки рассказывай на ночь детям. Из ФСБ или ГРУ?

– Из полиции.

– Ты рискуешь вывести меня из терпения. Я ясно спросил.

– Мои документы у вас.

– «Крыша». Все это, – он потряс удостоверением, журналистским билетом, книгами, – прикрытие. Ты фээсбэшник и выполнял какие-то сложные задания, потому что в сорок лет просто так полковниками не становятся.

Такой «аргумент» крыть нечем, остается пожать плечами и молчать. Хорошо, что не два года назад поймали, в тридцать восемь я уже был полковником.

В стороне подъезжают и отъезжают машины, около нас появляются и исчезают все новые люди. А лично мне становится все равно. Первый испуг прошел, и хотя безысходность осталась, определяю для себя главное – собраться, не паниковать. Что будет, то и приму. Как шутят в армии: «полковник ты или где?».

– Ты что такой спокойный? – видимо, я слишком явно посылаю судьбу по течению, и это замечается другими. Недовольны: – Ну-ну, посмотрим на тебя через пару часов.

Прячась от дождя, Непримирымый залезает в кабину и смотрит на нас, лежащих на земле, оттуда. Бориса и Махмуда дергают меньше: все же мусульмане, соседи-балкарцы. Их могли бы вообще-то и отпустить, это предписывает тот же закон гор. Одному оставаться, конечно, тяжело, но зато они бы хоть что-то сообщили обо мне на волю.

Постепенно темнеет, и вспоминаю сегодняшнюю дату – 21 июня. Самый длинный день в году. Самый несчастный. Наверное, самый несчастный...

Подъезжает еще одна машина. Боевики расстилают газету, выкладывают продукты – колбаса, хлеб, бананы, помидоры, сок. Приглашают к столу сначала нас, а когда мы, скромничая, отнекиваемся, настоятельно рекомендуют:

– На вашем месте мы бы кушали. Вами заинтересовались в горах, а там кормить не будут. Вообще-то, по правде, жалко вас.

Называется, пожелали приятного аппетита. Хорошо, что хоть честно и откровенно. Впрочем, им-то кого и чего стыдиться? Хозяин прав даже тем, что пьян...

Вот только бы наши поторопились с поисками. Сегодня пятница, считаем, что день прошел. В субботу Управление собственной безопасности налоговой полиции, конечно, на службе. До обеда всегда на рабочем месте директор. Значит, завтра уже что-то может быть принято. Если давать два-три дня на раскачку и переговоры, то через неделю можно ждать каких-то результатов. Если, конечно, в горах не расстреляют. Выдержать неделю. Как долго!

Из оперативного сообщения № 112:

«26.06.96 г. начальник дежурной части УФСНП по Чеченской республике по телефону сообщил, что находящийся в командировке по Се-

верному Кавказу полковник налоговой полиции Иванов Н. Ф. 21.06.96 г. выехал из г. Грозный вместе с управляющим филиала Мосстройбанка по г. Нальчик Таукиевым Б. А. на бронированной автомашине «Нива» гос. №... в Нальчик. На 12:00 сегодняшнего дня вышеуказанные лица к месту назначения не прибыли.

Отделом собственной безопасности налоговой полиции Чечни проводятся розыскные мероприятия.

Ответственный дежурный дежурной части Федеральной службы налоговой полиции России).

На сообщении тут же появится распоряжение директора ФСНП генерал-лейтенанта налоговой полиции Сергея Николаевича Алмазова для начальника Управления собственной безопасности:

«Прошу принять срочные меры к розыску, а также разобраться с причиной задержки информации».

Второе выяснить оказалось не сложно: по ряду причин все это время с Чеченской Республикой отсутствовала даже космическая связь. С первым оказалось посложнее...

3

Сколько возвышенных слов посвятили люди самой короткой ночи в году! И бархатная она, и самая звездная, и тем не менее закат в ней с зорями целуется, и быстрокрылая, и светлая...

Пленная она!

Лежу прикованный цепью к батарее в какой-то комнатухе с затопленным, провонявшим все туалетом. Цепь короткая, и единственное, что удается, – это садиться на придвинутую к стене кровать. Борис и Махмуд тоже устроились на кровати. У них она одна на двоих, как на двоих и одни наручники. Бориса время от времени выводят на кухню покурить, и водитель тогда блаженно разминается, освободившись от сиамского наручников близнеца.

В комнате постоянно два-три охранника, которые расположились в противоположном углу, постелив на пол одеяло. Не забывали подчеркнуть свое благородство:

– Мы у вас даже подушки не забрали.

Эту черту кавказцев знаю давно: сделать на копейку, а вообразить и расшуметься на рубль. Хотя прекрасно понимаю, что и копейки мог не поиметь. А вместо возлежания на кровати мог бы висеть на этой же цепи, но на дыбе. Так что в плену надо радоваться медякам и в самом деле считать их за рубли. И без иронии.

А вообще-то мы здесь не должны были находиться. Из лесополосы с первыми признаками темноты нас перевезли в горы, но сильный артобстрел, видимо, помешал добраться до цели, и мы вернулись. Начинаем привыкать к повязкам на глазах: куда возят и привозят – ничего не видим. Зато водят, ухватив под локоть, умело, практика чувствуется

отменная. Да и цепь на батарее стесала уже всю краску – знать, не я первый лежу на этих простынях. Повторяю как заклинание – не паниковать. События вокруг станут происходить вне зависимости от моих желаний, и надо быть готовым принимать их.

– Ты что это все время спокоен? – тем не менее бесит Непримиримого мое состояние. Если я хоть чуть-чуть знаю кавказцев, то паникеров и трусов они вообще презирают. Но и не любят особо горделивых. Видимо, напоказ выставлять свои внутренние решения не следует, надо чуть подыгрывать, чтобы не оказалось себе дороже.

Непримиримый только что приехал, разбудив всех. Выложил на стол неизменный набор: колбаса, огурцы, хлеб, «пепси». Словно судьбу, переламывает пополам палку колбасы. Среди огурцов выбирает самый крупный и смачно, словно нашей судьбой, хрустит им. . .

Нет, у Бога, как известно, по мелочам не просят, так и сравнения с судьбой лучше не трогать.

– Или думаешь, что все обойдется?

– Продадим в рабство чабанам в горы, запоет по-другому, – устало, словно ему надоело меня уговаривать выбирать судьбу, отзывается из своего угла рыжий охранник. Больше похож, кстати, на украинца, чем на чеченца.

– Года на три, – соглашается Непримиримый. Трех откусов ему хватило, чтобы уничтожить и огурец. Нас, пленников, тоже трое. Из Грозного мы выехали в три часа дня. Трижды обвила батарею цепь. Отвлекаться, не паниковать. . .

– А он, наверное, думает, что убежит. – Рыжий принялся за свое любимое занятие, прерванное появлением старшего: щелкает вверх-вниз флажком предохранителя от наставленного на нас автомата. Сказал таким тоном, что становится ясно: от них в самом деле еще никто не уходил.

– Сухожилия перережем, пусть попробует, – вроде напарнику, а на самом деле мне сообщает возможное развитие событий Непримиримый.

Все это – вместо «доброе утро» и «приятного аппетита». Плен. А мысли считывает, как с компьютера. Психолог.

– И еще кое-что отрежем. Лишнее. – Непримиримый поднимает палку колбасы, отсекает ножом кругляк. – Как насчет принятия мусульманства, полковник? Знаешь, что отрезают?

Тешатся. Им можно. Им можно все. Но до чего дойдут реально? Что сейчас делается в налоговой полиции? Дома?

Из рассказа начальника Центра общественных связей генерал-майора налоговой полиции Н. Медведева:

После первого сообщения об исчезновении решили осторожно позвонить домой, жене: вдруг у нее есть какие-то дополнительные сведения. Спрашиваем аккуратно: Николай на связь не выходил? И для оправдания: мы ему здесь хотим еще одно небольшое заданье подбросить. А жена уже насторожена: мол, всегда из любой командировки давал о

себе знать, а на этот раз почему-то молчит. И тут мы прокололись сами, как бы равнодушно пожав плечами:

- Ничего страшного, просто из Чечни очень трудно дозвониться.
- Из какой Чечни? Он же улетел в Ставрополь!

То, что ты пропал, становилось ясно. Собрались всем Центром: что делать в первую очередь? Наметили так.

Во-первых, каждый день звонить жене. Врать, будто с крыши одного из домов виден тюремный двор и меня видят каждый день во время прогулки. Зарос, похудел, но бодр и здоров.

Затем поднять волну публикаций и сообщений в центральных газетах, на радио и телевидении с акцентом на то, что захвачен в первую очередь писатель Иванов, а воинское звание – это вторично.

Обратиться в Совет Безопасности, Государственную Думу с просьбой оказать содействие в освобождении. Подготовить встречу руководства налоговой полиции России с представителями чеченской диаспоры в Москве. Подключить к вопросам освобождения Иванова и Таукенова Ассоциацию российских банков и «Круглый стол бизнеса России». Подготовить обращение писателей России к руководителям Чеченской Республики.

4 и 5 июля практически во всех центральных СМИ информация о захвате прошла.

Из домашних рассказов:

После разговора с Медведевым жена позвонила родителям на Брянщину, где отдыхали дети. Сын, ничего не объясняя, засобирался домой: он единственный знал, куда я поехал и что мне могло грозить.

В поезде в купе попутчиком оказался милицейский майор. Он разговорился с дочерью, та похвасталась моей книгой.

– Так это твоего папу в Чечне захватили в заложники? – удивился майор.

– В какие заложники? – вытаращила глаза десятилетняя Надежда.

– Да мало ли Ивановых в России, – попытался смазать все сын, а сам уставился на попутчика: откуда вы знаете?

– Только что по радио передали, – виновато развел руками милиционер, отведя его в сторону. – А я думал, вы знаете.

В селе одной из последних о пленении узнала мама. Оберегали ее долго, не включали радио и даже не давали одной выйти на улицу, дабы ненароком кто-нибудь не сообщил новость.

Первой не выдержала ее подруга, журналистка местной газеты Валентина Григорьевна Капкова:

– Я больше не могу. Получается, что она, ничего не зная, смеется, а ее сын в это время... Не по-божески так, надо сказать.

Село наше партизанское, но Великая Отечественная война подзабылась. Афганское лихо прошло стороной, хотя как раз я и служил там от звонка до звонка в воздушно-десантных войсках. А Чечня вообще казалась еще дальше.

Казалась...

Но только дней через двадцать, когда закончился отпуск у старшего брата, он решился. Собрал всех в большой комнате.

– Что это ты, сынок? – почувствовав недоброе, заволновалась мать.

– Мама, я уезжаю, отец один не справится с известием. Надо, чтобы знала и ты: наш Коля в плену в Чечне...

... Тяжелее всего родителям оказалось ездить на стадо доить корову. Женщины собирались около пастухов и ждали – в надежде услышать новости.

Новостей не было. Только падали в подойник вместе с теплым сладким молоком горькие мамины слезы.

А потом спрашивать перестали. Увидят опущенную голову отца – и торопятся пройти мимо, словно стыдясь своей беспомощности. Зато чистосердечные деревенские старушки засели за карты, гадания, распознание снов. Никогда за меня не молилось сразу столько народа! И не проклинали так людей, как моих тюремщиков. Пусть им когда-либо аукнется это проклятие русских женщин – в своей жизни каждый должен получать причитающееся. У мужчин всегда считается подлостью воевать с теми, кто не причастен к твоей личной беде. И высокими словами о святом мщении собственную жадность и наживу на торговле людьми не прикроешь...

В эти же дни игралась свадьба моего крестника. Он приехал с невестой в родительский дом, наполнил красным вином до краев рюмку:

– Пусть стоит. Крестный вернется и выпьет.

Не выпил. Слишком долго меня не было, а лето стояло жаркое. Вино постепенно высыхало, в конце концов оставив на дне черно-красный сгусток. Родным казалось – запекшейся крови. Только однажды мелькнула надежда, когда отцу приснился сон, будто ловит он молодого аистенка и вносит на руках в дом.

Мама рассказывала этот сон всем встречным, и те радостно вытирали слезы:

– Это сын. Значит, вернется. Вернется! К сентябрю вернется, когда аисты полетят.

Птицы улетели, а сон все не сбывался... А вернувшийся в Москву сын засел за учебники. Матери сказал прямо:

– Если папа не вернется, одни мы учебу в коммерческой академии не вытянем. Надо перепоступать в государственный вуз.

Месяца хватило, чтобы подготовиться и сдать на «отлично» вступительные экзамены на юрфак. Больше о моем пленении в семье ни разу не говорилось, на это слово наложили табу. Только жена, когда оставалась одна, каталась по полу и выла...

Так люди узнают о горе. Один из тысячи примеров, потому что только по официальным данным к концу чеченской войны в плену у боевиков оставалось еще около тысячи четырехсот солдат и офицеров, рабочих и служащих. И в каждом доме – своя боль, бессонные ночи...

Утро не принесло, да и не могло принести никаких известий. Ясным оставалось лишь то, что квартира – перевалочный пункт и боевики вновь ждут ночи для повторной попытки пробиться в горы. Что ждет там? Кто ждет?

Времени думать – целый день. Левая рука, за которую схвачен наручниками, занемела, а так ничего, жить можно. Пока. Вот только бесконечные разговоры охранников! Боевики меняются через каждые четыре часа, и каждый новый конвоир считает своим долгом выступить в роли проповедника и просветителя.

Во-первых, вознесение Дудаева.

– Наш Джорик – голова. Как он ответил Грачеву, когда тот сказал, будто ваши солдаты идут в бой умирать с улыбкой на устах? «Дадим России сто тысяч улыбочек». Джорик молодец.

– Ты, что ль, говорят, журналист? А интервью у Джорика взять не хочешь? Думаете, он мертв? Он еще улыбнется России через свои усики.

– Если выбирать – мертвый Дудаев или вечная война с Россией, мы выбираем вечную войну. Лишь бы Джохар остался вечно с нами.

Второй конек, словно вместе с нами охраной передавались и темы разговоров, – это презрение к России, которая якобы посылает в Чечню воевать не только и не столько солдат, сколько уголовников.

– А ты что, не знал? Маленький? В тюрьмах отбирают тех, кому грозит смертная казнь, и предлагают: или воевать в Чечню, или под приговор. Едут сюда. И здесь зверствуют.

– Да зверствуют – это только начало. Их потом, в конце службы командиры посылают в такую мясорубку, из которой никто не выходит живым. Чтобы не отпускать на волю. А потом экскаватором вырывают яму и зарывают трупы.

Справка из Генерального штаба Вооруженных Сил России:

«Лица, находящиеся под следствием, а тем более осужденные, не подпадают под приказ Министра обороны РФ о наборе военнослужащих на службу в Вооруженные Силы на контрактной основе. Подобных фактов не было и быть не могло»

Из справки Генеральной прокуратуры РФ.

«Фактов, устанавливающих, что в Чечню направлялись люди, ожидающие смертного приговора или просто приговора суда, Генеральной прокуратурой РФ не выявлено»

Не менее расхожая версия – о защитниках Брестской крепости.

– Вы хоть знаете, кто ее защищал? Почти стопроцентно чеченцы и ингуши. Да только мы и способны были на подобное. А вы, русские, уже потом, после выселения чеченцев, приписали всю славу себе, сделали всех защитников крепости русскими.

Из беседы с Валентиной Ивановной, сотрудником Центрального музея Вооруженных Сил:

– Брестскую крепость защищали воины двадцати восьми национальностей. Ни в одной книге, ни в одном проспекте ни разу во время экскурсий мы не разделяли их по процентам. Единственное, что могу отметить: подавляющее большинство, конечно, это русские. Были среди защитников крепости и кавказцы, но, повторяю, мы не делим их на проценты. Крепость защищал советский солдат.

Спорить – себе дороже. Тем более все разговоры возвращаются в день сегодняшний.

– Я, что ли, хотел воевать? Что у меня, дел не было больше? Да я так катался по России, где только не был... Но прилетели ваши самолеты, разбомбили дом, убили мать – я что, должен после всего улыбаться вам? Вот ты, полковник, если бы кто-то разбил твой дом и убил родных? Ты бы взял в руки оружие?

Не лукавлю – взял бы. Мне легко в этом признаваться, потому что к войне в Чечне лично я относился с самого начала резко отрицательно. Не друг, не брат и не сват я чеченцам, но в этом вопросе – больше сторонник, чем противник.

Но признаваться в этом, сидя на цепи, не хочется, чтобы не выглядело лизоблюдством: мол, запел соловьем, когда попался.

Не пою, больше молчу. Борис и Махмуд более эмоциональны, особенно когда разговор заходит о сталинских выселениях. Балкарцы тоже испили эту чашу, а Борис и родился в Казахстане. Я со своими случайными попутчиками практически незнаком, но их поведение вызывает уважение. Присутствие охраны пока не позволяет нам общаться, но одно то, что мы все в наручниках, сближает. Похоже, и ближайшее будущее у нас станет одинаковым, хотя моих родных сталинские чистки не коснулись и я выгляжу на создавшемся фоне белой вороной.

Жутко неприятны и рассказы о «фильтрах», фильтрационных лагерях, в которых содержат арестованных чеченцев. Зверства, которым они там подвергаются, не поддаются описанию. По словам охраны, даже попав на «фильтры» на один час, выходишь калекой – отбивают почки, травят собаками, или закапывают в землю по шею, или заливают водой.

Этими разговорами жила вся Чечня, и именно это, по словам конвоиров, рождает их ответные действия. Каких-либо подтверждений или опровержений по «фильтрам» мне не удалось найти ни у самих чеченцев, ни после в Москве. Поэтому упоминаю об этих рассказах скорее для того, чтобы яснее становились мотивы отношений между чеченцами и русскими, где порой властвуют недоверие, обиды, слухи. Тем более одних не проклиная и вторых не превозношу в этой дурацкой войне: пишу, что видел, чувствовал и испытал. Любой другой пусть пишет свою повесть...

Чем ближе вечер, тем больше обоюдное напряжение. И наконец команда:

– Завязать глаза!

Махмуду на повязку досталась моя майка из сумки, Борису – рубашка. Я закрываю себе глаза агитационным платком Международного

Красного Креста, на котором в виде рисунков предписывается поведение солдат на войне: не стрелять в сторону машин, оказывать помощь раненым, даже если это противник, оберегать мирное население и – словно по иронии судьбы, для нас – гуманно относиться к пленным. Показать платок своим тюремщикам?

Хоть и черный, но юмор. Сам подумал, сам и загрустил.

Вновь долгий путь в машине через рытвины, подъемы, спуски, царапающие крышу ветки – мы все дальше и дальше от места захвата. А значит, когда нас примутся искать, бесполезным станет прочесывание района пленения. Мы будем далеко. Да и будем ли? Кто заинтересовался нами в горах? Для чего?

Водитель включает магнитола. Запись сделана прекрасно, песни, конечно, о гордом чеченском народе, поднявшемся против трехсотлетнего российского ига. О неминуемой победе над двуглавым орлом. О Москве, столице русских алкашей. О Буденновске, где Шамиль Басаев поставил Россию на колени.

Охрана знает все слова, подпевает. Я же впервые слышу песни о чеченской войне. Иногда в переходах московского метро видел, как облаченные в камуфляж десантники и «краповые береты» собирали деньги для семей погибших товарищей под старые, переделанные с «афганских», песни. Россия про чеченскую войну песен не сложила и не запела. Еще не запела или уже не запоет? Тогда кому все же она была нужна? Если кто-то не задал себе хоть раз этот вопрос, тот просто ленив умом, черств сердцем и труслив душой...

– Приехали.

Останавливаемся и долго ждем на каком-то взгорке. Дверцы машины распахнуты, ветер продувает ее и нас насквозь, унося с собой в горы и ночь песенные проклятия генералу Ермолову, покорившему-таки Кавказ в свое время.

Из этой ночи, с этих гор, из незаконченной, как оказалось, истории и появляются за нами призраки той, далекой кавказской войны. Вполне реально, по одному выдергивают нас на землю. Холодные пальцы ощупывают лицо, но это затем, чтобы проверить повязки и заткнуть уши ватными тампонами.

Звуки, особенно дальние, гаснут. К моим наручникам привязывают веревку, дергают за нее, заставляя идти. Так ведут верблюдов по пустыне. И в каком-то из фильмов подобным образом гнали людей в рабство в давние времена. Какое сегодня число? Какой год? Век? В каком фильме я снимаюсь?

А идем быстро – полем, лесом, буераками. Оступаемся, ловим лицами ветки и стволы деревьев, выворачиваем ноги на колдобинах, падаем. Кажется, я привязан к Махмуду – именно на его шлепанцы наступаю раз за разом. Очень скоро становимся мокрыми по пояс от росы и вчерашних луж, а спину и лицо покрывает пот. Нет, нас не ведут – нас гонят. И не в киношное рабство. И никто никогда нас уже не найдет.

Мы даже не иголки в стоге сена. Мы – песчинки, которые все глубже и глубже засасывает воронка...

И вот наконец подвал с тусклой лампочкой, брошенные на плечи простреленные одеяла и короткое забытие...

5

Даже поменьше, чем короткое.

– Повязки.

Их уже далеко не прячем, носим на шее. В очередной машине перед глазами вспыхивает огонек зажигалки, но ума и выдержки хватило не отреагировать на него. На уловку попадает Борис. Скрипит от резкого разворота кожаная куртка охранника, и банкир стонет от неожиданного удара.

– Понял, за что? – интересуются у него.

– Да.

Значит, повел головой за светлячком. А мы ничего не должны ни видеть, ни слышать. Сам пишу детективные романы и прекрасно знаю: человека подчас убирают только за то, что он оказывается невольным свидетелем. Если хотим самим себе помочь выбраться, нужно исключить подобные перспективы. Только бы выбраться. Выбраться!

Что свершится в этом случае, какие горы переверну и сколько океанов переплыву, про то не загадывается. Наверное, просто мало надежд, но ведь как хочется...

Пока же после долгой езды по лесным дорогам помогают выбраться из машины.

– Траншея, – предупредили уже после того, как проваливаюсь вниз.

Локтями нащупываю стены, но новый толчок в спину заставляет идти по извилистому ходу.

– Ступени.

В нос проникает запах подzemелья и сырости. Не торопят, дают время и возможность самому нащупать ступени и спуститься вниз. Оттуда хватают за полу пиджака, отводят в сторону и сдергивают повязку.

Полумрак землянки. Стою в узком проходе между стеной и нарами. Таким же образом подводят Бориса и Махмуда. Из темноты на нас с любопытством смотрят боевики. Неужели оставят жить среди них, здесь?

– Давайте вниз.

Еще вниз?

Подталкивают в самый угол землянки, где под нарами открывается яма-провал. Ребята, идущие следом, невольно сталкивают меня вниз и сами сыплются следом. Глубина – по плечи. Значит, жить придется не на нарах, а здесь, стоя? Успеваю заметить под нарами собаку, которая смотрит на нас печальными, полными грусти глазами: благодарите Бога, что еще живы, а вот что ждет вас потом?

– На колени! Дальше.

Насчет нашего православного Бога не знаю, а про Аллаха Махмуд говорил: если он дает, то двумя руками. Яма – это только начало?

Да, из нее в сторону прорыта узкая нора. Ползти можно только на четвереньках, и уже в сплошную темноту и стылость. Вот теперь – все. Все! Какие, к черту, одеяла-крылья-надежды. Ангелы, которые могли бы прикрыть нас своим крылом, в подземельях не летают.

Сзади жгут спички, но это чтобы рассмотреть дверь-решетку посреди крысиной норы. За ней – очередная яма. Свет от новой спички боязливо подрагивает на земляных стенах, освещает на миг подземный склеп. Ширина – поместиться троим, длина – по росту, высота – стоять на коленях. В углу – два матраца. Тороплюсь усесться на один при угасающем, покидающем нас свете. Замечаю лишь, что изо рта идет пар. Значит, общая глубина – метров пять-шесть.

По одному спрыгивают мои несчастные попутчики. В темноте притягиваю их к себе на сиденье, и мы замираем, не в силах перебороть впечатления от увиденного и доставшегося нам. Вот теперь – плен. Клетка захлопнулась полностью.

Из шока всех троих выводит чесотка. Борис торопливо зажигает спичку, и мы подхватываемся: матрац кишит червями и жуками-короедами. Они уже залезли нам под брючины, и мы, торопясь и брезгуя, давим их на теле, вытряхивая остатки на земляной пол.

Сверху появляется свет – нам просовывают керосиновую лампу без стекла. Фитиль коптит, но все становится ерундой по сравнению с тем, что темнота отступила за пределы могилы. Вспоминаем добрым словом Боксера за подарок: в носки-гольфы заправляем брючины. Застегиваем верхние пуговицы рубашек. Как еще спастись от ползущего и шевелящегося? Однажды в Афганистане в одном полуразрушенном доме нас подобным образом заедали клопы. Но тогда у каждого имелись бинты, и мы перехватывали ими запястья рук, шею, ноги, оберегая тело от плоских коричневых «броненосцев».

Смотрю, что осталось у меня сейчас. Галстук, заколка, часы, авторучка и старое, не найденное в боковом кармане удостоверение главного редактора журнала «Советский воин». Единственная зацепка, по которой могут определить труп, если что...

– Все. Давайте устраиваться, – беру на себя роль старшего.

К двум предыдущим установкам – не паниковать и не раздражать охрану – мысленно добавляю третью – не заболеть. Если даже подземных тварей окажется больше самого матраца, я стану сидеть и спать на них. Лишь бы было теплее.

Второй матрац оказался почти новый, но на троих слишком мал. Свернув валиком убежище короедов, подтягиваю его под голову. В углу находим влажные, истрепанные, грязные, но – одеяла. Каждому по штуке! Не-ет, будем выживать. Будем. До последней секунды.

Нас не забывают. Кто-то спрыгивает в яму, кричит через решетку:
– Холодно?

Напарники молчат, хотя я надеялся, что они, как мусульмане и соседи, будут активнее и ближе к нашим тюремщикам. Тороплюсь ответить сам:

– Да. Очень.

На самом деле еще не холодно, из всех земных человеческих чувств – только угнетение склепом. Но сидеть-то здесь наверняка не один час...

– Что, полковник, изнежился в своей Москве?

Плевать, какое мнение родится обо мне. Буду просить все, что можно. И победил!

– Держите.

В яму летит солдатское «хэбэ». Махмуд покрупнее нас с Борисом, ему отыскиваем самый большой размер. А я замираю, когда на глаза попадает белое клеймо с датой выпуска: 1973 год. Год, когда я принимал присягу на верность Родине – Советскому Союзу. «Если же я нарушу... то пусть меня покарает суровая кара советского народа»...

Карает? Меня – карает? Но за что? В октябре 1993-го, после танкового обстрела Белого Дома, нас, главных редакторов изданий, вызвали в Генеральный штаб. Друзья из Управления информации успели шепнуть: станут давить на то, чтобы мы напечатали материалы в поддержку министра обороны Павла Грачева и его приказа о стрельбе из танков.

Грачева я знал, когда тот еще генерал-майором командовал дивизией в Афганистане. Я же, специальный корреспондент «Советского воина» и всего лишь майор, летал в Кабул к его десантникам для подготовки материалов. Время пролетело, Паша (он и в Афгане звался Пашей, до отчества или фамилии так и не дослужился, даже будучи министром обороны) стал министром, я – главным редактором журнала. Наши пути еще раз пересеклись, когда он приказал поменять название «Советскому воину». Насколько можно тянули волынку, потом убеждали, что есть пример «Советской России», «Комсомольской правды», «Советского спорта», наконец. А слово «советский» – это от Верховного Совета, который осуществляет нашу законодательную власть, и никаких политических пристрастий и подоплек в названии журнала нет.

– Вот если он в российской армии найдет хотя бы одного советского солдата, тогда разрешу оставить это название. Или если журнал начнет финансировать Верховный Совет, а не Министерство обороны, – передали мне его слова.

После этого в редакцию стали возвращать проекты приказов, представлений на воинские звания сотрудникам, закончились деньги на выпуск. Пришлось объявить конкурс среди журналистов на новое название. Из девяти предложенных больше всех баллов получило «Честь имею». И литературно, и по-военному. Таня Саськова, редактор по отделу литературы, правда, сказала:

– Имя – это судьба. Вам его нести, Николай Федорович. Ох, и ответственно будет.

А из белого здания на Арбатской площади передают недовольство министра:

– Они что там, в журнале, имеют честь, а я, выходит, нет?

Мне ли, подполковнику, было судить министра. Тем более, до стрельбы по парламенту дело еще не дошло. Я, как офицер, просто оставлял за собой право иметь собственное мнение.

Из приказа по редакции журнала «Советский воин» № 05 от 13 января 1993 года г. Москва:

«30 декабря 1992 года в Министерстве печати и информации Российской Федерации нашим учредителем – Министерством обороны РФ состоялась перерегистрация журнала «Советский воин» под новым названием «Честь имею».

Лично я, как главный редактор, был против любого нового наименования, и особенно в наше заполитизированное время. Однако сложившаяся ситуация продиктовала иное решение. И сегодня я, как ваш руководитель и начальник, подчеркиваю, что смена названия – это не политический акт, а вынужденное подчинение ряду обстоятельств. Это тем более не означает смену ориентиров и позиции журнала, направленных на воспитание любви к Отечеству, защиту его интересов, на дружбу между народами, уважение традиций, пропаганду доблести и славы, заботу о ветеранах и вооруженных защитниках Родины. Отдаем дань уважения и преклоняем свои головы перед славной историей журнала и всеми поколениями военных журналистов, работавшими под знаменем «Советского воина».

Вместе с тем не снимаю с себя ответственности за утрату привычного для многих поколений советских людей названия журнала, и все, что может быть оценено как негативное, я беру на себя, освобождая каждого подчиненного от моральной ответственности в свершившемся. Верю, что и с новым названием журнал станет таким же интересным и необходимым людям...

...Приказ размножить для каждого сотрудника редакции, кому предначертано было историей последними носить гордое и высокое звание сотрудника «Советского воина».

Вот такая маленькая, мало кому известная страничка из новейшей истории. Пусть останется как свидетельство времени.

И вот – новый пик отношений министра и журнала: поддержать публикациями расстрел парламента и, таким образом, самого Грачева. Нам, с таким названием! Можно было, конечно, наобещать хренову тучу, как говорит нынешняя молодежь, и в то же время ничего не делать, но... но надо же когда-то уважать и себя. Свои погоны. Убеждения. Говорила Татьяна Саськова: «Имя – это судьба. Вам его нести...»

Вместо того чтобы идти на совещание в Генштаб, собрал редакцию и зачитал свой рапорт: «Прошу освободить меня от должности главного редактора журнала».

Сняли. Мгновенно. И не только с должности, но и уволили из армии. «За низкие моральные качества».

Не знаю, за что и с какой формулировкой снят ныне с должности сам Грачев, но иного ему судьба не оставляла – только падение вниз. Правда, он по-прежнему в шикарной квартире на Рублевке, а я – в пятиметровой яме в Чечне. И вот о превратностях судьбы мне напомнило клеймо на солдатской форме да часы «Генеральские», подаренные редакцией журнала на прощание с дорогой для меня гравировкой: «Честь имею».

Из приказа по редакции журнала «Честь имею» № 210 от 15 ноября 1993 года г. Москва:

«С 25 июня 1992 года по сегодняшний день имел счастье возглавлять коллектив редакции журнала «Советский воин» – «Честь имею».

Неизбежные для любого главного редактора трудности и сложности многократно перекрывались гордостью за принадлежность к лучшему журналу в Вооруженных Силах. Высшим своим долгом считал проводить в журнале линию патриотизма, любви к Отечеству, внимания к людям в погонах. Во главу угла ставил честь и достоинство человека...

По стечению обстоятельств вынужден прервать свое руководство журналом. Как офицер и человек, считаю свой поступок единственно верным. Допускаю некоторую его уязвимость как руководителя, но за все доброе, если что сделал для редакции, прошу простить и понять.

Прощаясь, благодарю всех без исключения за совместную службу. Желаю творческого беспокойства и счастья в ваших домах. Честь имею!»

Прощаясь, благодарил всех...

– Тихо, – просит неожиданно Борис, хотя мы, погруженные в свои воспоминания, облачаемся в форму, молча.

Ничего. Только жужжит муха. Монотонно и нудно.

– Трупная, – вдруг почему-то определяет Борис. – Они здесь хранят трупы.

Даже если бы они лежали здесь до сих пор – что мы могли изменить? Пожимаем плечами: мол, их ведь и в самом деле нужно где-то хранить, а здесь холодно и темно...

Это уже из букваря плена, который пишется нами на ходу: реагировать лишь на то, что можем изменить. Об этом – крупным шрифтом и на первой странице. И ни к чему страшные сказки перед сном. Мало ли кому что привидится или представится. Лучше лечь спать. И побыстрее уснуть. Мы ведь практически двое суток не смыкали глаз.

С головой, словно в кокон или саван, закатываемся в одеяла – и теплее, и меньше щелей для гадости и нечисти. С безнадежным омерзением опускаем головы на шевелящийся от жуков валик-матрац: скребутся отчетливо и явно. Точно как в детстве, когда прикладывали к уху наполненный майскими жуками спичечный коробок. А лучше всего лечь на спину, тогда меньше звуков.

Однако через несколько минут раз и навсегда запрещаю себе ложиться на спину и живот: стылость не просто входит в тело, а сама

высасывает тепло изнутри. Не болеть. Ни в коем случае не болеть, медсестричек не приведут. Нужно искать такую позу, когда меньше всего соприкасаешься с землей. Кручусь, тревожа ребят. Но нахожу: плечо, бедро, колено. Туфли не снимать. Под голову не ладонь, как в детской присказке, что мягче всего на свете, а предплечье. Для этого приходится забрасывать вверх всю руку, она быстро немеет, но зато почти не касаешься земли туловищем. И ближе, теснее к ребятам...

6

Просыпаемся от глухих ударов: рядом в землю методично вбивают бетонные сваи. Но подобного не может быть, здесь не стройка! Значит, остается артобстрел. Как легко, всего лишь методом исключения, на войне можно вычислить звуки!

– Стреляют? – скорее надеясь на обратное, уточняет вслух Махмуд.

Лампа во время сна погасла, но в глазах почему-то постоянно вспыхивают блики. Они слепят подобно электросварке, и, прячась от «зайчиков», в темноте же закрываю глаза.

– Я покурю, – просит разрешения Борис.

Удивительный человек. По-моему, он бесит боевиков даже больше, чем я своим полковничьим званием. Полтора года возил в Чечню деньги на зарплату бюджетникам, ни разу не потеряв ни одной копейки. И это в то время, когда сами чеченцы вывозили крутить свои капиталы в московские банки. Когда пропадали под завязку грузенные новенькими банкнотами «КамАЗы» – причем бесследно и безнаказанно. Борис или альтруист, или чего-то не понимает в жизни «новых русских». Боевики и не верят, что он не нагреб себе несколько сотен миллионов, и каждый из охранников считал своим долгом пожалеть:

– Как это мы тебя раньше не взяли?! Отстегивал бы нам с каждой поездки по сотне миллионов, сейчас не сидел бы здесь.

– Но как я мог отстегивать, если деньги шли на зарплату вам же, чеченцам!

– Не тем чеченцам. Настоящие нохчи воюют. И деньги нужны в первую очередь нам: война – занятие дорогое.

– Но деньги приятно зарабатывать, а не получать просто так.

– Ты что, идиот? Сидеть у денег и не брать их?

– На всю жизнь не наберешь. А до уровня больших сумм нужно и вырасти. С деньгами нужно уметь работать, пускать их в новый оборот. Это целая наука – распорядиться крупными суммами.

– Слушай, замолчи. Был бы умный, сидел бы в ресторане с девушками, а не с канистрой под землей. Ты еще нас будешь учить, что делать с деньгами.

На данный момент нас учит собственная артиллерия. Вот здесь уж наука совсем не сложная: если снаряд угодит в блиндаж и засыплет лаз, нам с такой глубины не выбраться вовек. А «сваи» вколачиваются, не

переставая, совсем рядом. Трехсменка у них там, что ли, как на строительстве храма Христа Спасителя? Значит, артиллеристы попались хорошие, черт бы их побрал за меткую стрельбу. Накрыли, взяли в «вилку».

На решетке гремит цепь. Как спрыгивали в яму, мы не слышали, и это настораживает: так могут и подслушивать. Поневоле станешь держать язык за зубами.

– Зажгите лампу. И поставьте вниз.

Смысл подобных указаний мы поймем позже, когда они станут повторяться из раза в раз: охрана должна нас видеть и держать под наблюдением, чтобы исключить неожиданное нападение из темноты. А свет обязан слепить нас, а не их.

– Выходи.

Выходи – это когда идешь во весь рост. А ежели ползешь на четвереньках? Откуда во мне этот черный юмор?

Выпрямиться можно лишь в яме. Она уже пуста, Боксер сидит на корточках вверху, у нар. У его ног – все та же собака, подрагивающая при близких разрывах.

– Слышите? Стреляют! Так что у вас, короче, самое безопасное место в лагере. Ни один снаряд не достанет.

Ах, какое благородство. Последнюю рубаху сняли. Лично я готов стать таким же заботливым, лишь бы выползти из склепа. Даже под бомбежку...

– Но если федералы сейчас пойдут в атаку, мы, короче, вынуждены будем вас расстрелять. Могу гарантировать только одно: если будет время, закопаем в землю, чтобы шакалы не растащили кости по лесу. Ну, и родным сообщим, чтобы не считали без вести пропавшими и зря не искали.

– Спасибо.

Кажется, я поблагодарил Боксера искренне. И тот не менее искренне ответил:

– Пожалуйста. А теперь – обратно. Жратвы пока нет, костры не можем развести – вертолеты заколебали. Сигареты есть?

– Нет.

Протягивает Борису, единственному из нас курящему, начатую пачку «ЛМ». Пока тот курит, молчим: слишком большое расточительство в плену – делать несколько дел сразу. Покурит, потом поговорим, потом зажжем лампу, потом перетрусим одеяла, потом перезастегнем все пуговицы – глядишь, минут двадцать пройдет. Нет, сначала каждый попробует угадать время, потом это время сверим, высчитаем, кто на сколько ошибся, – еще минуты две-три долой. А сколько их впереди, этих минут, часов, суток?

Нет. Лучше думать по-иному. Надо представлять не будущие минуты, а радоваться прошедшему времени. Чем больше сидим, тем меньше осталось. Красота. Свобода все ближе и ближе. Можно сказать, совсем рядом.

Рядом слышны пулеметные очереди. Атака? Подхватываемся, хотя прекрасно осознаем свое бессилие.

– Полковник, на выход, – кричат сверху.

Вот и все. А я было размахнулся на целых двадцать минут – одеяла перетрусить, пуговицы пересчитать. И кому бы сказать, что ерунда это, будто можно смотреть смерти в глаза или слышать за спиной ее дыхание. Смерть бестелесна, она входит в сознание, и к ней привыкаешь, как к печальной неизбежности. Единственное, чему удивляюсь, – своему спокойствию. Могу даже представить, как станут проходить по мне поминки, кто и даже на каком месте будет сидеть за столом...

Хлопаю по плечам ребят. Они молчат, их очередь – следующая. Ползу к свету. Это хорошо, что расстреляют на свету. В самом деле, ничего страшного. Поставят к дереву, отойдут на несколько шагов и вскинут автомат. Только держаться, не упасть на колени и не молить о пощаде. Хотя жалко, безумно жалко, что все так быстро закончилось в жизни. Надюшка станет говорить в школе: «У меня папа погиб в Чечне...» Сашке придется бросить коммерческий институт, без меня одни сумму не потянут. А у жены нет черного платка. Принесут, наверное, соседи...

А вот мой платок всегда при мне. В яме надеваю его на глаза. За руки вытягивают в землянку, выводят в траншею. Первое, что отмечаю, – запах летнего леса. Никакой сырости. Перед расстрелом, если не свяжут руки, сниму повязку. Какое оно, сегодняшнее небо? Примет ли оно мою душу? Господи, прости, что не верил в тебя...

Останавливают на одном из траншейных изгибов. Приказывают сесть на дно и снять повязку. Про небо уже забыто, взгляд упирается в обрубленные корневища деревьев, помешавшие окопам пройти в этом месте и потому безжалостно пересеченные лопатами.

– По сторонам не смотреть, – голос Боксера сверху.

Я не то что по сторонам, а и на него не смотрю. Мне все равно. Хотя, что кривить душой? Просто знаю, а потому обманываю самого себя: если охранник без маски, значит, расстрел. Если нет... Лучше побыть в неведении, не обрубить сразу надежду. Она как мяч – то вверх, то вниз. К худшему уже готов, а если надежда мелькнет опять, но всего на секунду, и мяч на твоих глазах начнет падать вниз – страшнее. Нервы все-таки не железные, хотя в руках держать себя можно. Перерубленные лопатой корневища в данном случае важнее неба...

– Короче, то, что ты из ФСБ, у меня никакого сомнения, – начинает сверху старую песню охранник. Дались им комитетчики, наверное, достали. – Ну, а чтобы ты все же разговорился, я сейчас покажу такое, от чего, может быть, и крыша поедет. Отрубленные головы давно видел?

Поднимаю глаза. Боксер в маске! Мяч, не коснувшись земли, снова устремляется вверх.

– Так хочешь посмотреть, что мы делаем с пойманными контрразведчиками?

– Если честно – нет.

– А я думаю, что надо.

Зря подпрыгивал этот дурацкий мяч, тем более, я не просил об этом. В воображении возникает камера пыток, но не современная, с людьми в белых халатах и шприцами, электрическим стулом и тому подобным. Сознание рисует средневековье – цепи, костер, раскаленное железо. Залитый кровью топчан, где рубят головы...

Не хочу ничего видеть, подобное, даже если останусь вдруг жив, не уйдет из памяти. И если в самом деле свихнусь... Нет и нет, лучше пусть стреляют сразу. Нужно побежать, и тогда откроют огонь вслед. Авось не промахнутся.

Пока даже не дают подняться с корточек. Ноги затекли, прислоняюсь к стене траншеи. Боксер сбрасывает на колени кусок картона из-под сигаретной упаковки.

– Ладно, пока пиши. Автобиографию. Адреса родственников. Короче, если при проверке окажется, что соврал хоть в одном слове, пеняй на себя. И как сам думаешь, тебя станут искать?

– Станут.

– Да кому ты нужен? Если Россия своих погибших солдат зарывает в ямы экскаватором, то тебя одного и не вспомнят.

Догадываюсь: проверяет, стоит ли возиться со мной. Если в самом деле начнут искать, то можно сорвать куш. А значит, придержат хотя бы до первого торга. Если же никому не нужен, то тем паче не нужен им. Уж чего-чего, а одной пули не пожалеют. Или взмахом меча, если так нравится отрубать головы.

– Все-таки меня будут искать! – это и убеждение, и теперь уже игра в поддавки. Подсказка.

– Машина есть?

– Нет.

– Дача?

– Тоже нет.

– Что это вы, как только попадаетесь к нам в плен, сразу становитесь бедными? – не верит Боксер.

– А богатые сюда не ездят.

– Короче, пиши.

Биографию мою можно уточнить у любого военного журналиста в Москве, за это не боюсь. Если, в самом деле начнут проверку, миф о моей контрразведывательной миссии наконец-то отпадет. А вот с адресами братьев и сестры – заминка. У меня с цифрами всегда напряженка, я и после суворовского училища пошел на факультет журналистики Львовского политехнического училища скорее не по призванию, а потому, что это было единственное военное училище в Советском Союзе, где напроць, даже на первом курсе, отсутствовали точные науки.

С чистой совестью пишу любые цифры. Хотя что им родственники! В паспорте записан мой домашний московский адрес, и этого вполне достаточно, чтобы диктовать свои условия. И чтобы я их принял.

В артобстреле – перерыв. Какой-нибудь Мальчиш-Плохиш из федералов не успел подвезти снаряды, и неожиданно ловлю себя на мысли, что именно он, проклятый буржуинский выкормыш, становится для меня героем. Не подвезут боеприпасы – есть шанс остаться в живых. Оказывается, пленники смотрят на мир с обратной стороны...

Боксер забирает исписанный листок, кивает на повязку. Знать бы, что следующий раз на поверхности земли я ее сниму только через два с половиной месяца, уже осенью, тогда не забыл бы посмотреть, какое оно, сегодняшнее небо.

– Живой, – радостно встречают ребята, когда вползаю обратно в нору. – А мы уж думали...

О чем думали, расшифровывать не надо. К тому же звучит новая команда:

– Борис, на выход.

Его держат чуть дольше, чем меня. И только когда отыскался наконец пропавший с боеприпасами Мальчиш-Плохиш и артиллерия заработала легко и размашисто, Борис медленно вползает на свое место в братскую могилу. Ждет, когда закроют решетку, и сообщает единственную новость:

– За меня затребовали два миллиарда рублей. Заставили писать письмо родным.

Впервые закуриваем без разрешения. Огонек сигареты ярок, ему не дают покрыться задумчивым пеплом, раскуривают вновь и вновь.

– А хоть четыре, – банкир нервно усмехается. – Таких денег не то что у родственников – во всей Кабардино-Балкарии нет...

Скорее всего, это же он говорил и наверху, потому что продолжил спор:

– Говорят, пусть родные продают квартиры. Лучше я здесь останусь навек.

Это – новая и уже окончательная обреченность. После проверки назначат цену и за меня. Вряд ли она окажется ниже. Или будут держать до конца войны, на случай, вдруг кто-то из отряда попадет в плен и тогда можно будет обменяться. А самое страшное, если продадут родственникам какого-нибудь уголовника или насильника, получившего лет пятнадцать тюрьмы. Тот начнет, спекулируя мной, торговаться с Генеральной прокуратурой, которая, конечно, на подобное освобождение не пойдет.

Каждую новость человек переносит сначала на себя, примеряет, как новую одежду: ладно ли будет? Но все равно чувствуется, что Борис что-то недоговаривает. Ждем, когда огонек окурка воткнется в стену. Недорассказанная новость тяготит и банкира, да он и слишком честен, чтобы умалчивать что-либо:

– Предложили, чтобы я расстрелял тебя, Николай. – И торопливо, словно я мог усомниться в его порядочности, добавил: – Я отказался.

После услышанного говорить совершенно не о чем. Вроде надо поблагодарить Бориса, что тот не сделал шаг к своему личному спасению, но вместо слов протягиваю руку и сжимаю в темноте ему локоть. И что, пора перекреститься? Кстати, а как крестятся: справа налево или наоборот? Дожили. Хотя, если мы православные, значит, все должно идти с правой стороны.

Стыдно, но пальцы сами тянутся ко лбу. Хорошо, что темнота и ребята не видят моего движения. Первый крест в моей жизни. Неужели для этого надо стать на грань жизни и смерти? Да и даст ли это что-нибудь? Утром войска в любом случае пойдут в атаку, и здесь уже ни крест, ни самый надежный «волчок» не поможет.

Глубокой ночью принесли тарелку с дымящейся паром кукурузной кашей. Поковырялись в ней только потому, чтобы охрана не швырнула еду обратно: требуете, мол. Лучше – спать. Попытаться спать и приблизить развязку – поговорка про ожидание права на сто процентов.

Снова – в одеяловый кокон, и снова – в свои мысли. А они об одном. Артиллерия усиливает огонь, значит, атака утром, с первыми лучами солнца. Если не засыплет собственным снарядам, то до утра протянем. Только зачем? Не все ли равно, где помирать: под землей или под кроной деревьев? Наверное, у деревьев, на свету, лучше. Хватит ли мужества сорвать повязку с глаз? Или пусть остается? Станут ли разговаривать перед этим? И кто здесь главный? Неужели Боксер? А что, если попросить отсрочку расстрела месяца на два-три?

Мысль настолько оригинальна, что раздвигаю плечами саван. А что? Пусть назначат сами место и время, куда мне прийти потом для исполнения приговора. Я бы приготовил все дома, раздал долги, хотя никому ни копейки не должен, – и пришел бы. Неужели им не все равно, когда меня пришлепнуть? Может, предупредил бы лишь сына, чтобы он через час-другой после выстрела вызвал «скорую» увезти меня в морг. Вот и все. Даже было бы благородно с их стороны, могли бы потом где угодно хвалиться этим.

А отсрочка – это было бы здорово. Я бы за три месяца успел сделать все, что намечал на всю жизнь. Или почти все. По крайней мере, главное. Наверняка с приближением дня расстрела мне становилось бы безумно тяжело, меня бы не несли туда ноги, но... но я бы пришел все равно. Здесь, под землей, клянусь в этом. А если бы дали еще самому выбрать место гибели, назвал бы парк около кинотеатра «Солнцево». Часов на одиннадцать вечера. Мой сосед по лестничной площадке – командир салютного полка, когда получил квартиру в нашем районе, предложил руководству сделать дополнительную салютную площадку именно там. Получится, что выстрел киллера прозвучит салютом моей жизни. Красиво, черт возьми, если бы это было придумано мной для очередного детективного романа, а не для себя лично...

Только когда слеза попадает в ухо, понимаю, что плачу. Сознание смирилось с предстоящей смертью, а сердце подспудно, исподволь бередит душу, сопротивляется.

Но новости от Бориса оказались еще не все. Он вдруг тихо произносит:

– Нас ищут.

Резко приподнимаюсь. Не сомневался в подобном ни минуты, но услышать это на пятиметровой глубине, в могильной темноте, когда внутренне соглашаешься на смерть... Не насторожила даже та интонация, с которой Борис сообщает о радостном событии.

– Кто? – первым успевает спросить Махмуд.

– Сказали, что приезжали старейшины и муллы из Нальчика.

Я напрягаюсь. Если ищут только Бориса и Махмуда, значит, мне скоро оставаться одному. Одному в этом могильном склепе и темноте. Теперь страх один – не пропустить момент, когда начну сходить с ума! Бежать, при первой же возможности бежать. Но так, чтобы убили. Потому что, если убегу, злобу выместят на семье. Как хорошо было кавказским пленникам Толстого – отвечай только за себя. Почему я здесь, в Чечне? Почему не уподобился другим, выбивающим себе командировки за границу? Все...

– И что? – торопит, не понимая моего состояния, Махмуд.

– Им сказали, что, если за нами спустится сам Аллах, но спустится без денег, они расстреляют и Аллаха, не то, что мулл и старейшин. Приказали больше не появляться.

Сжимаю голову руками. Одиночество не наступит, отсрочки от расстрела не произойдет тем более. Нас убьют троих, вместе. Мельчайшая, сидевшая где-то в подсознании надежда на благородство чеченцев показывает свою изначальную суть и оказывается блефом: им нужны деньги, одни деньги и ничего кроме денег. И война, которая идет наверху, – тоже, по большому счету, из-за денег. Из-за возможности – или невозможности – ими обладать и распоряжаться. И моя судьба, и жизнь заканчиваются не сейчас под землей. Все произошло тогда, в октябре 1993-го, когда написал приказ о своем уходе с должности главного редактора журнала. Я верил в благородство политики, а она первой предавала как раз тех, кто надеялся в ее искренность. Депутаты из расстрелянного парламента тогда пошли на новые выборы и практически все заняли новые места в Государственной Думе, а я, изгнанный из армии, спарывал погоны и все равно пил водку за свою, ту армию, в которой пятнадцатилетним суворовцем был старшиной роты. Как славно можно было бы сидеть с двумя «Волгами» и генштабовскими телефонами. В центре Москвы, а не здесь.

Но слишком красивым было название у моего журнала – «Честь имею». Слишком ко многому обязывающим...

Болят глаза. Сколько времени человек может находиться в темноте? Если станем терять зрение, надо сейчас учиться быть слепым. Заранее. Они, когда ходят, некрасиво отбрасывают голову назад. Надо помнить об этом и хотя бы не повторять их!

Идиот! О чем думаю!

И вдруг одергиваю самого себя: а ведь все-таки о жизни! И если прислушаться к себе повнимательнее, то больше все же болит в груди. Там, где душа и сердце...

Ребята тоже ворочаются, дышат тихо и сдержанно. Значит, тоже не спят. Уснешь тут...

7

А ведь уснули. Когда часами лежишь без движения в полной темноте – заснешь и перед расстрелом.

Но забытье вышло недолгим. Загремела цепь, и, будто мы только и ждали команды, прозвучало:

– Повязки на голову. Наверх. Живее.

Ташат по траншее, выдергивают наверх, заталкивают в машину. Кажется, так складывается, что в плену наезжусь больше, чем за всю предыдущую жизнь. Ощупываю сидящего рядом. Это вообще-то роли не играет, Бориса или Махмуда втиснут вслед за мной, просто хочется ощутить, что ты не один.

Сам получаю прикладом автомата по руке: соседом оказывается охранник. А где ребята? Нас разъединили?

Перед лицом – опять шпионские штучки – огонек зажигалки. Каменею, не дергаюсь. Зато вокруг раздаются разрывы снарядов и стрельба. На часы посмотреть не успел, но где-то около трех ночи. Атака возможна часа через два, когда рассветет. Значит, выходим из окружения?

– Короче, будем прорываться из окружения, – подтверждает догадку Боксер. Голос чуть с хрипотцой, запоминающийся. – Пригнитесь, иначе свои прихлопнут.

На душе радостно. Ясное дело, не оттого, что могут убить и закончатся наконец неизвестность и мучения, а что ребята тоже рядом. По гулу мотора и сиденью марку машины определить трудно, я не знаю, где их разместили, но ведь говорят всем троим! А если нас хотят уберечь даже от случайной пули, то расстрел откладывается. Вот только куда везут на этот раз? Наверняка нас ждет очередная яма. Но неужели есть глубже и страшнее сегодняшней?

Из окружения не прорываемся, а выкрадываемся по-кошачьи тихо и осторожно. Когда впереди падают, преграждая дорогу, срубленные снарядами деревья, их объезжаем без надрыва мотора и ругани охранников. Безразличнее всего, по-моему, нам – когда долго ничего не видишь, действительность становится безразличной. Точнее, осознаешь свое полное бессилие и отдаешься судьбе.

А дорога постепенно выравнивается, скорость – больше, и охрана по-чеченски начинает напевать свои воинственные мелодии. Значит, повезло. Вырвались. Пусть покажемся кому-то там, в мирной и светлой Москве, предателями, но лично для нас хорошо, что федеральные войска на данный момент не могут контролировать всю чеченскую террито-

рию. А то получается: по воюющей республике разезжают по ночам машины; всем ясно, что это не доярки возвращаются с вечерней дойки и не косари с пастбища, – и хотя бы один снаряд вдогонку. Стыдиться за армейское бессилие или радоваться за самих себя? Ведь машины разезжают и без нас, пленников...

Благостной нотой, перебившей все размышления и песни, донесся до слуха собачий брех. Мы едем в село? Села бомбят тоже, но не станут же боевики менять шило на мыло, а огонь на полымя. Наверняка здесь спокойно и безопасно.

Догадкой, пока еще боязливой и неуверенной, хочется поделиться с ребятами, но в бок уперт ствол автомата. А про село подтверждает и шепот Боксера с переднего сиденья:

– Короче, ни звука.

Подвозят, естественно, к очередной яме. Мы на них обречены, потому что подземные тюрьмы легче всего охранять. Руками нащупываем лаз и по металлической лесенке спускаемся вниз. Сырости не чувствуем, а когда дотрагиваемся до стен, впервые радостно улыбаемся – они бетонные. А потом – потом словно Деда Мороза прихватили, как и нас, на чеченской дороге и заставили высыпать нам из мешка все подарки. Вниз полетели одеяла, матрацы, подушки, пучок редиски, пачка сигарет и спички, бутылка с водой, доски для подстилки и канистра.

Люк над головой с помощью лома задвигают бетонными плитами. С легоньким волнением шуршит лист железа, накрываемый для конспирации. Но все ерунда по сравнению с предыдущим склепом. Мы – в царских покаях!

Но как же глупо заранее давать название тому, что еще не проявилось! Именно в этом чистеньком, царском каземате-колодце мы чуть не остались на всю жизнь.

Но сначала ювелирно, доска к доске, постелили вагонку. Несколько штук хватило положить и под голову. Правда, из-за малых габаритов подвала «девочку» пришлось ставить в один угол с едой, но зато стояли во весь рост. Керосиновая лампа, как всегда, нещадно коптила, но ради ужина зажгли ее на несколько минут. Редиску почистил заколкой от галстука, ею же затем зачистили от гари и фитиль. А в пакете – в пакете оказались куски мяса. Чего бы так не сидеть в плену?

Пробудились от квохтания курицы-несушки, бродившей со своим выводком около ямы. Затем проехал трактор, значит, рядом дорога. Чуть в стороне играли ребятишки – скорее всего, мы на окраине села. Но в любом случае наверху – мирная жизнь. И не надо сюда никакой авиации и даже артиллерии!

Жизнь после «волчка» показалась настолько прекрасной, что принялись по очереди делать зарядку. На удивление, слишком быстро появилась одышка, но списали ее на предыдущие бессонные ночи и переживания. И с мясом вышла промашечка: оставили на завтрак, а оно затухло в пакете. Есть не решились, помнили про ночной туалет. Так

что погоревали искренне, тем более что оставшиеся три редиски голод не утолили. Сделали по глотку воды. Подметил за ребятами – сначала предлагают хоть питье, хоть «девочку», хоть еду другим, себя оставляя на последнюю очередь. Борис пересчитал сигареты, но одну – святое дело после обеда – выделил себе сразу. Однако закурить не удалось: несмотря на духоту, спички отсырели и никак не хотели зажигаться.

– Давайте сюда, – отбирает коробок Махмуд. Начальника, как и меня, он зовет то на «вы», то на «ты». Но на это не обращаем внимания, со временем само станет на свои места. То есть, если сидеть долго, обеспечено «ты», забрезжит свобода – начальник есть начальник.

Словно индеец из племени мумбу-юмбу, водитель втыкает по одной спичке в свои черные кудри. Сушить. Я под шумок краду одну сигаретину и спичку, прячу: когда курево закончится, преподнесу неожиданный подарок. В Афгане за такие штучки курцы молились на меня как на Бога.

Теперь остается лежать и слушать вхоханье курицы. От «девочки» и протухающего мяса несет душком, но деваться некуда, и Борис потопрапливает Махмуда – перебить ароматы сигаретным дымом. Водитель извлекает одну из спичек, Борис для гарантии трет ее серой о штанину и, совершенно уверенный в успехе, чиркает о коробок.

Однако огонь не взялся, ему не хватило усилий обнять тонкую талию деревца, и он сгорел внутри самого себя. Вторую трем и лелеем дольше, но эффект тот же.

И только тут доходит и насчет одышки, и стойких, невыветриваемых запахов, и якобы отсыревших спичек. Нас губит то, чему мы несказанно обрадовались в самом начале, – бетонные стены. Именно они не дают земле дышать, а сдвинутые над головой плиты замуровали не только нас, но и воздух.

– Может, постучим, – предлагает Махмуд. Взял доску, ударил ею по плите.

Шаги послышались сразу, словно охранник ждал сигнала. Тихо и грубо предупредил, даже не поинтересовавшись причиной вызова:

– Еще раз стукнете, вообще никогда не открою.

Зашуршала слюда – нас накрывали еще и пленкой. Затем – тишина. Даже цыплята исчезли, не говоря уже о тракторах и ребятишках. Полдень. Июнь. Жара. Борис попытался покрутить повязкой, заставляя двигаться воздух, но тут же, обессиленный, лег. Мне почему-то показалось, что умрем, задохнемся именно во сне, и предложил:

– Давайте меньше двигаться. Но только не спать.

Не спать – это значит думать. Когда-то в шутку мечтал-жаловался, веря в несбыточность:

– Эх, оказаться бы на какое-то время в одиночной камере! Чтобы остановиться, оглядеться, подумать о жизни.

Сбылось.

Теперь лежи. Думай, философ. И впредь зарекись вызывать на себя даже в шутку то, что серьезно на самом деле. От тюрьмы и от сумы, как говорится...

Но сейчас и думать лень. Мысли беспорядочно скачут, однако не отходят дальше основного и главного: выдержим ли? На часы смотреть страшно, на стрелки навесили пудовые гири, переплели их цепями, убрали смазку, – двигаются с таким усилием и столь медленно, что в минуту вмещается до полусотни наших рыбьих выдыханий. Чем чаще дышим, тем медленнее и тягостнее уже не минуты, а секунды. И все-таки не мы – время пожирает наш воздух. И как страшно мерить его глотками. Как неравнозначно это...

– Сколько времени? – не выдерживая, интересуется Махмуд.

– Угадай, – тяну, растягиваю секунду, пытаюсь сложить из нее хотя бы минуту.

– Три часа.

– Три часа – это ночью. А днем – пятнадцать, – учу армейским премудростям. Зачем? Чтобы не остаться в тишине и наедине со своими мыслями? Или из последних, но сил карабкаемся к жизни?

– Не выдержим, – вслух произносит водитель о том, что знает каждый.

Поговорить бы и дальше – просто так, цепляясь ни за что, но сил нет даже на это.

Сознание начали терять к вечеру. Проваливание в небытие – вообще-то состояние пьянительное и сладостное, если ему не сопротивляться, пытаюсь коротким и частым дыханием раздвинуть грудь и дать ей воздух. Брать его неоткуда, колодцы становятся пустыми не только без воды.

– Борис, не спи, – слабо просил своего начальника Махмуд, сам тут же уходя во мрак и тишину.

Из последних сил приподнявшись, ползу в угол, где стоит бутылка с остатками воды. Выплеснул ее на стену – может, «задышит»? – уткнулся в секундную прохладу лбом. Хорошо... Легко и сладостно...

Когда очнулся, вода на стене испарилась. В надежде отыскать сырое местечко, разобрал доски там, где утром мыли руки. Сухо. Бетон. Укладывать вагонку обратно не оставалось ни сил, ни желания. Снова уткнулся головой в развороченный угол и затих. Чему-то сопротивляться становилось бессмысленным. Вспоминать кого-то отдельно сил уже не было, и мысленно сказал сразу всем:

– Прощайте.

Но живуч человек. Издалека, сквозь ватную пустую тяжесть, но услышал, как скрежещет лом по бетону, отодвигая плиты. И тут же в яму провалилась прохлада. Но не раздавила, а принялась врачевать по-медсестрински приятными холодными ладонями лицо, шею, грудь. Свет фонарика заставил открыть глаза, нас некоторое время, молча рассматривали, но повеление осталось прежним:

– Повязки.

Подняли на глаза хомуты с шеи. Подползли к лестнице, беззвучно опущенной в нашу могилу. Выползти самим сил не хватило, и нас вы-

тащили за руки. Вот тут уж ночной воздух надавил, сжал грудь, словно медсестру сменил грубый, недоучившийся костолом-массажист. По телу пошли судороги, ноги подкосились, и я опустился на землю. Рядом была дрожь вытянувшегося во весь рост Махмуда.

– Вы чего это? – с некоторой долей тревоги спросил Боксер.

Ответить смог лишь Борис:

– Задыхались. Не хватало воздуха.

– А что ж вы так неэкономно дышали? Наверное, слишком часто.

В туалет пойдете?

Еще бы на танцы пригласил. Или по девочкам. А нам бы полежать, надышаться. Перестать дергать грудь короткими толчками в надежде найти там хоть каплю кислорода.

– Если можно, мы полежим, – отмечает и танцы, и девочек даже холостяк Махмуд.

– Полежите, – совсем миролюбиво соглашается Боксер.

Может, и в самом деле испуган? Приказали стеречь, а тут три полутрупа.

Щедрость расплескалась минут на сорок. Могло быть и дольше, но Борис попросил закурить, и вывод напросился сам собой – ожили. Когда снова оказались внизу, попросили оставить хоть небольшую щель для воздуха.

– Столько хватит? – поинтересовался Боксер, оставив меж плит небольшой треугольничек неба.

Неровная, словно нарисованная средь звезд детской рукой фигурка показала нам ширью от горизонта до горизонта.

– Короче, не вздумайте помирать, – предупредил Боксер таким тоном, что можно было испугаться самой смерти: мол, после нее придумаю такое, что опять жить захотите. – Жратвы утром дадим.

А нам воздух – и жратва, и свобода, и счастье. Лежали, смотрели в треугольное, вместившее пять звездочек, небо и радовались судьбе, сохранившей нам жизнь. А утром в эту же щель просунули еще и кусок лепешки, бутылку бульона, чай.

– Мясо еще осталось? – голос незнакомый.

Словно виноватые в том, что оно протухло, задохнулось вместе с нами, солгали: да, конечно, спасибо. Даже я со своей решимостью ничего не стеснялся поддакнул. Лишь бы оставили щель и на день.

Оставили. Но снова накрыли пленкой.

– Это чтобы цыплята не провалились, – попытались мы с Махмудом оправдать охрану, прекрасно видевшую наше вчерашнее состояние. В иное просто не хотелось верить.

– Какие цыплята! – не соглашается принимать игру Борис. – Идет психологическая обработка. И с «волчком», и сейчас с удушением.

– А смысл? Чего нас обрабатывать? С нас требуют какую-то военную тайну? На пять минут бы опоздали, и вся психология пошла бы коту под хвост.

Вяло спорим, больше глядим на белое пятнышко целлофана. Не сильны в физике, но академиев заканчивать не надо, чтобы понять: скоро солнце нагреет воздух, и мы вновь обрекаемся, хоть и на более медленную, но, тем не менее – смерть. Второго раза нам не выдержать.

Выдержали. Снова сначала перестали гореть спички, потом появилась одышка. Вновь поползли по дну ямы, вынюхивая, в каком углу сохранилось побольше воздуха. Затем легли и стали ждать: или смерти, или Боксера.

Появился он.

– Живо наверх.

Про повязки не напоминает. Днем, еще в нормальном состоянии, на эту тему придумали загадку для «Поля чудес»: средство передвижения по Чечне, семь букв - «Повязка».

Она и сейчас скрывает все вокруг, а нас толкают в машину, неслышно когда подъехавшую. И снова дорога в неизвестность, и снова кто-то подергивает с переднего сиденья предохранителем автомата: вы под прицелом, сидите смирно.

Сидим. Дышим. Откусываем от ночного воздушного пирога полный рот и, не прожевывая, тут же запиваем его воздушным прохладным настоем. Кусаем и запиваем. Насытиться, нажиться до очередного skle-па. А может, отвезут в комнату, где мы провели первую ночь? Пусть хоть на две цепи посадят, но лишь бы имелись свет и воздух.

Привезли.

– Ступени.

Будет счастье, если они поведут вверх. Но нога проваливается вниз, откуда несет знакомым до боли запахом прелости.

– Пригнись.

Дверца узкая и низкая. Ступени земляные, вырыты изгибом. Внизу наступаю на что-то мягкое. Замираю. Что ждет здесь?

– Можешь снять повязку.

Милый бедный Красный Крест. Предполагал ли он, штампуя агитационные платки, что они станут служить людям именно для таких целей?

В подвале чадит лампа, но в первую очередь радуюсь земляным, в глубоких трещинах-разводах, словно морщинистый лоб столетней старухи, стенам. Пол устлан одеялами, что говорит о подготовке норы заранее. Сверху слепо спускается Борис, и на правах обжившегося хозяина принимаю его. Затем водителя. С новосельем!

С верхней ступеньки смотрит сквозь маску Боксер.

– Короче, располагайтесь. Авось здесь не помрете. И не шуметь. Сейчас принесем чай.

Исчезает. Дверь на самом деле маленькая, до нее шесть ступенек. Слышно, как ее запирают. Кажется, наручниками.

– В любом случае это лучше всего предыдущего, – отмечаем все вместе плюсы новой тюрьмы.

Пока готовят чай, обносим по углам лампы, знакомясь с хозяйством. На земляном полу – полуистлевшие матрацы, прикрытые одеялами. Подушки. В углу стыдливо и обреченно притулилась новая «девочка». Если в колодце нам предложили худенькую блондинку, то сейчас – полная брюнетка. А вот размеры ямы поменьше. Замеряю расстояния расческой: двенадцать штук – ширина, двадцать шесть – длина. Только улечься и не шевелиться. Зато высота – на вытянутую руку.

На дворе ночь, а я начинаю делать зарядку. Одновременно прислушиваюсь к себе, нет ли одышки. Вообще-то и огонек лампы колыхнется, значит, воздух есть. А важнее ничего и нет.

– Завтра неделя, как мы в плену, – вдруг подсчитывает Махмуд.

Замираем. Неделя – это сто лет или одно мгновение? В первую ночь думали, что семи дней хватит для наших оперативников на мои розыски. И какой длинной она тогда казалась! Наверное, как раз на то количество раз, которое мы умирали и рождались заново.

Нет, неделя – это все-таки сто лет, которые просто пролетели мгновенно.

8

Зато очередные триста лет, то есть двадцать один день, превратились в единую нескончаемо душную ночь. Да, воздух был. Да, утром и в двенадцать ночи приносили еду: сосиску, помидор – что можно схватить на рынке, хлеб, чай. Частенько, порой по три-четыре дня подряд, могли опускаться на ступеньки миску творога с солью и чесноком.

– Это вкусно, это очень вкусно, – уговаривал себя Махмуд, чайной ложечкой уменьшая свою долю.

Но мы лишились света. Узенькая, в иголочку, полоска между рассохшимися досками в дверце и белесый, уже в ниточку, штрих поверх проема напоминали букву «Т».

Тупик.

Дней через пятнадцать, когда стали гноиться глаза, вдруг обнаружил: стою на коленях перед этой буквой и совершенно машинально твержу:

– Ненавижу!

Тупик. Темноту. Безвыходность ситуации. Свое бессилие. Куда-то исчез Боксер, и хотя вместо него стал появляться высокий спокойный парень, прозванный нами Хозяином, мы лишились еще и общения. Хозяин на любые наши вопросы отвечал односложно «ну», и порой мы даже скучали по резким, всегда подводившим нас под расстрел или сумасшествие психологическим беседам Боксера. Поняли, что если хотим что-либо узнать, то во время передачи еды нужно задать только один вопрос. И даже чтобы не вопрос это был, а какое-то размышление, приглашение к разговору или обсуждению, не требовавшим от охранника ответственности и обязательств.

Вопрос готовили, оттачивали часами, определяли, кому из троих его лучше задать. И вместо, допустим, ежесекундного: «Ну делается ли по нам хотя бы что-либо?» – в конце концов звучало безобидное сочувствие:

– Наверное, надоело вам с нами возиться...

– Ну.

Не прошло. А что, если попросить помыться? Если с нами вопрос решается, прикажут потерпеть. Если грядут долгие времена, ведро воды не пожалеют.

Не пожалели.

Во время очередного полночного и одиночного вывода в туалет надолго пропал Борис. Я, нужно мне было в туалет или нет, тем не менее, никогда не отказывался лишний раз вылезти на свежий воздух. На этот раз перекинуться с Борисом даже парой слов, почему задержали, не смог. Дорогу, хоть и в повязке, изучил, но на этот раз повели в другую сторону. В плену все новое, непривычное изначально таит опасность и заставляет напрячься.

– Раздевайся, – останавливает Хозяин. Зачем? – Ополоснись.

Значит, свобода не завтра, а тем более не сегодня.

Настроения нет, мыться не хочется, хотя весь липкий от пота. Но завширеем – себе станет дороже. Теперь надо другой вопрос готовить. И думай, что лучше: находиться в неведении, и каждый день встречать с надеждой или реально смотреть на действительность и искать элементарные способы выживания? В плену идет игра в подкидного, к тому же ты вынужден играть вслепую. Но смухлюешь – глядишь, и выиграешь. Но надо знать, что, ежели попадешься, от соперника – пуля в лоб.

Ополаскиваюсь, поливая самому себе из кувшина. Разрешают снять платок. Сплошная темень, к тому же приставлен лицом в каменную стену. Даже буквы «Т» нет, проклясть нечего.

До подвала не доходим. На этот раз останавливает Боксер.

– Хау ду ю ду, полковник?

Голос сбоку. Чувствую подвох, но распознать его не могу. Пауза, как и в первом подвале, затягивается, но на этот раз решил молчать.

– Ты что, не знаешь английский?

– Нет. Учил немецкий.

– Не надо! В КГБ все учат английский. Я тебе обещал отрезать уши, как только узнаю, что ты контрразведчик?

– Да. Но я журналист.

– А у меня нет времени заниматься перепроверками, мне воевать надо. Журналистское удостоверение – «крыша». Но как тебя усиленно принялись искать спецслужбы, говорит о том, что ты – их человек. Простого смертного так не ищут. Ты – из ФСБ, а с этими ребятами у нас разговор короткий.

Чувствую, как слабеют ноги. И сам не пойму, от чего: то ли от угрозы и полной своей беспомощности доказать что-то обратное, то ли от первой весточки – меня ищут. Ищут!

А отрезанные уши мне приснились через два дня: якобы в какой-то клинике мне приделывают вместо них протезы. Они не подходят по цвету к лицу, и я прошу их заменить...

Из рассказа заместителя директора ФСНП России генерал-майора налоговой полиции А. Пржездомского:

Первый упор во всех газетных публикациях был сделан, конечно, на то, чтобы до боевиков дошла информация: Иванов скорее писатель, чем офицер. Мы понимали, что тем самым поднимаем вам цену и потом самим будет труднее вас вытаскивать. Но в тот момент важнее было, чтобы вас не расстреляли под горячую руку за полковничьи погоны. Опасения на этот счет имелись: после артиллерийских или авианалетов жители сел требовали отщепенца, и боевики в последнее время стали привозить на эти места пленных офицеров и демонстративно расстреливать их.

Конечно, создали оперативный штаб по вашему поиску и освобождению. Заседали ежедневно, что сделано, что еще задействовать? К розыску подключили Совет Безопасности, Госдуму.

ФСБ дала команду своим сотрудникам начать поиски непосредственно на месте. Этим же занялось МВД, имевшее в Чечне свои структуры. Ориентировки по вам ушли в Главное разведуправление Министерства обороны и отдельно в разведотдел Северо-Кавказского военного округа.

Наши оперативники вышли на всех мало-мальски значимых чеченцев-коммерсантов в московской диаспоре. Понимая, что здесь игры отошли в сторону, настоятельно попросили и рекомендовали передать по всем каналам – родственным, деловым – в Чечню, если Иванов будет убит, налоговая полиция воспримет это как вызов правоохранительной структуре, а мы – не мальчики для битья. Разговор мог быть только таким – жестким, требовательным, с позиции государственной структуры.

Директор ФСНП Сергей Николаевич Алмазов, взявший операцию по освобождению под личный контроль, произнес ключевую фразу, от которой мы все затем и плясали.

– Спасти Иванова – дело чести налоговой полиции. Иных разговоров не должно быть.

Однако первую достоверную информацию о том, что вы живы, мы получили через посредника лишь 18 июля.

В это же время, самостоятельно:

Евгений Месяцев, кинорежиссер, мой добрый приятель, позвонил в штаб воздушно-десантных войск, командующему Е. Подколзину:

– Евгений Николаевич, в Чечне пропал Иванов, бывший десантник. Всю жизнь писал про «голубые береты». Неужели не вытащим?

К тому времени практически все десантные подразделения из республики уже вывели. Но в оставшиеся мелкие разведгруппы ушла шифровка помимо основных задач предпринять усилия по поиску и освобождению Н. Иванова.

Ваня Анфертьев, мой однокашник по Львовскому политучилищу, вышел на Казань и Ереван, подключил к поиску и спасению высших духовных лиц Татарстана и Армении.

Комиссия по делам военнопленных, возглавляемая генералом В. Золотаревым, добились, что мое имя внесли в списки насильственно удерживаемых и подлежащих обмену под вторым номером.

Редакция газеты «Московский комсомолец» отправила в столицу Турции Стамбул своего корреспондента с заданием выйти на исламские организации, поддерживающие чеченских боевиков, и через них попытаться что-то узнать о моей судьбе.

Депутат Государственной Думы, мой земляк, писатель Юрий Лодкин написал письмо Руслану Аушеву и попросил ингушскую сторону включиться в поиски. Было отправлено им и письмо президенту Ичкерии З. Яндарбиеву, кстати, поэту, члену Союза писателей СССР.

Владимир Осипович Богомолов, автор «Момент истины», набрал, наверное, несколько сотен телефонных номеров, не давая ни на один день забыть обо мне тем, кто хоть как-то мог помочь в поисках.

Друзья, военные журналисты, заказали в Никольском храме Москвы молебен в честь святой великомученицы Анастасии Узорешительницы, прославившейся тем, что часто, поменяв роскошные одежды на нищенское рубище, тайно выходила из дома и обходила темницы. Покупая за золото вход в них, умывала руки и ноги заключенным, расчесывала им спутанные волосы, смывала их кровь, перевязывала раны чистыми полотенцами, подавала каждому еду и питье. Желая помочь больным и несчастным, выучилась врачебному искусству, став отрадой для всех тяжело испытываемых и изнемогающих телом заключенных невольников.

Существует, оказывается, и связанная с этим именем «Молитва заключенного».

«Облегчи бремя бедствия моего. А ежели понести мне суждено, да понесу с терпением ради очищения грехов моих и ради умилоствления Твоего правосудия. Да не постыжен буду перед лицом всего мира на страшном суде Твоем. Прихожу к тебе скорбный и печальный, не лиши меня духовного утешения. Прихожу к тебе омраченный, яви мне свет упования спасения».

А мы сидели в сплошной темноте погребца и играли в города. Первым всегда шел Нальчик. Как в известном фильме:

– А почему Нальчик?

– А мы туда не доехали.

Что еще можно придумать, чтобы убить время в темноте? Ну, перебрали все виды спорта, зверей и птиц, мужские и женские имена, пересказали анекдоты и свои судьбы – а через неделю все равно лежим, молчим. Утром, правда, зарядка – помахать руками, поприсесть. Ходить негде, топчемся на месте. Просто переминаться неинтересно, быстро надоедает, придумываю новую забаву:

– Пройдусь-ка я до метро. Вслух.

Иду по Маросейке от налоговой полиции до «Китай-города», рассказываю-вспоминаю, что встречается по пути. Ребята слушают – тоже занятие. Махмуд иногда подколлет:

– А девочки в Москве-то хоть есть? Что-то ни одной пока не встретилось. Гляди, какая краля навстречу плывет.

Когда они и сами могли с закрытыми глазами пройти этот путь, когда очередность городов знали, как таблицу умножения, и даже не вторгались в отполированный перечень соседа, начал вспоминать песни.

Про то, что мне медведь на ухо наступил, знал с пеленок, но ребята терпят и иногда подсказывают слова. Зато в памяти всплыли строки, казалось бы, навечно погребенные и утоптаные современной попсой:

*Возвращайся, я без тебя столько дней.
Возвращайся, трудно мне без любви твоей.*

А эта:

*Я вернусь к тебе, Россия.
Знаю, помнишь ты о сыне...*

Приходилось петь и с купюрами. Махмуд как-то попросил военных, фронтовых песен. Конечно же, первым номером пошла «Жди меня». Но когда вспомнил: «Туман, туман, седая пелена. А всего в двух шагах за туманами война», – тут и споткнулся. Допевал очередную строчку – конечно, шепотом, все четыре месяца мы разговаривали только шепотом, – «Долго нас невестам ждать с чужедальной стороны», а в памяти вырисовывается очередная: «Мы не все вернемся из полета...»

Чур, не про нас.

Запинаюсь, пропускаю концовку. Зато вспоминаю Людмилу Даниловну, певунью из «Советского воина». Не только с совершенно чудным голосом, но, главное, знающую миллион песен. И не по одному куплету, как все смертные, а от начала и до конца.

– Ну что, Даниловна, споем? – разговариваю сам с собой.

– Лучше бы она одна нам спела, – как-то осторожно намекает на мои вокальные данные Борис. Стопроцентно уверенный, что незнакомая Даниловна в любом случае поет лучше меня.

Но ни другу, ни врагу не желаю подобной сцены. Выпало мне тянуть этот мотив – допою его до конца. Сам. Как смогу.

А вот отношения между нами самими – еще осторожнее. Сокамерников не выбирают, взгляды на жизнь у нас с Борисом порой прямо противоположные. Махмуд чаще молчит, но когда мы переходим с шепота на голос, взрывается:

– Как же вы мне надоели. Все, уйду от вас. Оставайтесь одни.

Уйти некуда. Ни ему, ни нам. Смотреть некуда. Делать нечего.

– Нальчик.

– Калуга...

Глаза гноиться первыми начали у Бориса: он однажды утром не смог расцепить слипшихся век. Вспоминаю десантно-полевые медицинские хитрости: кажется, воспаления снимаются заваркой чая. Попросил Хозяина принести чай без сахара, хотя, как потом узнал, с сахаром было бы лучше. И вот утром и вечером, словно вшивые интеллигенты, пальчиками промывали глаза, а затем, уже как бомжи, рукавами вытирали подтеки.

Но все оказалось порханием бабочек по сравнению с зубной болью Махмуда. Он вначале притих, затем принялся искать себе пятый угол. Нашел, когда улегся лицом в пузатый, «беременный» живот «девочки». И предпочел его боли. А тут еще вместо Хозяина стал появляться Младший Брат. Он ни на мгновение не задерживался в подвале, за что, видимо, и бился постоянно головой о низкую притолоку дверцы. Разговор с ним мог идти только о миске и в одну сторону: «Давай» и «Возьми».

– У Махмуда зуб болит, есть чем полечить? – почти безнадежно пытаюсь остановить его.

Оказалось, знает не только другие слова, но и стоматологию.

– Можем только выбить.

– Ну тогда дайте хотя бы чеснока, лука. Сала, наконец, – прошу в закрывающуюся дверь.

Борис наваливается на меня, гасит последние слова:

– Какое сало? Ты что! Мусульманам по Корану нельзя есть свинину.

А держать людей в темницах – разрешено? Любим мы выбирать даже в религии то, что удобно и выгодно. А я просто знаю, что кусочек сала, приложенный к десне, отсасывает боль. Религия – это помощь, а не пустая вера.

Но просьба оказалась услышанной. Утром Хозяин вначале принес анекдот:

– Заболел у чеченца зуб. Стонет, сам бледный. А тут гости едут. Чтобы не показать, что он страдает из-за какого-то зуба, хозяин отрубил себе палец. И теперь на вопрос, почему бледный и стонет, гордо поднимал перебинтованную руку: «Да вот, нечаянно отрубил себе палец». «Э-э, – махнули рукой гости. – Главное, чтобы зуб не болел».

А днем, что само по себе небывалое дело, дверь открыл Боксер.

– Узнаете? – присел на корточках вверху. Кивнули, как старому знакомому: салам. Бросает нам вниз две головки чеснока и две свечи.

– Короче, забочусь о вас. Чтобы цинги не было и свет имелся. Так, Николай?

Меня впервые называют по имени! Запомним число – 9 июля. Наверху, то есть на воле, что-то произошло? Хорошие новости?

Нетерпение столь велико, что спрашиваю открыто, без подтекста:

– С нами что-то решается?

– Решим. А не решим – пристрелим, – в своей манере заканчивает разговор Боксер.

– Все нормально, – сдержанно радуемся появлению старого знакомого.

Но все рухнуло в одночасье, когда в этот же вечер над селом стали заходить на боевой курс самолеты, сбрасывая неподалеку бомбы. И если уж вздрогнули от неожиданности морщинистые столетние стены подземелья, то, что тогда говорить о нас.

– Что там? – спросили у Хозяина, принесшего глубокой ночью неизменные сосиску и помидор.

– Снова война. По телевизору показывают разрушенные дома и убитых детей. Обещали же, что после выборов все затихнет!.. Нет, России нельзя верить.

Остался сидеть на корточках, словно не хотел выходить наверх, где продолжалась бомбежка. Я не кончал музыкальных школ, но, кажется, сегодня заткнул за пояс своим открытием Баха, Бетховена, Шуберта, Чайковского и Шостаковича вместе взятых. В природе существует, оказывается, восьмая нота, которая и определяет всю музыку. На войне это – падающие авиабомбы.

– У нас... есть какие-то шансы?

– Теперь нет. У вас теперь никаких шансов.

Скажи подобное Боксер – поделили бы на пятьдесят. Плохо, когда начинают разговаривать и приносить плохие вести молчаливые. У них все слова – правда.

9

Зачем ночь, если день так же бессветел и долог. К чему слова в песне, если восьмая нота заглушила, заткнула за пояс все эти божественные «до-ре-ми-фа-оль-ля-си» подобно тому, как я перед этим щелкнул по носу композиторов.

Но ужин-то принесли! В «волчке» вроде тоже прощались с жизнью...

– Главное, чтобы зуб не болел.

Сказал скорее для себя, но заворочались, сминая напряжение, и ребята.

– Ну когда я вас наконец покину, – застонал Махмуд. – Надо было напоминать про зуб!

Но в голосе нет злобы, и жалуется он только ради поддержки иного, чем мысли, разговора.

– А он еще сало просил, – напоминает водителю Борис, втягиваясь в разговор.

Но что втягиваться, когда совсем рядом земля застуженным старцем отхаркивается кровавыми сгустками-осколками. А ее все бьют, бьют, бьют, не давая ни отвернуться, ни отдышаться.

Значит, опять война. Перед президентскими выборами присмирившая, надевшая платочек, припудрившая носик и поддурмянившая щечки,

она вновь смыла ненавистный ее духу макияж и ощерилась клыкастым ртом. Выпустила из-под рукавов воронье-самолеты. Напустила дым-огонь на селения, растолкала уставших – в бой, в бой, в бой. Разбудила успокоившихся и примирившихся с тем, что есть, – драться, драться, драться. И неужели кто-то надеется, что выросшие (не погибшие!) чеченские дети станут с уважением или любовью относиться к русским: «Это они меня убивали». Какая чеченка-мать промолчит, когда ребенок спросит: «А кто это стреляет?» или «А кто убил моего папу?»

Не позволяй, чтобы из твоих сыновей делали варваров, Россия. Не приучай и не заставляй их уничтожать собственный народ и собственные города. Кто же придумал ее, эту странную войну, которая никому не нужна, но, которую, тем не менее, не прекращают? Ведь за каждой развязанной войной стоят конкретные люди... Впрочем, иногда войны не нужно и развязывать. Их можно попросту не предотвращать...

Только нам ли, загнанным в нору, думать и печалиться обо всем человечестве? Это все равно, что тушить пожар во время наводнения: не сгорит, так затопится.

Оставалось единственное и самое благоразумное: не рвать нервы и не психовать. Если могила вырыта, то пусть уж лучше в нее столкнут, чем лезть самостоятельно.

Бомбежка продолжалась дня три. Самое странное, она раскрепостила Хозяина. У него не то что появилась речь, а в словах становилось все больше и больше боли, непонимания происходящего. Правда, что о собственной боли любят говорить даже молчуны. Его же история, вероятно, типична для многих боевиков. Дом разбомбило в первые дни войны. Деда перевезли к знакомым в горное селенье (при нас по-прежнему не упоминалось ни имен, ни каких-либо названий), – там заболел, не ходит. Отец с матерью и младшими братьями уехали к родственникам за пределы Чечни. Хозяин с одноклассниками остался в селе сторожить остатки жилища. Когда пришли федеральные войска, взял автомат, ушел в горы. Два года воюет.

На наш намек на то, что мы ценим его спокойствие, невольно передающееся нам, ответил невозмутимо:

– Пока вы в плену и беззащитны, лично я вас пальцем не трону. Но прикажут расстрелять – расстреляю, в этом не сомневайтесь. Сахар есть?

Его стали приносить в банке из-под пива. Как ни укрывали ее от муравьев, те проникали в сладости, перемешивались с песком настолько, что очистить сахар становилось невозможно. Кроме как высыпать черно-белую шевелящуюся массу в кипяток, а затем отцеживать сквозь зубы ошпаренные тушки.

– Питательнее, – нашли оправдание, чтобы не брезговать. Когда выживаешь, книгу жалоб не требуешь.

Когда самолеты оставили в покое землю и небо, чуть успокоились и боевики. Даже однажды ночью на допрос меня вызвали по имени.

Да что имя! Наверху, ткнув под колени, подставили скрипучий стул. Для долгого разговора? Сообщат вести, от которых подкосятся ноги?

Сажусь, прекрасно сознавая, что он стоит на земле на одной ножке. Да и со стула порой кувыркнуться можно гораздо быстрее, чем стоя на ногах.

– Где служил в десантных частях? – голос новый, незнакомый.

Перечисляю: Псков, Прибалтика, Афганистан. Что-то сказал Боксер, но по тому, что его перебивают, понимаю: допрашивает старший.

– Как укладывается парашют?

Нет проблем, хоть сейчас уложу. Но зачем это Старшему? Делать меня инструктором-парашютистом?

– Книгу «Гроза над Гиндукушем» ты написал?

– Я.

– Она у меня есть. С фотографией. Ты в самом деле писатель.

Наконец-то! В другое время откинулся бы на спинку стула и забросил ногу на ногу. Но что несут эти «открытия»? Стул лишь нащупал землю второй ножкой, не более того...

– Насчет твоих отношений с Грачевым тоже все подтверждается, – продолжает поражать своей осведомленностью Старший. – Мне Грачев тоже враг, но ваши дела – это ваши, и мне на них наплевать. А вот мы с тобой служили рядом. Служили бы вместе – может, и отпустил бы. Сейчас могу лишь пообещать, что просто так, из прихоти, мы тебя не расстреляем.

Нет, стул стоит на земле твердо и на четырех ножках. Мертво стоит. И не охранник его подставил. Судьба. Трижды, да, трижды в жизни меня убеждали, что я ломаю себе жизнь, пробуя ходить по «острию бритвы». Первый раз – когда после окончания училища пригласили служить в воздушно-десантные войска.

Вообще-то они для военного журналиста интересны, но малоперспективны. Газеты – только «дивизионки», а это меньше, чем «районки». Роста, соответственно, нет. Места службы – небольшие города и поселки. Плюс парашютные прыжки, вечные учения. Словом, с потолка заметку не напишешь.

– Раз пригласили, значит, пойду.

Те, кто ехал сразу в большие газеты и крупные города, откровенно жалели:

– Зря ты лезешь в эти ВДВ. На них красиво смотреть лишь со стороны, у них – пять минут орел, а двадцать четыре часа – ишак. Засохнешь.

Второй раз откровенно покрутили пальцем у виска, когда предложил себя на замену журналистам, первыми вошедшим в Афган.

Потом, когда на афганской и десантной теме написал первые книги, в том числе и упомянутую «Грозу...», когда из «дивизионки» взяли в журнал «Советский воин», а вскоре назначили и его главным редактором, разговоры, правда, стали иными: конечно, ты повращался среди такого, что не написать грех.

Зато, когда подал рапорт с просьбой освободить от должности главного редактора, друзья вздохнули откровенно озабоченно:

– Ох, аукнется тебе этот шаг. И, наверное, не раз.

Аукнулось. Все три раза аукнулось. Плюсами. И как раз в тот момент, когда жизнь висит на волоске. Судьба все же догнала, не оставила. Ничего в жизни зря не происходит. Все учитывается и за все платится...

– В общий лагерь я тебя не отдам, ни в каких списках пленных тебя не будет, – продолжил Старший чертить линию судьбы на моей руке. Но почему не сдаст и не включит? Это хуже или лучше? Стул станет на три ножки или опять начнет терять равновесие на одной? – Твоей судьбой буду заниматься сам. Если твое начальство пойдет навстречу, значит, договоримся, а нет... Тогда извини. По всем каналам мы уже сообщили, что ты убит при попытке к бегству.

Стул не зашатался – его попросту отобрали. Разговор окончен. Теперь от меня ничего не зависит. Только от налоговой полиции. Но какие выставят условия? Пойдут ли наши на них? Будут ли иметь право пойти: мы – государственная спецслужба, а не частная лавочка. Прибавил начальству заботы...

– Но было бы лучше, окажись ты контрразведчиком, – вернулся, чтобы закрыть эту тему, к первым разговорам Старший. И объяснил причину: – Их быстрее выкупают и меняют. А с вами, видимо, придется повозиться. Все.

Следующим на выход требуют Бориса. С ним, судя по всему, говорили по-иному: спустившись обратно, тот молча и нервно закуривает. Ждем, когда окурок вонется в нижнюю ступеньку.

– Сказали, что меня спасут только деньги.

– Сколько? – решается спросить Махмуд.

У него вообще непонятная роль. Вначале хотели отпустить, потом сказали:

– За тебя, парень, ничего не дадут, поэтому сидишь за компанию. Но выйдешь последним, чтобы ФСБ не село нам на хвост. Зато, когда выйдешь, с удовольствием набьешь им морды, – кивнули на нас с Борисом.

– Набью, – охотно поддержал идею водитель. – Дайте только выйти.

– В плен можно бесплатно только войти, а выход – уже мани-мани.

Так что твоя свобода зависит от них.

Потому и прорвалось у Махмуда с тревогой:

– Сколько?

– Миллиард. За меня и тебя. Это последняя цифра. Если ничего не придумаем, с нами возиться не будут.

Наверху прокукарекал петух. Но нет, это не красные дьяволята, не неуловимые мстители налетели нас спасать. На самом деле ходит по двору такой, орет днем и ночью. Как и боевикам, дали ему кличку – «Петух с куриными мозгами». А он, наверное, просто ошалел от бомбежек.

А мы ошалеваем от суммы. Миллиард – это же сначала надо найти сто миллионов, потом двести, триста...

Из рассказа сослуживцев Бориса Таукенова:

Когда от посредника узнали эти нули, сначала подумали, что ослышались. Откуда? Да и ребята столько сделали для Чечни, чеченцев! Сколько беженцев вывезли, сколько устроили на работу в Нальчике, скольким помогли поехать лечиться!

Старейшины, муллы Балкарии решили ехать в села, около которых произошло пленение, поговорить с людьми по-соседски. Вернулись ни с чем. Жена искала Бориса в окрестностях Грозного около сорока суток. Приехавшая туда же теща попала под бомбежку, сломала ногу. Брата, колесившего по республике, поймали, поставили к стене, стреляли над головой: еще раз приедешь без денег, не отпустим. Когда родственники пришли с собранным со всех закоулков, с выделенной головным банком суммой в четыреста миллионов рублей, посредник усмехнулся: за такие деньги вам даже труп не отдадут.

Махмуд тянется к пачке сигарет, закуривает. Неловко оправдывается:

– Я не курить. Зуб болит.

Остается лежать у огарка свечи, зажженной для вызовов. Протачивает на ее мягкой белой спинке бороздку, спуская вниз озерко расплавленного воска. Свеча в таком случае стораёт значительно быстрее, но что свеча, когда на тебя навесили ценник. Миллиард... А почему не назвали мне цифру? Или я иду у них на обмен?

– Долбанный петух, – смотрит вверх Махмуд. – Кто будет сушняк?

Протягивает остатки чая. Отпиваем по глотку. Молча, укладываемся спать.

– Николай, тебя твои не бросят? Искать будут? – неожиданно спрашивает Борис. Хочет хотя бы с этой стороны получить какую-то надежду...

– Даже не сомневаюсь.

– Ты так уверен? Государству всегда было наплевать на своих людей.

Резкая оценка удивляет, но сегодня не до споров.

Насчет государства не знаю, но ее спецслужба, налоговая полиция, не бросит. Сейчас перебираю в памяти людей, с которыми служил, руководство – нет, наши станут биться до последнего.

– Тогда тебе повезло. А меня в последний раз чаще всего окружали подлецы. Которые мечтали нагреть руки на моей должности и моей мягкости... Извини, можно мы с Махмудом поговорим по-балкарски?

– Конечно.

Они зашептались, а мне совестно. Если разговор со Старшим лично мне дал хоть какую-то надежду, то у ребят он ее отобрал. Я уверен в тех, с кем служил, они разочарованы, потому что не могут припомнить никого, кроме родственников, кто попытается хлопотать за них.

Поэтому топчу, скрываю свое возбуждение – его ни в коем случае не должны чувствовать ни Борис, ни Махмуд. Иначе... В камере или должны сидеть одни смертники, или надежда должна быть у всех.

Свечи сгорели, керосин в лампе кончился. Вместо Хозяина бьет себе голову о притолоку Младший Брат: «Бери-давай». Махмуд помог Борису докурить сигареты, теперь вместе жгут спички, выковыривая из земляных ступенек старые окурки и выбирая из них самые большие.

Я который день баюкаю правое ухо. Заныло, засвербило неожиданно, хочется поковыряться в нем только что найденным гвоздем. Ухо – не зуб, его, даже если и оторвешь, болеть все равно не перестанет. На зуб вспомнилась и присказка, продаю ее Махмуду: «Зуб, зуб, не болей, дам тебе пять рублей». А вот чем успокоить свою боль? Сделал ладонь лодочкой, уложил в нее ухо – поплыл то ли в полусне, полубреду.

– Эй, подъем, уборка, – напоминает Борис.

То ли раньше не замечали, то ли уже за наше пребывание по углам нависла паутина. Так что повод объявить генеральную уборку – без дураков, жены от такой нашей добровольности пришли бы или в недоумение, или в восторг. Чистим углы, осторожно стряхиваем себе же под ноги пыль из одеял. Собрали все окурки, спички, щепочки, выкопали ложкой в углу кюветик, засыпали мусор, утрамбовали. На целых полтора часа растянули минутное дело. Дома бы наверняка сказал, что угробил время. Но ныне мы со свободой живем в разных измерениях.

Счет пленным дням ведем утром и вечером, да и в промежутках, раз по пять друг у друга переспросим.

И вот на двадцать первые сутки пребывания в сплошной темноте вместо ужина принесли новость:

– Собирайте постели. На новое место?

Хозяин принял наши пожитки, вернул одно одеяло.

– Сидите, ждите.

Гадать о будущем бесполезно, выбор, что в плюс, что в минус. Можно предположить, что в наших делах что-то продвинулось и нас хотят перебросить поближе к месту обмена. Но можно думать и иначе: с переговорами ничего не получается, находиться в селе становится опасно, и нас перебрасывают обратно в лес, в «волчок».

Кажется, предположили подобное все одновременно, потому что зашевелились, пытаюсь найти себе занятие. Но нет занятий в плену, кроме как сидеть и ждать. Сидим почти месяц. Чего ждать? Самому себе и в пустоту столько вопросов уже задано, что ответ, хотя бы односложный, можно выдолбить зубилом на камне. Но то ли зубило потерялось, то ли камень попался слишком крепкий. Нет ответа.

А повезли снова в лес. По плохой дороге узнаем, по царапающим веткам да комарам, залетевшим в кабину. Кто-то из нас попытался отогнать их от лица, но жестко клацнул затвор:

– Руки. Не шевелиться!

Но заедают ведь!

Это еще не заедали. И даже когда машина остановилась, и комары уже не на ходу впрыгивали в «уазик», а приходили отведать свежатинки

целыми кланами, мы их вспомнили как укол перед операцией – всю жизнь бы так жить.

– Вылезаем.... Идем. Смелее. Нагнись, нащупай руками лаз.

Венец выложен из бревен, вниз ведет и деревянная лестница. Наверное, никогда не привыкну спокойно лазить в незнакомые ямы с завязанными глазами. Так и, кажется, что в них что-то копошится и шевелится.

Яма неглубока, выпрямиться нельзя. Отползаю в сторонку, освобождая место ребятам. Вскоре все трое сидим на корточках, ждем, когда разрешат снять повязки:

– Можно смотреть.

Видим! В квадратном отверстии сквозь ветки нависшего над головами дерева – видим ночное небо. Впервые за месяц.

В люк вталкивают наши пожитки. Подсветили фонариком. Яма – два на два. Пол сырой, словно только недавно сошла вода. Сверху – дубовый накат.

Все это отмечаем краем глаза. В первую очередь – постелиться, пока есть свет.

– Короче, огня не зажигать, не шуметь.

Боксер! Снова с нами. Теперь хотя и начнутся расстрелы через каждые пять минут, но между ними слово-другое дополнительные проскочат.

– Полковник, знаешь, что такое огнемет?

– Знаю.

– Короче, к люку не приближаться. Кто высунется, шарахаем прямо внутрь. Слышите, шакалы воют?

– Да, – первым распознает вой Борис.

– Это хорошо, значит, непуганы, значит, давно не стреляли в этих краях. Утром поговорим.

На люк укладывается деревянная решетка, над ней долго, с сопением, колдуют.

– Короче, решетка на растяжках из гранат. Тронете – взлетите к Аллаху в гости.

– Глубинные, глубинные гранаты ставь, чтобы в клочья всех разнесло, – подает совет незнакомый парень.

Сдержанно улыбаюсь: есть глубинные бомбы, но гранат таких еще не придумали. Или профан, или нагнетает страсти. Но в любом варианте растяжка – дело тонкое. Тот же шакал или кабан пробежит, заденет – и доказывай на небесах, что ты не верблюд и даже не контрразведчик. Там второй экземпляр «Грозы...» вряд ли найдется.

– Держите сигареты. Жратву утром посмотрим. Короче, спокойной ночи.

Нет, чеченцы народ все же удивительный. И в яму на растяжки посадят, и спокойной ночи пожелают – и все один человек в течение одной минуты.

Потоптались какое-то время вокруг логова, ушли. На ощупьправляем постели, разбираемся в одеялах. И вот тут-то поняли, что нас опустили не просто вниз. Нас окунули в кишашую комарами прорубь. Миллионы, мириады зудящего шерья, толкаясь и спотыкаясь, пошли на запах, заывая все новых и новых знакомых на нежданный пир.

– Сколько же вас, – Махмуд первым сдергивает с шеи повязку и начинает ее крутить, отгоняя стервцов.

Юркнули под одеяло, попытались, как в «волчке», замереть в коконах. Но духота не давала дышать, а в малейшую щелочку тут же с победным зудом устремлялась хвостатая комариная комета. Какое в Чечне, оказывается, враждебное небо: в выси – гудящее от самолетов, ниже – вибрирующее от «вертушек», а над самой макушкой – зудящее от комарья. И ни от кого ждать добра не приходится.

Уснуть невозможно. Встаем с Махмудом, крутим повязками, как на испытательном турбореактивном полигоне, хлестая по щекам, давая под зад, выметывая нежданных посетителей. Передышка – ровно на секунду. И снова все вокруг зудит, кусает, сосет. И не знаешь, то ли старых бить, то ли от новых отбиваться. Борис молодец: поерзал-поерзал, но затих. С одной стороны, мы гоняем вентиляторами воздух, а утром еще выяснилось, что он сунул нос в какую-то нору в углу, откуда поступал более-менее прохладный воздух. Про то, что из нее может высунуться какая-нибудь тварь, подумалось вяло: авось и не высунется.

Бьемся с полчищами вдвоем с Махмудом. Тысячу раз раненные, иссякаемые на глазах друг у друга. Сил нет даже ругаться. Несколько раз подходила охрана, протыкала яму узким лучом фонарика:

– Чего не спите?

– Комары заедают.

– Да их здесь море. Сами мучаемся.

Но они-то хоть на поверхности, а мы на глубине! Кому «мокрее»?

В то же время – кому плачемся?

Сморило под утро. Как мечтали о свете, сколько раз представляли встречу с солнцем. Но лишь стало размываться, теряться среди листьев небо, а вместе с ним – комариный столб, мы с Махмудом и свалились в разные углы.

Но Борис один не выдержал радости встречи с солнцем.

– Эй, уже утро, – прополз он трясогузкой по нашим ногам к люку. – Вверху солнце.

Вверху – да. А к нам в яму, словно боясь подорваться на растяжках, оно опускаться не осмеливалось. Лишь легонько, словно неженка девушка притрагивалась воздушной ноженькой к холодной воде, касалось белых проводков, опутавших наш выход на свободу.

– Живы? – поинтересовались сверху охранники. – Давай миску.

Просовываем ее в щель, в протянутую руку. Боевика не видно, наоборот, без маски и потому не подходит близко. Дисциплина, однако. А мы сами себе напоминаем зверей в зоопарке. Им точно так же в вольтер подадут еду.

Солнце, подсмотрев за охранником из-за роскошной гривы росшего над нами дуба и убедившись, что в яме ничего страшного нет, любопытства ради все же заглянуло вниз. Без маски. Правда, на всякий случай решетку убирать не стало, перенесло ее тень на дно ямы. В эти светлые кривые квадратики мы и вползли, подставляя лица теплу.

– О, тараканы, – презрительно разочаровалось солнце от увиденного.

Открыли глаза. Нас, как подопытных мышей в клетке – нет, тараканов же! – рассматривали две маски.

– Нет, они будут Нельсонами Манделой, – не согласился другой, отмечая примитивизм напарника.

Подбор псевдонимов на этом не закончился, и в конечном варианте все выглядело очень даже пристойно: я – Антон Павлович (Чехов им почему-то припомнился), Борис – здесь ума и юмора много не потребовалось – Ельцин, Махмуд – Эсенбаев. Гордости охраны не стало предела:

– Клево. У нас в тюрьге – писатель, президент и танцор.

Неизменной осталась лишь примета. Если звучало: «Полковник, на выход», – это к плохому. Когда имя Чехова или мое – тревог не ожидалось.

Самым большим неудобством оставались комары. Они наполняли жилище часов в десять вечера и буйствовали, устраивая на наших телах оргии, до семи утра.

Конец варварству и наглости положили, догадавшись и осмелившись закрыть люк. Снимаю майку, разрываем ее пополам. Как раз прикрыть отверстие. Часа за полтора до сумерек обкуриваем яму, усиленно работаем вентиляторами – разве только не взлетаем сами – и замуровываемся. Пяток–десяток комаров остается, но что они без обходов и охватов, таранов и подмоги той орды, что топала ногами, била крыльями, царапалась и укладывалась слоями по майке сверху.

– От кого прячемся? – не поняла маневра и охрана.

– От комаров.

– Искусали, что ль?

Что им кусать. Рассмотрев себя на свету, поняли: образ с тараканами – усатые и бородатые. И начинающие худеть. Вроде не двигаемся, лежим и спим, а пиджак уже свободно заправляется в брюки. Стало похуже и с едой: утром и вечером – перловка в комбиджире. Для моего послеафганского гастрита – первейшее «лакомство». Нужно выбирать: или мучиться от голода, или от боли.

Отказываюсь от ложки. Пью лишь чай. День, второй. Когда-нибудь должен ведь этот комбиджир кончиться!

Кончилось все – и комбиджир, и перловка.

– Жратвы нет.

На нет и суда нет. В ларек не сбегашь, хотя Махмуд в одном из карманов и нашел заваливавшиеся двадцать тысяч. Мечтаем, что можно на них купить. Борис непреклонен:

– Огурцов. Желтых.

– А почему желтых?

– Они большие.

Охрана тоже повеселила. Поинтересовалась мимоходом:

– А халва у вас есть?

Глядим на Махмуда: ты что, сбежал-таки в магазин?

– Какая халва? – задаем не менее глупый вопрос.

– Из банок. Не приносили?

Нам много чего не приносили. Первого, например, ни разу не дели. Картошки. Масла. Да тех же яблок, наверное, можно насыпать пол-ямы, лето ведь на дворе...

Принесли кусок халвы. Еще сутки продержались. А потом на полтора месяца зарядили одни макароны: на воде, без воды, со стручком лука, с кусочками остатков мяса, опять пустые. В непонятные праздники (как их мало даже у мусульман!) – одно мясо. Тарелочка, правда, из детского садика, может быть, даже осведомитель из налоговой полиции выделил ее на наши нужды, но запах-то есть.

А лето душное. Майка не только комарам вход перекрыла, но, как теперь уже традиционно для нас, и воздуху. Ребята молят о дожде, я сопротивляюсь.

– Дождь – это вода, сырость. А сырость – болезни. Не о том молим, мужики.

– Ты в самом деле неженка.

Готов остаться в памяти ребят с этим по-детски обидным, особенно для афганца-десантника, мнением о себе, чем потом оказаться правым. Окажусь ведь...

– Да мы в горах во время сенокосов под такими ливнями бывали!

В горах, но не в яме. Мы что, разведем костер, сменим одежду? Короче, я против.

Голосую так, будто от полученных результатов зависит погода.

Но вышло по законам войны: вместо дождя небо обрушило на нас снаряды. Вначале где-то неподалеку обнаружили себя пулеметы. Первую ночь они порезвились-поигрались, словно два-три Козленочка Военное Копытце по льду процокали. Утром прилетели надсмотрщики – «вертушки», но, наверное, не нашли выбитых копытцами самородков, потому что на следующую ночь из загона выпустили целую стайку более взрослых козлят. А они уж так разрезвились, что приструнить их оказалось возможным лишь артиллерией. Да в нашу сторону.

Первый снаряд, пролетевший над ямой с шипящим присвистом, мгновенно разбудил нас. Не знаю почему, но бросились к туфлям, в первую очередь обулись. А потом не успевали втягиваться головы в плечи от свиста и разрывов, утюживших совсем рядом лес. Высвечиваем, наивные, самое безопасное место в двухметровом квадрате, замираем ближе к люку. Не из расчета, а так диктует страх оказаться заживо погребенными. Головы прикрываем подушками, как будто они могут

ослабить удар осколков или падение дубовых бревен с наката. Опять чистая психология – если убьет, то не так больно.

– Что они здесь забыли? – Борис, не служивший в армии, больше всего ею и возмущается. Как будто ей самой захотелось вдруг повоевать, и прикатили в Чечню, передернули затворы. Да нет, войны развязывают благородненькие на вид, чистенькие и румяные политики, а в грязь, вонь, бинты и стоны бросают людей в погонах. Это лишь кажется, что военные только и умеют командовать. Еще больше они умеют и вынуждены подчиняться...

– Недолет, перелет, недолет – по своим артиллерия бьет, – вспоминается по случаю давняя песня.

Новый снаряд – но это Махмуд, улегшись вдоль стены и сложив руки на груди, показывает чудеса художественного свиста. Он перестал прыгать к люку – или, поняв бесполезность, или устав бороться за жизнь. Знаю сам, что свой снаряд не услышишь, что свистят те, которые уже пролетели мимо. Но, настроенный на бомбу, перестраховываюсь. И не хочу, чтобы душа махнула на все рукой – будь что будет. Не «будь что будет», а держать себя в ситуации...

После повторной бомбежки движения становятся автоматически. Когда Махмуд случайно падает и бьется спиной о стену, заснувший Борис подхватывается, прыгает к люку и укрывает голову подушкой.

– Эй, вы чего? – спросонья не понимает нашего смеха.

Махмуд для остротки свистит – звук даже в таком исполнении неприятен – и снова бьется дурачества ради о стенку.

– Ну вас, – машет Борис и укладывается снова. – Плен лучше переспать.

А ежели не спится? Если отлежали все бока? Попросили хоть какую-нибудь работу у охраны, боевики развели руками:

– Понимаете, вы расстреляны, вас нет. Вас никто никогда не увидит. И вы никого. Вам остается только сидеть. Приказ один – расстрелять при попытке к бегству. Все.

А лес вокруг наполняется жизнью. Чувствуем дым костра. Слышим подъезжающие машины и мотоциклы. Иногда доносятся окрики на русском языке. Значит, неподалеку работают пленные солдаты. Самое верное подтверждение – пилы без остановки ерзают по дубам. Такое возможно лишь под стволом автомата. Кто пилил дрова, тот знает. Наверное, строят новые землянки.

– Чего стал? – кричат уже ближе. – К мамке захотел?

«К мамке», как быстро поняли, – это под расстрел. За меня, я продолжал верить, бьется налоговая полиция. Ищет ли кто-нибудь их? Каково их матерям? Пытаюсь услышать хоть одно имя, хоть какую-нибудь зацепку: вдруг все же выйду на свободу и тогда смогу найти родственников пленника.

Бесполезно. Солдаты слишком далеко, а сами они не догадываются дать о себе знать подобным образом. Да и кто сказал, что я выйду

быстрее? Особенно когда под вечер вдруг у ямы появилось пять-шесть охранников. Они сняли растяжки, отбросили в сторону решетку и только после этого приказали:

– Полковник, живо.

11

И без «полковника» ясно, что дела мои плохи, – ведут, бьют о деревья, не предупреждают о ветках, не обводят канавы. Молчат. Нутром чую, как копят злобу. Что могло случиться?

Сталкивают то ли в полуоткрытую могилу, то ли в заброшенный окоп.

– Раздевайся.

Моросит дождик. Махмуд очень просил его. Вырывают из рук солдатскую куртку и пиджак. На рубашке успеваю лишь расстегнуть пуговицы.

– На колени.

Торопятся. Введены. Но почему перед убийством заставляют раздеваться?

– Снимай повязку.

Вот теперь – да, теперь – все. И даже то, что Боксер передо мной в маске, надежд не прибавляет.

– Руки за голову.

С двух сторон в затылок утыкаются стволы автоматов.

– Сначала, короче, мы тебя отделаем так, что родная мать не узнает.

И пошлем снимочек твоему начальству.

Замечаю у него на груди «Полароид». Вспоминаю свой фотоаппарат: ну, конечно же, они проявили пленку и нашли кадры воронежских омоновцев!

– А если оно не успокоится, начнем присылать им тебя самого по частям.

«Оно не успокоится...» Дело в моем начальстве? Не в пленке?

– Думают, что здесь мертвые на посту стоят, – продолжает заводиться Боксер. Зачем-то лепит мне на лицо крестами лейкопластырь. Отходит на шаг, делает снимок. Ждет, когда я, еще живой и не избитый, проявлюсь на кадре. Протягивает снимок обратной стороной:

– Ставь дату и распишись.

Ставлю и расписываюсь. Если фото вдруг сохранится, то, по крайней мере, можно установить, что до нынешнего дня я был еще жив.

– Они думают, хитрее нас, – не унимается Боксер. – Только запомни, полковник: чеченцы бывают или плохие, или хитрые. Мы – из хитрых, и нас не переиграешь.

– А в чем хотят переиграть? – спрашиваю напрямую. Чего теперь стесняться? Информацию надо получать.

– Вздумали освободить тебя силой. Прилетела «Альфа», сидит в аэропорту. С генералом. Ну и жук ты, полковник. Все равно никогда не

поверю, что не контрразведчик. Но как только они тронутся с места, мы тебя тут же расстреливаем. Понял?

Что понимать? Не от меня зависит, тронется «Альфа» или нет. Но кто придумал силовой вариант? Это же бессмысленно, бесполезно. При такой утечке информации они сами окажутся в ловушке.

– Мы знаем все, – нервно рассказывает Боксер по краю окопа. – Мы даже знаем, кто и как в налоговой полиции Грозного оправдывался перед Москвой за тебя. Знаешь, что сказали? Что ты сам отказался от охраны. Но если эти тронутся...

Останавливается. Ботинки – перед лицом. Одного замаха достаточно, чтобы разmozжить голову.

– А все-таки мне жаль твою морду и почки, русак, – вдруг совершенно неожиданно, когда я уже приготовился к худшему, отпускает сердце из тисков Боксер. – Пока пиши, – бросает вниз кусок картона: – Пиши: «Умоляю исключить силовой вариант моего освобождения...»

Пишу. Умоляю. Это, в самом деле, так, и одновременно надо дать понять своим, что в отряде известно об операции.

А «Альфу» боевики, тем не менее, побаиваются, ежели настолько всполошились. Но скорее всего, на аэродроме в Северном сидит не она, а наши ребята из физзащиты. Впрочем, это одно и то же, почти все они – в прошлом «альфовцы». Потому трудно поверить в то, что они вот так, наобум, полезут в горы. Без идеальной подготовки и тщательной разведки не полезут. Не те ребята. Здесь тоже не мертвые на постах стоят.

Так что надо сохранять спокойствие. Насчет олимпийского, наверное, сложно утверждать, но внутреннее равновесие необходимо.

Стоявшие вокруг автоматчики тем временем роются в карманах, выуживая остатки допленной жизни: заколку от галстука, часы, удостоверение «Советского воина», литературные наброски, которые начал делать на пустых сигаретных пачках с появлением света.

– Это что такое? – изумляется Боксер, перебирая листки. – Что за записи?

– Делаю для себя. Наблюдения.

Про то, что у журналиста рука сама тянется к авторучке, как у курца к сигарете, а у тебя, Боксер, к автомату, уже молчу.

– Это мы сейчас читаем. А почему удостоверение не сдал?

– Не забрали на равнине.

– Изъять все, – командует Боксер охране. – Вывернуть все карманы, ничего не оставлять.

Падает расческа, отбирают даже пустое портмоне.

– А теперь я с тобой все же немного разомнусь. Повязку. Встать.

Надеваю повязку. Ловлю характерный шум. Удар Боксера проходит в каких-то миллиметрах от лица, я чувствую только его холодок. Тренировка? Я – в роли спарринг-партнера? И неужели опять пронесло? Холодок от близости удара – это ли холодок от смерти? Арктику с экватором не сравнивают. Но сколько же раз человек способен прощаться с жизнью?

Но рано обрадовался, что обойдется без зуботычин. Обратный путь в яму оказался значительно дольше. Под руки, судя по голосам, подхватила молодежь, парни лет семнадцати. Эти уж поизгаляются!

Дождавшись, когда стихнут в лесу шаги Боксера, они пираньями впились в меня, по очереди обработав ноги, спину, затылок.

– Полко-овник, мразь, – в точности перекопировали они голос и интонацию Непримиримого.

Бить ослепленного повязкой, наверное, занятие преинтереснейшее, если смотреть со стороны. Стволы «красавчиков» уперты в ребра, а удары летят неизвестно откуда, неизвестно от кого и неизвестно чем – человек в их ожидании весь напряжен, но все равно не угадывает опасность и запоздало вздрагивает. Счастье, что конвоиры вынуждены держать меня еще за руку, и замахи не такие широкие.

– Это тебе за твои погоны.

– Это за наши Самашки.

– Гад, пристрелить тебя мало.

Семнадцатилетнему на войне ничего не докажешь. Бесполезно. Если чеченцев постарше с Россией связывает служба в армии, дела по коммерции, то этих – ничто. Побросали школу, научились убивать, и убивать именно русаков, их с нами не связывает уже ничего. Они мечтают только о мщении. День и ночь. Опасный возраст. И особенно, как ни странно, для самой Чечни, где после войны кому-то нужно будет уметь и работать, строить...

– Мразь!

– Получи, сволочь.

Вталкивают ногами в комариную прорубь, бросают вслед одежду. Вернулся. Под растяжки, в яму, но – вернулся. Махмуд и Борис пока ничего не спрашивают. Торопливо в темноте отдираю с лица кресты лейкопластыря, чтобы они не испугались раньше времени.

Вопросы не задают, давая мне возможность прийти в себя и успокоить дыхание. Решетку не набрасывают, и Борис торопливо ищет повязку: значит, сейчас потащат его. Удерживаю за локоть – это только меня. А растяжки не плетут потому, что ждут сообщений из Грозного. Мои неизвестные спасители, сами того не зная, губят меня. И любой шаг к освобождению окажется шагом к расстрелу. Тогда какой был смысл затевать операцию? Неужели наши этого не понимают?

Оказывается, сидеть под открытым небом намного тревожнее, чем под решеткой. В плену должно быть так, как положено.

Сверху снова торопливые шаги. Встаем одновременно с Борисом. Он – в ожидании своей очереди, я – принимать судьбу. Она на таком волоске, что паутина может показаться стальным канатом.

– Телефон не потерял? – вдруг вспоминаю главное и шепчу в ухо Махмуду.

В самом начале плена, когда еще верилось, что водителя могут отпустить, записал ему домашний телефон и попросил запрятать в одежду.

Теперь этот клочок бумажки кажется единственной связью с домом. Страшно умирать в неизвестности, быть без вести пропавшим.

– Нет, – скорее машет головой, чем отвечает вслух, Махмуд.

Судя по чавкающим в грязи шагам, идут человек пять. Еще вчера шагов ждали, потому что вместе с ними могли появиться известия. Теперь, когда новости есть, для нас спасением могла оставаться лишь тишина.

Подожли, завозились с решеткой. Сдержанно переводим дыхание. И хотя ее начинают прибивать гвоздями и сеть из растяжек плетут наиболее тщательно и плотно, понимаем: сегодня выдергиваний не предвидится. Яма становится дорожке и безопаснее поверхности.

Из рассказа генерал-майора налоговой полиции В. Кольвагина, старшего оперативной группы:

Мы вылетели в Грозный через месяц после пленения. Могли, конечно, и раньше, но родственники ваших товарищей по несчастью из Кабардино-Балкарии умоляли: не предпринимайте ничего, мы здесь сами все уладим и договоримся.

Понадеялись. А время уходило. Сергей Николаевич Алмазов, находившийся в командировке, приказал брать инициативу в свои руки. На следующий день опергруппа из четырех человек находилась в Чечне.

Армейские контрразведчики, правда, сразу по-дружески пожурили: как только боевики узнают – а они узнают непременно, что освобождением пленника занимается генерал, – мгновенно ужесточат условия. Но менять что-либо было уже поздно.

Конечно, среди нескольких вариантов освобождения прорабатывался и силовой вариант – это нормально и естественно для спецслужбы. Правда, о высадке десанта в горы не могло быть и речи, мы прекрасно понимали, что, пока будем пробиваться к месту заточения, вас десятки раз успеют убить. А вот по агентурным данным мы получили сведения о всех перемещениях Непримиримого. На него и поглядывали, ведь в случае задержания главаря мы могли диктовать свои условия. Непримиримый взял вас, мы – его. И обмен. Все по-честному. Красиво для книги?

К сожалению, в жизни все сложнее и грубее. Лишь приступили к проработке этого запасного варианта, к нам на стол легло ваше фото с автоматами у головы. И приписка: можете искать тело своего полковника в районе Ханкалы. Если не откажетесь от силового воздействия.

Ясное дело, к подобному сценарию больше не возвращались и как можно шире об этом поведали всем вокруг. А сами сосредоточились на основном варианте – обмен. Задержанный на задержанного. К сожалению, практика войны, и от нее пока никуда не деться. Начали восстанавливать отношения с посредниками, пошатнувшиеся во время столь бурного взрыва эмоций.

Про свое пребывание в могиле стараюсь не вспоминать, хотя звуки наверху ловлю чутье обычного. Высчитываю самое опасное для себя время – перед рассветом. Днем, а тем паче ночью наши на штурм не пой-

дут. А вот утром, при первом намазе, когда чеченцы расстелют коврики и упадут лбами вниз... По крайней мере, лично я выбрал бы именно эти минуты.

– Неужели ваши не сообразят, что подписывают тебе приговор? – время от времени удивляется Махмуд. – Мужики хоть нормальные у вас в полиции работают?

Пытаюсь пошутить:

– Достаточно посмотреть на меня.

– Э-э, если так мерить, то дело твое швах, – идет по лезвию черного юмора водитель. Смотрит назидательно и на Бориса: – Мой начальник, будь умным, тоже сидел бы сейчас не здесь, а на Канарах, – совсем по-чеченски раскладывает он наши характеры. – Молись, Николай, на своих.

Молюсь.

Хотя потом, после плена, пришлось узнать и о не совсем приятных моментах своего освобождения. Поначалу вроде все бросились, как говорится, в атаку, но работа по розыску оказалась долгой и нудной. Доходило и до того, что с Расходчикова и Нисифорова пытались требовать письменных объяснений:

– Пусть напишут, чем они занимались столько времени в Чечне и почему до сих пор не вытащили Иванова!

И это в тот момент, когда жены ребят боялись отойти от телефонов, чтобы не пропустить звонок, когда в безысходности и тревоге обнимали во время прогулок с детьми деревья и молили о благополучном исходе. Самым большим упреком и для меня оказались слова одного из начальников, после которых я считал своим правом написать рапорт с просьбой перевести меня в другое подразделение:

– Ну что, погулял по Кавказу? И жена тут твоя со слезами бегала по руководству...

Да, говорилось некоторыми направо и налево, будто я сам поехал на Кавказ и меня туда никто не посылал (словно я служил не в правоохранительной системе, а в шарашкиной конторе, где полковники по своей прихоти могут мотаться куда угодно без уведомления руководства). На всякий случай делали дистанцию, отгораживались, если что... Благо, таких проявилось буквально единицы. Но, окажись их вдруг хотя бы более, чем пальцев на одной руке, итог для меня мог бы стать совсем иным.

Правды и искренности хочу в своей пленной истории, поэтому пишу и эти самые трудные для меня строки: как и во всяком коллективе, не все так гладко и идеально шло и среди тех, кто волей случая вынужден был заниматься (или не заниматься) моей судьбой. Впрочем, было бы странным, окажись все как один расходчиковыми и нисифоровыми. Зато по завершении операции и прибытии в Москву генерал-лейтенант Ю. Чичелов скажет им:

– Теперь к вашему бревнышку столько народу прилепится, что сами удивитесь.

Но как бы то ни было, ордена Мужества получают лишь те, кто вышел на острие события и там оставался до самого конца, – полковники Евгений Расходчиков и Геннадий Нисифоров. Здесь возобладала полная справедливость. Бог всем судья. И мне – в первую очередь. Ибо самый дорогой и совестливый для меня документ на сегодняшний день – это список управлений налоговой полиции и суммы денег, которые сослуживцы собрали на мое освобождение. Расчерченный от руки стандартный листок бумага перекрывает любые экивоки тех, кто сам из Москвы никогда не выедет, а любой бой станет наблюдать со стороны.

Только когда это еще все будет... Я пока лежу в лесной яме и прислушиваюсь к шагам охранников: убьют или пронесет?

Вроде пока пронесит. А про холодок от автоматов у затылка лучше побыстрее забыть. Ну, было. В плену много чего бывает, и что теперь, биться головой о земляные стены своих тюрем?

Как ни странно, получается. Не забыть, конечно, а притупить остроту воспоминаний. Убеждаюсь вновь и вновь: о возможной смерти постоянно думать ни в коем случае нельзя. Надо верить и надеяться на счастливый конец. Это хотя и менее реалистично, зато намного приятнее. Единственное, ненавязчиво бы переговорить с ребятами на тот случай, если все же вот так неожиданно уведут, и не вернусь. Дай Бог им остаться в живых, и чтобы они хотя бы на словах передали родным и близким. Что? Что прошу прощения, что люблю, что остался офицером и в ногах не ползал. Очень хотел жить, строил множество планов...

Прерываю самого себя: за мыслями, оказывается, тоже необходимы контроль и цензура.

Ребята тоже с замиранием ждут развития событий. Если боевики пойдут на убийство, то зачем им лишние свидетели? Хотя, конечно, плевать они хотели на мораль и законы...

Дня два выжидали и мы в яме, какая последует реакция на отправку снимка. Ожидание тяжело само по себе, а здесь к тому же лишились всего, то есть авторучки и часов, даже возможности пускать ими солнечных зайчиков по стенам.

Зато выработали кодекс чести пленника: все живое, ползущее наверх, на волю, не трогать. Даже помогали карабкаться по лестнице жукам, червям. А сколько слов нежности получила божья коровка, неизвестно каким образом, оказавшаяся в нашем подземелье. Сначала подержали ее на ладонях, потом подняли на решетку – лети, дорогая, тебе здесь делать нечего. Никому здесь делать нечего. Но...

– О, весточка будет, – увидел спускающуюся с небес пушинку Борис.

Подставили ей руки: лишь бы не ушиблась. Потом долго не знали, что с ней делать. Вдруг, в самом деле, благая весть, а мы ее втопчем в землю.

Затем и паутинки ловили, и сороку слушали, а новостей все не приходило и не приходило. Убедили себя, что о них мы узнаем не по

приметам, а со слов Боксера или Хозяина. Они нам и сороки, и пауки, и пушинки.

А однажды утром нас разбудило мышинное шуршание. Но мы с Махмудом ошиблись. Борис, приноровившийся засыпать часов в шесть вечера и просыпавшийся в пять утра, разложил вокруг себя пустые пачки «LM» и выщипывал из них квадратики. Ньютоном, озаренным идеей, посмотрел на нас:

– Карты сделаем.

До Ньютона, конечно, далековато, но ведь и не яблоня над нами растет – с дуба падают лишь желуди.

Но карты, о, карты! Сколько дней и ночей они нам скрасили. Четыре колоды стесали полностью. Из остатков пачек, их боковушек, сделали затем и домино. Колоды долго прятали, не зная, как отнесется к подобному охрана: вроде по шариату азартные игры запрещены. Но однажды, после шмона, нашли их, долго рассматривали. И не то что ничего не сказали, а научили из тех же пачек делать еще и самолетики. Красивейшие МиГи.

– Только смотрите не улетите на них, придется доставать «Стрелу» и сбивать, – предупредил Хозяин.

Жизнь налаживалась по-новой – в напряжении, ожидании, но без выдергиваний на допросы. Боксер появился довольный, и скорее всего тем эффектом, который произвел на мое начальство фотографией.

– Все нормально, полковник. Пожелания есть?

– Попросить можно?

– Просить можно все что угодно, за это не бьем. А вот дадим или нет, нам решать. Так чего хочешь?

– Авторучку.

Кажется, я что-то перепутал и попросил гранату – столь неподдельно удивился Боксер. А нам надо рисовать карты. Игральные. Чтобы резаться в дурака, козла и преферанс. Борис сказал, что знает один пасьянс – «Марии Стюарт». Якобы перед казнью та загадала: если пасьянс сложится, то казнь состоится. Сама же надеялась на обратное: сотни раз перед этим раскидывала колоду и никогда не могла сложить ее обратно. На этот раз сошлось. Марию увели на эшафот, а на столике остался разложенный пасьянс.

Не авторучку, но стержень принесли. Борис и сделал первые карты – не только нарисовал цифры, а даже, из-за скудности света, подписал: «восемь», «шесть», «туз». Махмуд, светлая душа, сразу признался:

– Мужики, говорю честно: честно играть не умею.

Вроде пошутил парень, но когда повесил Борису четыре шестерки, да еще притом, что в это же время у того на руках оставалось еще две шестерки, тут мы оценили сказанное.

Вторую и последующие колоды рисовали с учетом первых ошибок – крупнее, а ритуал их создания превращали в праздничный день: отбирали наиболее потрепанные квадратики, выстраивали их в очередь

на замену и иконописно выводили цифры и масть. Конечно, наносился удар и по моим интересам, так как в работу уходила бумага, присмотренная мной для журналистских наблюдений. Но ради карт – дело святое. Они вне конкуренции. Фирма «LM» в этом плане стала для нас авторитетом высшей пробы. Не знаем почему, но чеченским боевикам понравилась именно она, других сигарет они не признавали. А в иные минуты охрана подходила к нашему логову и спрашивала:

– У вас сигарет не осталось? Когда подвезут, вернем.

Делились. И надо сказать, вопрос курева во время всего плена соблюдался незыблемо: есть не давали, а сигарету бросят. Хоть в конце и «Приму», но тем не менее.

Из «LM» сделали и календарики. Я в свои дни вписывал, Махмуд вычеркивал. Места хватило до августа, и восприняли это как знак судьбы: может, к осени наша судьба прояснится?

А насчет дождика дошли не мои молитвы до Бога, а Махмуда и Бориса до их Аллаха. Дождик вначале несмело дотронулся до кроны нашего дуба. Ничего, отповеди не последовало. Дальше – больше. И не гром пока еще послышался вдаль, а громыхание школьных принадлежностей в ранце разгильдяя-второгодника. И не дождь начался, а пролился легкий смех одноклассницы-красавицы, которой парень несмело признался в любви: все зыбко, играючи...

Но вдруг шаром, клубком, учителем-военруком, громко возвещая о себе, промчался оторвавшийся от дальнего вихря посланный в разведку кусок ветра. Разогнал всех по углам, заставил притаиться, замереть. И, уже на расчищенную, подготовленную площадку хлынул настоящий ливень.

– Наконец-то! – Махмуд даже лег головой к люку, чтобы ловить лицом капли.

– Только бы не сильный и ненадолго, – продолжаю бояться я.

Все же и меня небеса еще окончательно не отринули, послушались: гроза побоялась остаться на ночь в горах. Как ни гремела, а ближе к сумеркам незаметно собралась, начала спускаться в долину. Чтобы не заподозрили в трусости, еще некоторое время оглядывалась и напоминала о себе.

Но было очевидно, что не вернется. Конечно, лучше приютиться на ночь в каком-нибудь селе и там, под боком у людей, переждать темень и собственную стылость. Все не так тоскливо.

Однако утром, когда мы, отлежав бока на чердаках, подкрепились деревенскими сворованными харчами, гроза вернулась на старое место. Назидательно потрепала шевелюры деревьям – ругали, небось, меня? А зря, зря...

Капли быстро пробили крону над нами и принялись хлестать в яму. Пришлось закрываться майкой, прекрасно осознавая, что такой защиты хватит на пять минут.

Меньше. Вода вначале закапала, а затем побежала вниз тонким ручейком. Торопливо допиваем чай и подставляем бутылку.

– Зато комаров нет, – виновато оправдывается Махмуд, перестаравшийся с просьбами к небу.

Поздно. Гром гремит непрерывно – здесь, в горах, он порой без умолку рокочет по пять – семь минут. Уже и банки все заполнили водой, и перелили ее в канистру – она стоит полная, и теперь молча смотрим, как расплзается под люком мокрое пятно. Подворачиваем матрацы, забываясь все дальше в угол. Перепроверяем коробку спичек – не намочить бы. Хотя что они дадут? Подсветку на мгновение, чтобы убедиться, что с предыдущего раза воды в яме стало еще больше?

Не играется, не поется, не разговаривается, не думается. Тупо глядим на дождь.

– Заливает, – говорю охраннику, мокро прибредшему с ужином.

– Ну, дождь сильный.

– Укрыть чем-нибудь люк можно?

– Посмотрю, но, кажется, ничего нет.

Нашел кусок клеенки, положил сверху. Звук дождя стал четче, даже можно определять, когда он сильнее или слабее. Но что толку, если кусок меньше отверстия. Просто вода стекает еще более целенаправленно. Как бы я сейчас поязвил над любителями дождя, если бы это что-нибудь дало.

– Кажется, протекаем, – обнаружил новое несчастье Махмуд.

Зажгли спичку, осветили накат. Бревна не справились со своей задачей: впитав первую влагу и больше не имея сил удерживать воду, уронили капли вниз.

Собираем, подтыкаем под себя вещи. Не намочить их, потом ведь не высушим.

Если надо будет сушить.

Впереди – беспросветная ночь...

12

В плену я полюбил ночи за то, что они не приносят известий. День, когда ловишь каждый шорох и звук, тянется дольше и тоскливее.

А ночью почтальоны не работают и связные не приезжают. Потому интуитивно начал менять свой сон: легче оказалось сидеть в раздумьях до четырех утра, а потом спать.

Нынешнюю ночь любимой не назовешь.

– Заливает, – время от времени сообщаем друг другу случившееся.

Протекала уже вся крыша. Один матрац расплзся от воды сразу, второй держался на честном слове. И его на руках, как тяжелобольного, у которого внутри переломаны все кости, переносили из угла в угол, где капало меньше всего. Спички все-таки намокли, и ползали в сплошной темноте, на ощупь. Но как нельзя в двух метрах укрыться от снарядов, точно так же или еще даже бесполезнее искать сухое местечко.

Утром нас нашли сидящими на матраце, с накинутыми на головы одеялами. Дно ямы блестело от воды. А сверху все поливало и поливало.

– Живы?

– Пока да. Но завтра – вряд ли.

– Что, Антон Павлович, болеть вздумал? Врачей нету.

– Мы не думаем болеть. Но – заболеем.

– Что, совсем плохо?

Стали возиться с решеткой, отодвинули.

– Отойдите в угол.

Куда отходить! Мы приперты в угол самой жизнью.

К нам опускаются сапоги с ломтями налипшей грязи. Незнакомый боевик оглядывает расплзшийся матрац, потолок. Вода капает на фонарь, и это, наверное, убеждает больше, чем наш вид.

– Промокло. А не должно бы.

Этого мы уже не знаем. Знаю другое: охрану нужно додавливать, слова про будущие болезни – это реальность, а не угроза.

– Переведите куда-нибудь, где не протекает.

– Посмотрим, – ничего не обещает конвоир и исчезает на целый день.

– Землянки у всех одинаковые, они сами, небось, сидят в подобных условиях. – Борис, как всегда, стесняется любых просьб: как же, заставляем людей суетиться, отрываем от дел праведных.

– Тогда давай сидеть дальше, – рекомендую ему, но тоном категоричного недружелюбного возражения.

Чувствую, что не сдержался, но бездействие давит на психику еще больше. Неужели безропотно сидеть и гнить?

Встаю, собираю вагные внутренности, вывалившиеся из лопнувшего живота матраца. Осматриваю накат над собой, щупаю бревна, где мокрее. Начинаю запихивать в щели вату.

– Бесплезно, – усмехается Борис. Натура достаточно тонкая, он почувствовал мой категоричный тон и возвращает шар той же расцветки.

Не спорю. Спор нам не нужен. Нужно чем-то заняться.

Ложкой конопачу щели. Надо мной капать перестало. Знаю, что временно, что вата. У нас есть миллиметровая возможность выжить – ее и надо наполнять борьбой.

Махмуд, может быть, впервые не поддержал своего начальника, принялся помогать, отщипывать кусочки ваты. Крутимся на полусогнутых.

Тампакс не тампакс, а около часа сидели без грязевых потоков. Движений мало, замерзаем. Приближающаяся ночь, гроза, уже подмокшие закладки – все наводит грусть.

Сочувствия дождался от Хозяина. Он появился в новом бушлате, присел:

– Залило?

– Полностью. Может, какие доски есть, постелить хотя бы на воду.

– Да у нас здесь, Николай, особо не разгонишься тоже. Но что-нибудь придумаем.

– Я же говорил, они сами в таких же условиях, – успокоился Борис, дождавшись подтверждения своим словам.

Хорошо, что промолчал про наши старания по заделке щелей. Значит, надо настраиваться коротать ночь на корточках. Если бы можно было хотя бы встать во весь рост, размяться...

– Часа через три переведем в новое место, – появился с самой приятной за последние дни новостью Хозяин. – Потерпите.

Наглею вконец – победителям можно:

– А чайку горячего нет? Доходим...

– Чай есть. Сейчас принесу.

И когда дрожащими руками обнимали пиалы с остывающим на глазах чаем, Борис чуть извинился:

– Он тебя уважает, Николай. Заметил: обращается только к тебе и по имени. Наверное, ты интуитивно был прав, когда каждую ночь просился в туалет. Они к тебе привыкли.

Да, надо или нет, но я просился наверх каждую ночь. Больше для того, чтобы размять ноги, подышать пару минут свежим воздухом и, если удастся, хоть что-нибудь прояснить в наших судьбах. Кто-то незнакомый из охраны однажды поязвил:

– Что, полковник, коммерсанты запрягли, заставляют парашу выносить?

Меня не заставишь. Я сам карабкаюсь к свету. И не имеет значения, что на данный момент этот путь надо идти с «девочкой». Может статься, все усилия напрасны. А вдруг нет?

О том, что вылез из ямы, пожалел единственный раз, когда охрана оказалась совсем незнакомой. «Свои» брали за рукав и вели в сторону, здесь же стали командовать:

– Правее, три шага вперед, левее, теперь шире шаг!

Со всего размаха врезаюсь в ствол дерева. Хохот.

– Правее. Кругом. Быстрее. Я сказал, быстрее, – клацанье затвора и удар прикладом в спину.

Удар лицом по дереву. Останавливаюсь. Больше не тронусь с места.

– Два шага влево. Влево, я сказал!

Мгновение сдерживаю себя, успокаиваюсь. И – подчиняюсь: никому ничего не докажу. Царапины на лице заживут, а радоваться можно тому, что побольше пробуду на свежем воздухе и получше разомнусь. Охрана бесправна, а новички тем более ничего не смогут со мной поделать.

Но иду теперь медленно, несмотря на поторапливания. Поняв, что большего не добьются, боевики хватают за рукав и бросают грудью на куст. Еще более неприятно, кстати, чем на ствол.

Когда возвращаюсь «домой», Борис и Махмуд, слышавшие издевательства, от прогулки отказываются:

– Нам сегодня не нужно.

– Тогда сидите...

Сидим. Дождь высидели. Три часа наверняка прошли, на нас ни одной сухой нитки. Как жить здесь дальше – не представляю.

... Ночью, когда подумали, что нас забыли, в очередной раз появился Хозяин с группой боевиков:

– Собирайте все, что осталось, и по одному наверх.

Впервые иду в новый каземат последним. Оглядываю полузатопленную, осиротевшую без нас яму. Не знаю, на сколько покидаем ее – может, только пересидеть дожди, а может, и навсегда. Тайно в душе надеялись, что именно из нее выйдем на свободу, но, видать, не суждено. А может, дождь помешал, пошел раньше времени.

В любом случае прощай, лесная комариная прорубь. Ты дала свет и тем останешься памятна. А плохое пусть забудется, выживать надо на положительном. Какая ты оказалась по счету? Пятая. Сколько ждет впереди? Куда поведут на сей раз?

В «волчок». Нас возвращали в него! Это стало окончательно ясно, когда впереди обругали:

– Что ты шаришь руками? Это ступени, ногами шупай.

– Я думал, лаз, – оправдался Борис.

– Плохо думаешь, а еще банкир. Да не пригибайся ты, иди в полный рост.

Земляные ступени – спуск в траншею. Опять ступени. Знакомый, пугающий запах плесени и подземелья. Плечо задевает решетчатую дверь. Та скрипит: мол, зачем идешь? Зайдешь – захлопну.

– Пришли. Можно разувать глаза.

Хоромы. Подземный дворец, обшитый солдатскими одеялами. Дубовые столбы-колонны вдоль стен. В два человеческих роста высота. Двухъярусные нары. На них стоит неизменная керосиновая лампа. Язычок пламени даже издали кажется теплым. Сначала он традиционно коптил, но Хозяин убавил фитиль, и пламя проснулось в серединке, задыхало, легко волнуясь, словно тронутая желтым загаром девичья грудь. Иногда ее стрелой Амура пронзала мошкара, заставляя на миг тревожиться. Но уже в следующее мгновение мягкий желтый свет восстанавливал безмятежное женское дыхание и достоинство. А черные горы обгоревших дыхателей мы потом по утрам счищали с лампы щепочками.

А может, и не женские груди вовсе напоминало пламя, а, допустим, две горные вершины Эльбруса. Или пик Коммунизма и пик Победы. Кому что нравится, тот пусть то и штурмует. Нам, просидевшим в погребках и землянках более двух месяцев, хотелось увидеть именно первое, более житейское. Живут же где-то люди...

Остаться бы здесь. И черт с ним, пусть даже ради этого нас освободят на неделю позже. Жертвуем.

– Располагайтесь.

А «волчок»? Его не будет? Тогда зачем размахивали неделями?

– Лучшую землянку вам отдаем, – гордо сообщил Хозяин.

Впервые видим его в полный рост. Высокий, немного угловатый. Неизменная маска. Увидим ли когда-нибудь его лицо? Если по-честному, оно вовек не нужно, но, наверное, человеку всегда будет свойственно заглядывать в запретное. Хотя, когда запретным становятся лица, имена – это уже не война. Это ее болезни. Краснуха, инсульт, геморрой – война за тысячи лет выработала для себя определенные температуру, давление, цвет лица, приучила к их неизбежной данности людей: раз я существую, то привыкайте ко мне такой.

И люди привыкают. К первому, второму, третьему. Привыкнем, никуда не денемся, и к захвату заложников, торговле людьми. Война манишек не носит...

– Николай, смотри сюда, – Хозяин светит фонариком под нары. – Ты человек военный, должен понимать, чем это может грозить.

По ровным рядам противотанковых и противопехотных мин шугнулись от света стайки мышей. Не подорвались, вырвались с минного поля. А под зелеными бочками этих кругляшей спала такая же длинная, как луч фонарика, «Стрела-М» – грознейшее оружие против самолетов. В углу сиротливо стоял мешок с противогазами, свесив на серый лоб перехваченный проволокой чуб.

– Все ясно: не трогать, – успокаиваю Хозяина.

– Мы не стали это выносить, да и некуда. Но если что, сам понимаешь: полетят одни подметки.

– По-моему, и подметок не будет.

– Ты прав, подметок тоже не будет.

13

Какое счастье – лежать, разбросав руки. Места – море. А не хочешь лежать – можно и не сидеть, сгорбившись, а – ходить! Во дворце целых четыре шага в длину и два в ширину. Расстояние от Москвы до Пекина!

Мгновенно пополняется и песенный репертуар:

*Старость меня дома не застанет,
Я в дороге, я в пути...*

– В плену ты, Коля, – обрывает и мелодию, и мой бег до Пекина Махмуд.

Знаю. Сегодня – два месяца. Очередная дата. Грустно, можно вить, но можно и радоваться – мы же не в «волчке»!

*Скоро осень. За окнами август,
От дождя потемнели кусты...*

Окон нет, смотрим сквозь дверь-решетку на изгиб траншеи, нависшие над ней кусты. Света меньше, чем в предыдущей норе, но все равно значительно больше, чем в деревенском погребе. Все познается в сравнении. Что-то дает и лампа. Нет, жить можно. Жить нужно.

*Я вернусь к тебе, Россия.
Знаю, помнишь ты о сыне.
Брови русы, очи сини:
Я вернусь к тебе, я вернусь к тебе,
Я вернусь к тебе, Россия!*

Устроились быстро: когда есть где крутиться, это ли проблема? Пока не знаем, чем «порадует» очередное убежище, но явных угроз не просматривается. Хотя убеждены, что такого не может быть по жизни, во дворцах всегда существуют потайные двери и привидения. А уж вседозволенность шутов и безукоризненная исполнительность палачей – лебединая песнь любого замка.

Пока перетряхиваем, перебираем, просеиваем сквозь пальцы мусор, сваленный в углу землянки. Успех превзошел все ожидания, находки оказались уникальными: булавка, осколок зеркала, кусок медной проволоки, бечевка, десяток гвоздей, пустая бутылка и скомканная простыня. Ее тут же пустили на салфетку под посуду, полотенце и новую повязку для Махмуда. Нашлось применение и для проволоки, сделавшейся одновременно и иглой, и ниткой: тщательно заштопали ею дыры в носках. А когда-то думали, вот сносим их – и плен закончится. Опять нестыковка по времени. Или, скорее всего, в плену действуют законы, в которых желаниями пленников параграфы не предусмотрены.

В зеркальце, наклонившись к лампе, сначала долго рассматривали самих себя, бородатых и бледных. Затем нашли ему более практическое занятие: острыми краями стачивать ногти. Не осталась без внимания и бутылка.

– Сейчас лампу сделаем, – торжественнее, чем Борис насчет карт, поведал Махмуд. – Но придется жертвовать чаем.

Вылил его в бутылку – наполнилась до половины.

– А надо полностью, под горлышко.

Где брать воду? Посмотрели на «девочку». Беру ее за шиворот, доливаю бутылку. Водитель вздыхает и начинает осторожно вдавливать в горлышко палец. Затем резко вырывает его. С бутылкой никаких превращений не произошло, зато новоявленный Алладин дует на посиневший от усилий безмянный палец. Может, положил бы его, как в детстве, в рот, чтобы успокоить боль, но помнит, в какой раствор окунал. Настырно подставляет будущую лампу – эксперимент не окончен, опустошай «девочку» дальше.

На этот раз после резкого рывка чайный «коктейль» выбивает дно – неровно, обрушивая остатки стекла вместе с собой на пол. Ерунда, закопаем, одну ложку выделили на земляные работы.

От полотенца отрываем полоску, тщательно протираем стекло. Ставим бездонную бутылку на покатые плечи лампы.

Стекло особого света не давало, приятное видение исчезло, а что вроде бы меньше копоты, так-то мелочь. Все мелочь по сравнению со свободой.

А она через решетку, закрытую на цепь, подпертую хорошим дрыном и вновь опутанную белой паутиной растяжек, и не просматривалась. Лишь ветер играл облаком-заслонкой, открывая и закрывая солнечный блик на стенке траншеи.

Единственное разнообразие – баня.

– Почему мыться не проситесь? – впервые без маски подошел один из боевиков. Зеленый берет лихо заломлен, аккуратная борода – вылитый Че Гевара. – Прикинь, сколько без мытья.

Мы вообще-то и на волю не просимся. Водой, которая есть, моем через день ноги, да и то не всю ступню полностью, а только пальцы.

– Туда-сюда, движение. Еще вшей заведете нам. Ночью баня.

Мимо костров, хихикающих боевиков, положив друг другу на плечи руки, слепцами-поводырями идем по тропам и траншеям вниз. Слышим журчание воды.

– Давайте, мойтесь.

Мы – на дне оврага, по которому бежит речка. По берегам – вкруговую автоматчики. На деревянном мостке, окунувшем нос в воду, кусок хозяйственного мыла.

– Можете и постираться, туда-сюда. Только давайте быстрее, делайте движение.

Вода холодная, родниковая. Просчитываю минусы: из холода, не обтертыми, возвращаться в земляную стылость. Да еще без рубах. И с учетом того, что все лето не видели света, не говоря уже о витаминах.

– Смелей, полковник. Прикинь, мы по два-три раза в неделю моемся, не считая того, что подмываемся перед каждым намазом. К Аллаху нужно обращаться чистым, туда-сюда.

Я, что ль, против? Это же прекрасно: после баньки, даже такой, – да к костерку, за чашку горячего чая...

Окунаюсь быстро, вытираюсь пусть и грязным бельем, но насухо. Ребята плещутся дольше. И хотя последним из реки буквально выжижаем Махмуда, первым заболевает Борис. Он вначале пожаловался на ноги, а потом его стало ломать всего. Единственное, чем могли помочь, – сняли с себя и укрыли дополнительным одеялом. И каждый раз капали на мозги охране: Борис болен, болен, болен. Те сочувственно разводили руками: за собой нужно следить самим, туда-сюда, движение. Правда, один раз принесли дополнительно еду днем, а затем передали и несколько таблеток анальгина.

Сам Борис переносил жар и ломоту стоически, стонал лишь во сне. Днем же приговаривал:

– Простуду когда лечат, она заканчивается через семь дней. А если не лечить, то сама проходит через неделю.

Но какой же тяжкой оказалась эта неделя! И я, наверняка и Махмуд невольно «примеряли» болезнь на себя: как станет крутить, в случае чего, нас? Хватит выдержки, элементарных сил перенести простуду? Какими осложнениями она потом аукнется?

Перед ужином загибаю ручки ложек: выгнутую протягиваю Борису, вогнутую оставляю себе, волнообразная достается водителю.

– Это твоя чашка, – отделяю одну пиалушку для больного.

До сегодняшнего дня внимания на личные вещи особо не обращали, да в темноте не очень-то и разберешься с этим, но сегодня... Нам болеть нельзя.

– Гигиена, – зачем-то оправдываюсь.

Только бы Борис ничего не подумал лишнего. С Махмудом легче – тому приказал в юморной форме, и проблем нет. Борис намного тоньше, чувствует глубже, воспринимает острее. Неужели болезнь будет камнем преткновения и вот так незаметно станет делить нас, раздвигать по углам? Нежелательно. Да не то, что нежелательно – недопустимо подобное.

– Все правильно, – неожиданно сразу поддерживает мое решение Борис и сам отодвигает свою посуду подальше от нашей. – Я посплю пока.

Не спит. То мелко трясется от озноба, то постанывает. Встаю, разминаюсь. Умоляю и заклинаю: «Не болеть, не болеть, не болеть»...

Труднее оказалась болезнь Махмуда, свалившая его сразу после второй бани. И хотя нас вывели купаться днем, вода от этого теплее не стала. Борис после болезни уже осторожничал с водой, я учился на чужих ошибках, и мы с ним обмылись с берега. Водитель же запрыгнул в реку, да еще вдобавок вздумал стираться. Долго вертел, оглядывая, плавки, потом понюхал их, скорчил гримасу и забросил как можно дальше на противоположный берег.

А вечером не встал на ужин.

– Эй, перестань. Давай кушай, – требовал от него невозможного Борис.

Не приведи Господь никому болеть вдали от дома. А в неволе – тем паче. С болезнью борешься только сам, вся надежда только на организм. Выдержит? Справится?

А простуда, словно потренировавшись на Борисе и недовольная отрицательным для себя результатом, решила добавить дозу. Более всего Махмуд жаловался на грудь, и, взяв на себя роль медбрата, я объявил Хозяину:

– У него начинается воспаление легких.

Был так категоричен, потому что знал: легкие находятся именно там.

– Мы можем его потерять.

Хозяин вошел в землянку, пощупал горячий лоб больного. Затем взял кусок бечевки, замерил расстояние по голове от уха до уха. Этот же полукруг пропустил под подбородок. Длина оказалась разной, и, сжав голову водителя, охранник принялся сдавливать, уминать «лишнее» около ушей. Мы со страхом смотрели на его ручищи.

– Меня так дед лечил, – авторитетно успокоил боевик.

Ну, если дед и до сих пор жив... Правда, Махмуд больше на голову при нем не жаловался.

– Прикинь: есть два шприца и пенициллина на три укола, – забеспокоился, сообщив о своей заначке, и Че Гевара. – Будете колоться? Туда-сюда, движение создадите.

– Да, – ответил за Махмуда.

– А ты умеешь? – подозрительно глянул тот на меня.

– Нет. Но все равно будем.

– Я не хочу становиться подопытным, – натянул одеяло водитель.

– Несите, – попросил я охранника. – И, если есть, одеколон или спирт. И кусочек ваты.

Мои познания в медицине по сравнению с остальными, как я понял, позволяли ходить мне, если уж не профессором, то кандидатом наук – как минимум. Но ведь и навыки, в самом деле, имелись. Особенно в начале восьмидесятых, когда служил в десантной дивизии в Каунасе и нас «посадили на парашюты», то есть подняли по тревоге в связи с событиями в Польше. Разведрота получила польскую форму, все остальные – боеприпасы, определялись пять аэродромов, на которые планировалось приземление дивизии.

Афганистан в это время шел полным ходом, и больше всего тревогу били медики: наши солдаты умирают там не потому, что получают тяжелые ранения, а оттого, что боятся вида крови и не умеют перевязывать друг друга.

Тревога дошла до командования десантных войск, и нас, будущих «поляков», повели в первую очередь не на стрельбы и вождение, а на медицинскую подготовку. Что солдаты в Афгане – у нас, офицеров, она вызвала шок, когда начмед, подполковник Сердцев, распотрошил индивидуальный пакет и попросил объяснить назначение каждой его части. Особенно булавки, почему-то оказавшейся ржавой.

Не сумели, не угадали. Не то что логики не хватило, а элементарного воображения. А Сердцеву бальзам на его эскулапскую душу. Поднял булавку, как знамя с засохшими пятнами крови на баррикадах:

– Когда осколок или пуля попадают в живот, человека можно положить только на спину. Согласны? От болевого шока мышцы расслабляются, и мы умираем не от самого ранения, а от удушья – язык западает в горло и... – Сердцев посмотрел на притихший зал. – Значит, для чего нужна булавка?

Мы, имевшие сотни парашютных прыжков со всех типов самолетов, днем и ночью, на лес и воду, прошедшие десятки учений, передурили от страха.

– Правильно, – не пощадил нас начмед и вслух произнес то, о чем и подумать-то боялись. – Цепляете булавкой язык к воротнику гимнастерки и после этого можете оставлять раненого одного.

Но и это оказалось еще не все. У каждой профессии есть тонкости, и подполковник с удовольствием поделился ими:

– Только не прокалывайте язык вдоль, по бороздке, хотя это и самое безболезненное место. Если дороги плохие и машину с раненым будет трясти, язык может разорваться на две половинки. Как у удава. Прокалывайте поперек.

Все откровенно передернулись и, наверное, пожелали себе чего угодно, но только не ранения в живот.

Благо, ума хватило не вводить войска в Польшу. Скорее всего, ее спас Афганистан: и доказывать никому не требовалось, что две горячих точки страна не потянет. Так что поляки остались со своей «Солидарностью» и Лехом Валенсой, а вместо наших офицеров по Варшаве разгуливают натовские (это к вопросу о независимости), мы не тронулись из Каунаса (правда, потом все офицеры прошли через Афганистан), а медицину вот вспомнил в чеченском подземелье. Тут же даю себе зарок. Если первую, афганскую войну, прошел нормально, на второй, здесь, попал в плен, то на третьей меня убьют. Значит, на третью я просто не поеду. Если выберусь, конечно, отсюда...

– Не дамся, – запротестовал Махмуд, когда принесли шприц и одеколон. – Ты хоть раз в жизни делал уколы?

– Сыну. Лет пятнадцать назад. Ложись.

– Я стоя.

– А стоя я не могу.

– А у меня плавок нет, – выдал последний аргумент – так сдают противнику последний редут перед поражением, гордо и с сожалением, – Махмуд.

Да разве можно остановить наступающих, когда неприятель хил и болен!

Но, наверно, и в самом деле уколол неумело, потому что водитель застонал:

– Больно же!

– Ему надо потеть и больше пить! – безапелляционно говорю Хозяину и Че Геваре: уж если медик – то медик, а их слушаются все.

Принесли теплое одеяло, сменную футболку и чай. Укутали больно-го с головой – грей себя сам и выкарабкивайся. Очередные уколы любви и уважения его ко мне не прибавили, но вроде начал принимать их как неизбежность. А в конце уже не охал и ахал, а задумался о будущем: шприцем набрал из пузырька одеколон и перелил его в освободившийся флакончик пенициллина. Так что наше хозяйство пополнилось двумя иглами, пузырьком и одеколоном. А насчет сроков болезни прав оказался Борис: когда лечишься – проходит за семь дней, пускаешь на самотек – выкинь неделю. Правда, Махмуда мы продержали на «больничном» чуть дольше, выпрашивая под его болезнь дополнительный чай.

А вот мне не только с горячим чаем, но и с горячей пищей пришлось расстаться до конца плена. Зубная боль словно пульсировала у нас по кругу, ей как бы некуда было деться из ямы, и поэтому переходила от одного к другому. Борис переболел ими быстро, так что следом

подошла моя очередь. Язык тут же отыскал дырку в зубе мудрости, и с этого момента, как ни мерз и ни голодал, берег его пуше глаза. Даже и теплую воду пил, как голубь, наклонив голову набок.

А время застывало. Мы раскачивали его кисельные берега, растакивали взглядами цифры на календарике, дробили сном. Неожиданно вдруг заметили, что к нам стали лучше относиться. Конечно же, все связали с новой надеждой на освобождение, но проза жизни всегда подрубала крылья поэтическим мечтам. Как узнали уже потом, в соседнем отряде захватили в заложники коммерсанта, и он то ли попросил, то ли пригрозил:

– Только не бейте, за меня могут заплатить хороший выкуп.

Улыбнулись:

– И бить будем, и выкуп возьмем.

Случайного удара сапогом в висок хватило, чтобы коммерсант лишился жизни, а боевики – выкупа.

Вот так невольно, на чужом несчастье, и выживали – от нас тут же убрали всех «бешеных», которые били Бориса только за то, что он «Ельцин», а меня – и просто так. Потому что скучно. И полковник, русак.

К сожалению, все это не убавляло времени, не заставляло его вернуться быстрее. Часы и минуты мы объявили главным своим врагом. Вернее, сначала я объявил водителю, что отныне он старший в группе, то есть Махмуд-апа. Тот в ответном слове превознес меня в «блиндаж-баши», но как пели по вечерам у костра под расстроенную гитару боевики, так и продолжали тянуть вместе с бесконечной песней – проклятием России – и наш пленный мотив.

И так же нескончаемо шли дожди, непрерывно работал «Град». Иногда ради интереса ждали: кто быстрее устанет – природа или творение рук человеческих – ракетная установка с внушительным погодным названием?

Первой уставала, сдавалась природа. И тогда солнце, уже слабеющее под осень, с усилием раздвигало в тучах щель и любопытно оглядывало землю: что новенького произошло без меня в чеченской войне?

О новом узнали почти сразу.

– Грозный взяли.

– Когда?

– Неделю назад.

– Так «Град» бьет по городу?

– По нему. Но Басаев сказал, что теперь никогда не уйдет из него.

Лично мне стало грустно и совестно. Не принимал эту войну с самого начала, в плену научился ее ненавидеть, а все равно кольнуло: сдать город! Армия, Россия не смогли удержать перед боевиками один город! Или опять идут политические игрища и Грозный не думали удерживать?

Бедные солдаты. Несчастливые жители. Клубок подлости и глупости, отчаяния и безнадежности, горя и самоотверженности...

Вспомнилось здание с раненым колобком. После недельной бомбежки вряд ли осталась в живых даже лиса, будь она хоть трижды хи-

трой. А что с жителями? И в конце концов, а точнее, перво-наперво: кто станет заниматься нами, если из Грозного ушли войска и власть?

– Что, полковник, грустишь? Жалеешь, что Грозный потерял?

Соврал:

– Да нет, о своем.

– Мы тоже думаем о своем: все блокпосты ваши окружены, вот решаем, что с ними делать. Или голодом морить, или расстрелять, или выпустить...

Из рассказа полковника налоговой полиции Е. Расходчикова:

Когда город отошел к боевикам, а слухи о взятии Грозного ходили за неделю до штурма, у нас оборвались все связи и наработки по вашему освобождению. Ведь действовали-то в контакте с местной ФСБ, их посредниками. Ничего не оставалось делать, как возвращаться назад, в Москву. И начинать все сначала.

Только и Москва не могла ответить на сотни вопросов, и главные из них – где вы, у кого и, вообще – живы ли? И азарт уже пошел, заработало чисто профессиональное самолюбие: неужели не вытащим?

Где-то через неделю прошусь на прием к Алмазову. «Сергей Николаевич, надо лететь обратно в Чечню. Из Москвы мы его не вытащим. Разрешите?» Вижу, что волнуется, любой исход, а печальный, в первую очередь, ляжет ведь на его плечи. «Кого хотите взять с собой?» – «Геннадия Нисифорова» – «Он в командировке в Тамбове» – «Завтра утром будет здесь, вечером вылетим». Не позавидуешь начальникам, когда им приходится отдавать приказы, связанные с риском для подчиненных. «Давайте, действуйте. Разрешаю принимать любое решение, исходя из ситуации. Только осторожнее. Если еще пропадете и вы...»

Так снова оказались с Геннадием в Чечне. Мы ее прошли с самого начала боевых действий, знали друг друга настолько, что на рискованные мероприятия, «стрелки» – встречи с бандитами – ходили по одному: если что-то случится, допустим, со мной, Гена будет знать, каким образом и где меня вытаскивать. Точно так же он надеялся на меня.

В Грозный дорожка нам, конечно, оказалась закрыта. Стали подбираться к командирам отрядов самостоятельно, без посредников, которые частенько ради своей выгоды искажали информацию, задерживали ее. Ходили, конечно, в рванье, чтобы не привлекать особого внимания, ни о каких средствах связи или охране не могло быть и речи. Тем не менее, по старым связям удалось выйти на главаря, который вас захватил. Он представился Рамзаном. С ехидцей посмотрел на меня:

– А ты не из налоговой полиции. Наверняка из ФСБ.

– Да, я бывший комитетчик. Более того, из «Альфы». Ну и что из этого?

– Вот тебя бы взять. Мечта жизни.

– Но это нужно еще попробовать.

– Ладно, давай попробуем поработать по Иванову. Ты уважаешь мои интересы, я попробую уважить ваши.

- Но Иванов жив? Мы не пустышку тянем?
- Жив. Даже что-то пишет, недавно листки отобрали.
- Мне нужно подтверждение, что он жив на сегодняшний день. И с этого момента начнем работу.
- Будет тебе подтверждение. Но только он давно уже не у меня.

14

Заметил: я перестал подходить к двери. Слишком тяжело возвращаться обратно в темноту. Я пресытился ею, а переполняясь, привыкаю. И больше уже раздражает не она, а недоступный свет, проблески неба сквозь листву, паутинные компакт-диски, лазурно отсвечивающие на мокром солнце. Мы становились с ног на голову и привыкали к этой позе. И последний штрих: раньше думал – когда выйду, а теперь – лишь бы выйти...

В блиндаже намного глуше все звуки, и постепенно отучились вслушиваться и в жизнь за решеткой. Зато, выставляя однажды на салфетку пиалушки, вдруг замер: на всех трех донышках чернели цифры «13». Грешным делом подумал на Махмуда: парень готовит сюрприз. Но краска оказалась заводской.

– Мужики, – приглашаю на смотрины.

Они глядят на цифры и мысленно решают, как отнестись к открытию. Пиалы нам выдали в деревне, перед самым началом послевыборной войны. И после них накатилось...

Определяюсь первым:

– Я из своей больше не пью.

– Ерунда, – пожимает плечами Махмуд. – У нас в семье тринадцать детей. И ничего.

– А у меня дочь родилась тринадцатого, – не признает примету и Борис.

Больше не заостряем на этом внимание, расходимся по своим углам. Мне что, я пью остывший чай, а для него и стеклянная банка стодится. А чашке, да еще с таким номером, нашлось лучшее применение.

Поначалу нас донимали бурундуки, бегающие вниз головой по потолку и прибитым одеялам. Кроме топота и писка надоедали тем, что воровали остатки хлеба. Его, в конце концов, начали подвязывать на проволоке, но нашествие ожидалось с другой стороны. Мышей.

– Махмуд, ты выпускал кого наших? – специально интересуюсь, глядя, как по траншее к решетке движется рывками серый комочек.

– Нет.

– Кыш, – пугаю непрошенную гостью. – У нас своих полно.

Дважды подползали змееныши. Память мгновенно выдала все, что знал о них: они глухи, понимают только постукивание, на место гибели детеныша обязательно приползет мать.

Стучу по стене, заставляю змей изогнуться и ползти обратно. А в глазах долго стоит лоснящаяся узкая лента, и это приучает осторожнее подходить к двери, тщательно перетряхивать перед сном постель.

Принялись донимать и жабы. Первым заорал лежавший с краю Махмуд, когда огромная жирная раскоряка прыгнула со второго яруса ему на лоб. Тут и пригодилась поначалу пиала. Накрываю ею лягушек, подсовываю под них картон, несую добычу к двери, вытряхиваю в щель. Но лягушкам легче вернуться обратно, чем скакать по ступеням вверх, и некоторых приходится ловить по нескольку раз. Самых настырных и жирных трясую в западне, вправляя мозги. Вроде доходит, в какую сторону скакать.

А вот мыши... Эти оказались наглее, чем интердевочки с русскими клиентами.

В итоге картина.

Я, полковник налоговой полиции, первый вице-президент Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов, лауреат литературных премий имени Н. Островского и М. Булгакова, кавалер ордена «За службу Родине» III степени и медали «За отвагу», писатель, бывший главный редактор журнала «Советский воин», – теперь просто пленный, ловлю мышей.

В руках у меня веревка, связанная из тряпичных лоскутков. Она тянется к палочке, на которой одним краем стоит пиала. Под ней – кусочек хлеба.

Так вообще-то ловят птиц, это – силоч. Но мыши начали устраивать такой кавардак, ночью преспокойно бегают по головам, залезают под одеяло, что становится ясно: выживем или мы, или они. Бурундуки со своими выходками кажутся мелкими дошколятами.

В блиндаже достаточно темно, но черно-серые комочки теней, приближающиеся к приманке, отмечаются сразу. Не успела первая мышь просунуть голову под пиалу, дергаю веревку. Мой тринадцатый номер подскакивает, мышь отпрыгивает – эксперимент не удался. Анализирую ошибки: надо уменьшить высоту подставки, а веревку привязывать не за середину, а за самый низ палки. Вновь замираю.

Черта с два! Мышь успевает выбить лапой хлеб и вместе с ним скрывается под нарами, в минном поле. Беру кусок побольше, запикиваю в самую глубину мышеловки. Еще несколько минут в ожидании – и удача!

Вытащить из-под пиалы первую «рыбку» помогает Махмуд. Он вертит по кругу пиалу, а я высматриваю, где мелькнет хвост. За него-то и извлекаю на свет божий конкурента на блиндаж. Мышь висит обреченно, даже не сопротивляется и не борется за жизнь. А может, не верит, что нашелся кто-то, кто способен противостоять их массовому набегу.

Борис категорически против насилия.

– Будешь убивать?

– А что предлагаешь ты?

Кажется, он готов терпеть и то, что ему станут грызть пальцы и уши.

Берегу его нервы, да и сам вроде не изверг: первую добычу опускаю в банку живьем. Через минуту пожалел о сделанном: мышь беспрерывно скребется, рвется на волю.

Обрываю все: свое уступничество, безнадежные попытки баночной пленницы. Беру ее за хвостик и бью об пол. Да, так. Да, я такой. И не собираюсь уступать ни им, ни жабам, ни змеям. Кто-то же должен посмотреть реально и сказать: они, как разносчики инфекций, – еще большая опасность, чем боевики.

Убеждаю так себя, а самому все равно совестно перед Борисом. Вот попался на мою голову сокамерник! Конечно, он благороднее, он не стал надевать халат трубочиста и мусорщика. И теперь любые сравнения не в мою пользу...

Однако через сутки перед сном Борис сам неожиданно спрашивает:

– А сегодня мышей ловить не собираешься? Вчера, по крайней мере, спали спокойнее.

А в первую ночь, когда заболели от напряжения глаза, в банке было отловлено двенадцать штук. Скорее всего, они-то и были самые наглые, потому что эту ночь мы и в самом деле спали спокойно.

Утром охрана выпросила ночную добычу:

– Привяжем за хвосты к дереву и потренируемся в стрельбе.

Когда счет перевалил за пятьдесят, я перестал считать свои «уловы». И выносил их на улицу сам, когда выводили в туалет.

Август ознаменовался еще одним важнейшим событием. Наши – в смысле отряд, который держал нас, – при штурме Грозного захватил продовольственный склад, и однажды к нашему блиндажу подогнали грузовик.

– Становись цепочкой, – приказал Хозяин.

Вниз полетели ящики. Запихивали их во все углы, выстраивали штабелями, с грустью отмечая, как сжимается пространство.

– Вы как ослики, – посмеялся Хозяин, глядя на нас, худых, шатающихся под тяжестью коробок.

Ладно, посмотрим, как эти ослики станут сегодня ужинать. Жаль, в коробках только закуска «Новинка» – рис с болгарским перцем. А вы, будь пошустрее, могли бы захватить и что получше – тушенку там, сгущенное молоко, консервы. Или слабо оказалось?

Но это я с жиру. Сидя на горе с едой. Жаль одного: коробки сократили расстояние от Пекина до Мытищ, а те оказались в полутора шагах от Москвы.

– Я знаю, ты против, – упреждая Бориса, вытаскиваю банку закуски. – Но лично я строить из себя благородного не собираюсь. И героически истощаться, сидя на еде, тоже. И вам не советую.

Мы давно жуем одну пустую гречку. Правда, накануне Че Гевара пошутит:

– Прикинь, что будете: мясо, гречку, макароны?

– Это меню? – поддерживаю тон.

– Меню. И тебя.

– Тогда гречку с мясом.

Засмеялся, ушел. Но принес-таки именно заказанное! Однако и это оказалось не все. Уже совсем поздно, когда Борис видел второй сон, у входа затопали:

– Махмуд, держи.

Водитель протянул в темноту руку и тут же отдернул ее, роняя что-то на пол.

– Ты что, шашлык ни разу в руках не держал? – удивился невидимый Че Гевара.

– Просто не ожидали.

– Писатель, не забудь: мы дали мясо, туда-сюда, движение.

Не забуду. Ни хорошего, ни плохого. Многие пытаюсь понять, простить. Но, мысленно ставя себя на место боевиков, твердо убежден: никогда бы не стал держать человека под землей...

И вот под землю, в наш бункер, сгружают машину закуски. Открывая банку, оправдываю себя перед Борисом, словно ему определено быть нашей совестью:

– За тебя сколько запросили?

– Миллиард.

– Сколько банка закуски стоит?

Тот понимает смысл вопросов, они неприятны ему: лучше бы я все делал молча. Но выживать мы должны вместе. Или все же стоически держаться благородства? Ударили по одной щеке, подставь другую! Понимаю, как красиво было бы отвернуться от коробок. Но кому и что докажем? Самим себе? А может, самим себе как раз и надо помочь выстоять. Вне сомнений, прекрасней выглядело бы, возьми кто-то другой на себя эту неблагородную миссию по открыванию банок. Тогда вроде можно и кушать, и не потерять достоинства. Но где они, эти рыцари? Борису и Махмуду легче, они ждут действий от меня, я для них, кажется, уже давно на задворках совести. Но пусть тогда откажутся от еды...

И все-таки хочу оставить последнее слово за собой.

– А как ты думаешь, что делают сейчас твои родные? Мне кажется, боевики поступают сейчас с ними очень благородно: сами предлагают снизить цену, помогают в сборе денег, успокаивают. А потом, если вдруг выйдем, станут присылать нам на лекарство.

Все, хватит. Вижу, что достаточно.

Пригодились, наконец, и гвозди. Самым крупным продираю бороздку в крышке. Ее саму тут же определяю в ножи, а на еду хоть и сдержанно, но набросились. Все втроем. И слава Богу.

О, краснодарский завод по изготовлению «Новинки»! Где твоя книга отзывов и предложений! Пусть сдохнут от зависти «Макдоналдсы» и «Биг Маки». Ты знаешь, как вылизываются досуха твои банки. Хорошо, что и война готовилась долгая, и блокпосты запаслись продуктами...

– Еще? – разошелся теперь Махмуд.

– Открывай, – поддерживает Борис. Скорее меня, чем водителя.

Наедаемся. Вволю. Впервые за плен. Но, чтобы снять все недомолвки, сам говорю вечером Хозяину:

– Мы тут попробовали банку закуски...

– Ну. И правильно. Все равно все не съедите. Все не хотелось бы съесть: слишком много. На слишком долго. Да и изжога началась уже на третий день...

За радостями желудочными забыли о войне. А она исчезала вместе с летом, которое оставляло себе на память брошенные вдоль дорог ленты окровавленных бинтов и разорванных танковых траков, начинающие ржаветь медные терриконы гильз, подточенные первыми дождями окопы. Обглоданные собаками трупы. Переломанные взрывами мосты. И в этих остатках и ошметках войны оставались и мы.

Да, мы переходили в осень. Мы, невиновно виноватые, оставались среди сгоревших сел и разрушенных городов-сталинградов. Среди кишящих боевиками и шакалами лесов, среди черных лицами и платками чеченских матерей. Среди безусых парней, мечтающих о бородах «а-ля Шамиль Басаев», рвущихся в бой за Грозный, но оставленных командиром сторожить нас. А вечерами у бездымных костров певших старинную песню под расстроенную, перехваченную лейкопластырем, словно бинтами, гитару:

«Аллах велик, Аллах со мною».

И с этим именем не раз

Точил кинжал, готовясь к бою,

Войной не сломленный Кавказ.

Но война уже сделала воинами и их, вчерашних школьников. И когда из Грозного приехали те, кто брал город, они вместе со всеми подняли вверх автоматы и заставили их дергаться в своих руках, выплескивая смертоносный огонь в серое, тихое без «вертушек» небо – салют победе и тем, кто ее добывал. А также:

– Аллаху акбар!

Но война умирала нехотя. Она сопротивлялась днем короткими, а ночью длинными очередями крупнокалиберных «красавчиков» на несдавшихся блокпостах. Им с запозданием, в раздумье, словно детские потягушеньки после сна, начинала подыгрывать артиллерия, но уже не по площадям, как раньше, а в какую-то одну подозрительную точку. И скорее ради того, чтобы расстрелять снаряды, не тащить их за собой домой с войны.

Иногда по ночам, словно заблудившись в незнакомом небе, искали в лабиринтах созвездий выход из войны вертолеты.

Но уже стоял на чеченских дорогах гул иных «ниточек» – это бронеколонны вытягивались острием на север, сматывая вслед за собой полевые кухни, штабы, посты прикрытия, медбаты – арьергарды. Война

уползала, сжималась по дорогам, как щупальцы спрута, инстинктивно пытаюсь сохранить саму себя хотя бы в зародыше.

– Все, войне конец, войска выводят, – радовались и сами не верили в случившееся боевики. – В России нашелся один мужик – Лебедь, который пообещал прекратить войну и сдержал слово. Ему и Ковалеву мы поставим в центре Грозного золотые памятники за то, что помогли нам, – перевозили двух российских политиков-антиподов.

А мной опять овладевали противоречивые чувства. Вроде с исчезновением опасности погибнуть под собственными снарядами увеличивался шанс остаться в живых. Но одновременно с этим удлинялся и срок плена: не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, насколько осложнятся наши поиски. А каково сейчас родственникам пленных? Когда войска находились в Чечне, еще была какая-то надежда на помощь армии, МВД. Теперь все условия по освобождению пленных полностью переходят к боевикам...

К счастью, я ошибся. Оставались люди, которые не признавали повелительного понукания Чечни.

Из рассказа начальника Следственного управления генерал-майора налоговой полиции В. Лескова:

Мы отработали все зацепки, все возможные варианты вашего освобождения. Один из них, оказавшийся потом основным, возник спонтанно: просмотреть все просьбы противоположной стороны – официальные и неофициальные – по освобождению задержанных чеченцев.

На ваше счастье и общий успех, в списках мелькнуло село, около которого произошло ваше пленение. Больше того главарь банды, которая вас захватила, оказался родом из этого же района. Подумали: а что, если родственники задержанного парня, назовем его Муса, сами надавят на соседнее село и главаря? В Чечне уважают пожелания соседней, может, работает и здесь?

Проверили данные по Мусе – ни громких дел, ни убийств, ни насилия, ни участия в боевых действиях. Руководство ФСНП обратилось в Генеральную прокуратуру просим рассмотреть возможность обмена Мусы на нашего офицера. Следователи налоговой полиции приступили к оформлению необходимых документов...

И до чего неожиданны оказываются превратности судьбы!

Следователь Краснопресненской прокуратуры, который вел дело Мусы, фактически отказался выполнять распоряжение своего руководства, не допуская налоговых полицейских до подопечного.

– Мы здесь их ловим, ведем следствие, а кто-то ради кого-то начинает строить игры. Не получится!

Понять майора было несложно: в Москве прогремели первые взрывы «чеченского возмездия», и, хотя Муса к ним никаким образом отношения не имел, прокуратура настраивалась очень решительно. Дело дошло до того, что к следственному изолятору, в котором находился Муса, наши оперативники вынуждены были приезжать в сопровождении вооруженной физзащиты.

– Не отдам, – упирался следователь.
– Пойми, что это одна из немногих реальных возможностей освободить Иванова. Что тянешь резину, все равно ведь прикажут отдать.
– Погодите, какого Иванова?
– Нашего сотрудника.
– Дайте бумаги. У меня земляк, тоже Иванов, сидит в Чечне в плену. Ну-ка, ну-ка... Точно, он!

С Николаем мы жили на соседних улицах, учились в одной школе. Так что жизненные перипетии всегда богаче и неожиданнее любого вымысла. Конечно, отдал бы он Мусу и без этого, но здесь уже не то что препятствовать, а помогать стал в оформлении необходимых бумаг.

– Николай, ну что твои в полиции молчат? Почему нет вестей? – с надеждой глядели ребята.

– Мужики, если нет вестей, это не значит, что ничего не делается. Что-то наверняка крутится, просто мы не знаем об этом. Нам остается только ждать.

Известий дождался в последний день августа, днем. Нам открыли дверь: выходи. Хотели надеть повязки, опять отмашка: не надо. Сердце, притуплённое бесконечным ожиданием, вновь встрепенулось: куда и почему без повязок?

Разрешили подняться только на ступеньки блиндажа. Солнце, которого мы не видели два с половиной месяца, пробилось сквозь листву и уставилось на нас – даже не бледных, а каких-то желтых, – что еще за чудовища, почему я не замечало их раньше на земле?

Но сильнее солнца нас удивило появление у землянки Непримиримого. То, что он продал нас в другой отряд, об этом догадались давно, но, поди ж ты, сидит на корточках над траншеей хозяином, усмехается нашему виду. Рядом с ним, ковыряясь ножом в зубах, примостился «поплывший» наркоша.

– Живы еще? Полковник, а туфли твои я сносил.

Пожимаю плечами: что туфли, когда не знаем, зачем появился и почему разрешили подняться на свет без повязок. Ему – туфли, мне – тапочки. Белые. Так легли карты...

– Домой хотите?

А он сам в подземную тюрьму хочет? Два вопроса, ответ на которые и спрашивать не нужно.

– Короче, надо написать, что вы живы и доверяете мне заняться вашей судьбой. Через неделю будете дома.

Верить? Слишком боязно. Слишком конкретная дата.

Кошусь на ребят. Они обрадовались появлению старого знакомого откровенно, у меня же – тревога. Симпатии у нас с Непримиримым друг к другу никакой, но выхода нет, пишу: «Доверяю...»

– Все, по местам. Ждите.

Загоняют обратно в землянку. Лампа горит, но после света ничего не видим. На ощупь усаживаемся на нары, переосмысливаем новость.

Обсасываем ее, вспоминаем, с какой интонацией произносилось то или иное слово. А всего-то произнеслась одна фраза:

– Через неделю будете дома.

Уверовали. Готовы верить в это, только в это и ни во что больше. Даже календарик на сентябрь не рисуем – зачем, если к седьмому числу окажемся дома. Как раз день рождения моего старшего брата. Успею поздравить и помочь родителям выкопать картошку.

15

Облом. Ни через неделю, ни через две, ни дальше свобода даже и не заглянула в наше подземелье.

И начало осени ничем особо не выделилось. Лишь поблизости от землянки кто-то сгребал в траншее опавшие листья. Коричневый листок, словно декоративная рыбка крутился на паутинке перед нашей дверью. Потом, когда на кусты у входа набросили масксеть и на ее зеленые разводы стали падать желтые дубовые вырезы, поняли: что-то не получается и у Непримиримого.

Сам он больше не появлялся, давно исчез и Боксер. Кроме Хозяина и Че Гевары к нашему вольеру допустили молодежь – Младшего Брата, Крепыша, Чикку, Литератора. Последний запомнился не только прекрасным знанием поэзии Пушкина и Лермонтова, собственными неплохими стихами, но и фразой:

– Россия испокон веков имела хороших писателей и плохих политиков. И писатели создавали замечательные книги как раз о бездарных правителях.

А нам что те, что другие: не кормили и не грели. Мы элементарно замерзали. Даже щепоть соли, поначалу растекавшаяся от сырости, больше не расплзлась маслянистым пятном. Сохраняя остатки тепла, стали занавешивать одеялом дверь и днем. Темнее, но другого выхода не видели.

– Чего закрываетесь? – слово в слово, как перед этим у комариной ямы, поинтересовалась охрана.

Наш ответ оказался более оригинальным:

– Стынем.

– Водку будете? – вдруг предложил Хозяин первейший способ обогрева.

Еще не выпивали, а дыхание перехватило.

– Приходил в гости парень, принес две баночки «Асланова». А мы в отряде на Коране поклялись не пить, не колотья наркотой и не курить ее. – Правда, тут же поторопился уточнить: – Не на всю жизнь, конечно, а пока до конца войны.

Соврал Хозяин насчет парня – через несколько дней охранники сами и рассказали, что банки нашли в загашнике у одного из боевиков. За что и получил свои первые сорок палок.

- А как их бьют? – неосторожно поинтересовался у Че Гевары.
- Хочешь попробовать? Обеспечим. Туда-сюда, движение.
- Нет-нет, я готов запомнить на словах.

Сошлись на последнем варианте. Узнаю, что за первую провинность человек получает сорок палок, за вторую – восемьдесят, попался в третий раз – сто двадцать. Палка выбирается в толщину мизинца того человека, который бьет. Его самого определяет пострадавший. Дружеское участие здесь не проходит: если замечается, что исполнитель щадит потерпевшего и не особо рьяно выполняет обязанности, его вправе самого положить на скамью под удары. Бить дозволяется от шеи до подколенок, на теле возможен один слой одежды.

Не хочу ни законов шариата, ни мусульманства, ни средневековья. И от водки не отказываемся. Не пить ее можно на воле, когда достаточно продуктов и витаминов. А ради профилактики рекомендуют даже врачи.

За прошедшее лето, за будущие хорошие вести, за первый класс, в который пошла доченька Бориса, и разлили первую банку. Вторую оставили на растирку, лечение зубов и на иные пожарные случаи. Здесь я скрягой слыл отменным: если удавалось выпросить головку чеснока или лука, делил ее на два-три дня.

– Да тут есть нечего. Может, завтра выйдем, и ради чего оставлять, – кошкой на недоступную мышь глядел Махмуд на белые кусочки лука.

- Вот перед выходом и съедим.
- И где ты научился такому скряжеству?
- Живу я долго.

А если честно, то это афганская война преподнесла свои уроки по выживанию. Там, например, последний глоток воды позволяли себе выпить лишь перед самым возвращением в лагерь, когда уже никакой вводной не могло последовать. А пуще глаз берегли даже не воду, а боеприпасы. С ними, кстати, страшнее всего и расставаться в бою. Однажды только приходилось мне пробиваться из окружения душманов. И не пробиваться даже, а выползать на спине по арыку. «Духи» стреляли по нашей разведгруппе из узких окошек, но высокие дувалы прикрывали расположенный по центру улочки арык. «Мертвой зоны» хватало как раз на то, чтобы ползти, не поднимая головы.

Толкались пятками и плыли в вонючей воде-жиже, стреляя по окнам-бойницам и не давая противнику высунуться побольше. Тогда и услышал сзади голос одного лейтенанта:

– Николай, у меня патроны кончились. Дай «рожок».

Оторвать от себя магазин с патронами, когда неизвестно, что ждет впереди?!

– Коля, дай патроны.

Ползу, не слышу.

– Выручи, дай «рожок»! – в голосе уже не просьба, а страх.

Проклиная все на свете, отдал. И впервые тогда вытащил из под-сумка гранату, приладил в кармашке на груди. Примерился, как рвать кольцо...

Потому и говорю, что живу долго.

На войне, в бою страшно умолкнувшее в твоих руках оружие. В плену, когда не бьют и не расстреливают, – голод и холод.

А сентябрьские ночи становились все длиннее и холоднее. Правда, в туалет стали выводить без повязок, и мы увидели луну, звезды. Ничего в мире не изменится, если вдруг пропадем на какое-то время или даже навсегда...

А однажды вдруг что-то огненное поплыло среди деревьев в направлении землянки. Вернувшись в нее, не поверили глазам, но почувствовали телом – на полу дышала жаром высыпанная лопата углей из-под костра.

– Так теплее? – довольно переспросил Хозяин.

– А можно и утром приносить? – побежал я опять впереди паровоза, желая сделать обязательной хотя бы ночную порцию жара.

– Посмотрим, – как всегда, ничего не пообещал конкретно Хозяин.

Сам он после посещения Грозного пребывал в мрачном расположении духа. Там его десятки раз останавливали, проверяли документы и требовали разрешение на ношение оружия.

– Да я автомат за собственные деньги купил и никогда никому его не сдам. А где они были, когда я два года воевал в горах? – попытался даже у нас найти он сочувствие. – Пovyлезли из щелей все герои с бородами и на машинах. Да если бы нас было столько, сколько сейчас шляется с автоматами по Грозному, мы бы давно победили.

– Хреново, – не сдержался Борис, когда остались одни. – Если начнутся разборки между отрядами за власть, не оказаться бы между ними. Видели, как раздражены?

Да, охрана своего недовольства уже не скрывала.

– Вы хоть знаете, за что сидите, – сказал Че Гевара совсем неожиданное. – А за что я торчу здесь с вами?

И совсем тоскливо стало, когда он вытащил из-под нар противопехотные мины и принялся устанавливать их на ступеньках блиндажа. На наш молчаливый вопрос, зачем это делать у нас на глазах, пояснил:

– Это от своих. Слишком много народа хочет вас занять для собственных целей.

Не все гладко и пристойно, оказывается, шло в чеченском королевстве после победы.

Из рассказа генерал-майора налоговой полиции А. Пржездомского:

Занявшись проработкой вашего освобождения через обмен, не оставляли и другие варианты, чтобы в случае неудачи не остаться у разбитого корыта и начинать работу с нуля. По оперативно-розыскным каналам через третьих лиц вышли на руководство оппозиции. По их приказу проверились все тюрьмы, сверены списки пленных, допрошены

полевые командиры. Итог оказался неутешительным: полковник Иванов нигде не числился и не значился. По слухам, которые тут же запустили ваши тюремщики, вы были расстреляны первого сентября.

Сообщение об этом, конечно, передали группе Расходчикова, но поиск решили не прекращать. Надеялись, что это блеф.

Блеф не блеф, а в середине сентября меня вывели из землянки одного.

– Переписывай, – незнакомый худощавый мужчина лет сорока протянул листок.

«Вот уже три месяца я нахожусь в плену у чеченских народных мстителей. Как полковника меня приговорили к расстрелу... За мое освобождение требуют 500 тысяч долларов, срок поставлен до ноября. Потом они расстреляют меня...»

– Такую сумму за меня никто не заплатит, бесполезно, – отодвигаю листок, хотя в нем – моя жизнь. Пусть и отмеренная до ноября.

– А это тебя не должно волновать.

Меня-то как раз и волнует. Если в полиции зарплату выдают с задержкой, о каких сотнях тысяч долларов может идти речь! И где Непримиримый с его обещанием все закончить за неделю? Знает ли он о новом условии? До ноября – полтора месяца...

– Пиши на имя жены.

Жены?

– Но вы сами подумайте, как я могу написать жене о своем расстреле? Поймите ее состояние, когда прочтет записку. Тем более с невыполнимыми условиями.

– Много разговариваешь. А не станешь писать, мы сами сообщим ей такое, отчего она на коленях поползет через всю Москву в налоговую полицию. В это веришь?

Верю.

Прикрываю глаза. Не хочу ничего видеть. Почему это не сон! Быть в плену в собственной стране...

– Да ты и сам висишь на волоске, полковник, – не дает забыть от реальности посланец. – Недавно погибли двое из нашего отряда, кстати, которые брали тебя, – нервно заходил туда-сюда. – Село требует отмщения. От нас. Потому что оно нас кормит и греет. И мы обязаны учитывать их настроение. Двух офицеров отвезли им на растерзание, головы им отрубили на виду у всего села. Но они требуют минимум полковника. Тебя. И если твои не будут шевелиться, мне твоей башки тем более не жалко. Отвезу и брошу под ноги родственникам погибших. Выбирай.

Остановился напротив, руку положил на отполированную изогнутую спинку пистолета, торчащего из кобуры на ремне.

– Но жена ничего не решит, вы ведь понимаете. Может, я напишу это письмо директору, а жене сделаю приписку, чтобы отнесла в налоговую полицию.

Тут уже не знаешь, что лучше для семьи: получить сообщение, что меня только собираются расстрелять, или о самом расстреле...

Разрешили: пиши на имя директора.

Радуюсь, насколько можно в моем состоянии, официальному тону записки: в полиции вряд ли поверят, что я мог самостоятельно родить фразы про народных мстителей. Боюсь, чтобы не сложилось мнение, будто я из плена командую своими генералами. И записку жене дописываю более спокойным, раскованным тоном. Интонация должна сработать: пусть не опускают руки, пусть поймут, что я держусь и надеюсь.

– У нас нет таких крутых телефонов, чтобы зачитать письмо. На хвост наверняка сядут. Отвезем лично.

Из рассказа заместителя директора ФСНП генерал-лейтенанта налоговой полиции Ю. Чичелова:

Письмо пришло по почте из Моздока второго октября, обратный адрес – «от тети». Хотя условия ставились жесткие, мы несколько обрадовались дате под запиской – 18 сентября. У нас ведь непрерывно шла информация, что вы расстреляны первого числа. Отправили записку графологам, те подтвердили, что почерк ваш. Значит, жив.

Вышли на Расходчикова, тот в запарке: Рамзан юлит, не является на «стрелки». Принимает решение: Мусу, которого Генпрокуратура разрешила использовать для обмена, вывезти во Владикавказ, чтобы находился под рукой и в любой момент мог участвовать в операции.

А у нас в налоговой полиции стихийно приступили к сбору денег. Офицеры, прапорщики оставляли себе из зарплаты по сто тысяч, остальное несли в общую казну, на возможный выкуп. Удивительный экзамен на нравственность, сплоченность. Приехал и директор издательства «ЭКСМО», где печатались ваши последние книги, привез определенную сумму. А больше всего в этом плане сделал, конечно, директор управления по городу Москве генерал-лейтенант Добрушкин.

Собранные деньги не понадобились, их вернули людям обратно, но этот человеческий порыв... Он многого стоит. И даже не в деньгах дело. Сотрудники поверили, ощутили: случись вдруг что-либо подобное с ними, их тоже не оставят в беде, станут бороться до последнего.

Конечно, кроме меня у налоговой полиции России и ее руководства существовали еще десятки и сотни проблем, порой более важных и животрепещущих. Если брать лишь криминальную сторону, то подразделениями собственной безопасности в том моем «пленном» году выявлено около 1 000 посягательств на жизнь и здоровье наших сотрудников, 500 фактов угроз и шантажа, более 100 случаев нападения и нанесения телесных повреждений, 44 поджога, взрыва и порчи имущества. От рук киллеров погибло 4 полицейских. О многом говорят и другие цифры: пресечено 142 случая целенаправленного внедрения представителей преступного мира в налоговую полицию и инспекцию и 44 попытки вербовки наших сотрудников.

В то же время на каждый вложенный в налоговую полицию рубль полицейские возвращали казне 46 рублей дохода.

И будни: в Госдуме борьба за Налоговый кодекс, в правительстве – за финансирование самой налоговой полиции. Оперативники добывали

информацию о преступной деятельности всевозможных махинаторов, аналитики высчитывали пути развития «теневого» бизнеса, управление налоговых проверок корпело над томами или ювелирно подогнанных криминальных документов, или, наоборот, совершенно бездарных и бессистемно заполненных документов. В то же время полковнику налоговой полиции из физзащиты Александру Карелину, семикратному чемпиону мира, девятикратному чемпиону Европы и трехкратному Олимпийских игр, Указом Президента присваивается звание Героя России. Открывается Академия налоговой полиции, где впервые начинают готовить налоговых сыщиков.

Жизнь продолжалась...

А мы, как над своей судьбой, сидели над углями. Они пульсируют красноватыми жаркими толчками, но остывающий пепел погребает под собою угли все больше и больше. Ворошить нельзя, тепло уйдет быстрее. Пусть лучше жар-жизнь держится внутри: не так жарко, но дольше сохраняется.

Собственно, все как у нас. У нас тоже время работает в отрицательную сторону. А у меня к тому же пошел календарь обратного счета – от ноября. В какие-то моменты хочется, чтобы злополучный месяц подошел быстрее: если суждено, то и пусть все закончится...

– Эй, ты что, – теревит меня Борис. – Давай лучше про кого-нибудь поспорим. Про Ленина. Я считаю, что он гад и сволочь. А ты, конечно, против.

– Против. Я не хочу признавать только черное и белое. Есть полутона, – говорю о человеке, а подразумеваю чеченскую войну, из-за которой мы здесь. Не все ведь чеченцы виноваты в ней...

– Ты не выкручивайся. Вы все, так называемые патриоты-державники никогда не говорите открыто и прямо. Все лазейки ищите.

– Это не лазейки. И я не «так называемый». Да, я не хочу делить людей на категории, а Ленина тем более. Чем-то человек нравится, чем-то отталкивает. Так всегда.

– Лукавишь, все время лукавишь. Человек или может нравиться, или нет. Ему доверяешь – или нет. Любишь – или ненавидишь. А вы, коммунисты, перевернули все с ног на голову.

– Коммунистом, насколько мне известно, был и ты. И мне кажется, что кожаные куртки, которые ты так ненавидишь и которые в тридцатых годах расстреливали людей, появлялись как раз из таких максималистов, как ты. Это у них точно так же: кто не с нами, тот против нас. К стенке. И без всяких сомнений и раздумий. Правда – только у меня, в моих устах. А я не хочу быть твердолобым и упертым. Я готов сомневаться.

– А я считаю, надо быть принципиальным и не юлить, не прятаться за свои сомнения, – продолжает учить жизни Борис. А может, и не учить, он просто обожает спорить, заранее принимая крайнюю точку.

Усмехаюсь. Неужели произвожу впечатление именно такого – скользкого и хитрого? Тогда – грустно. Обидно. Дойти до края и услышать о себе такое...

– Все, хорош, – вспоминает о своей роли миротворца и звании «апа» Махмуд. – Марш по разным углам.

Я и сам отворачиваюсь, не желая продолжать разговор. Нервы на пределе, судьба неизвестна ни на одну будущую минуту, а мы уличаем друг друга в неискренности. Перетягиваем на сторону своих убеждений, презируя противоположные. Сейчас мои убеждения – семья, родные, близкие и знакомые. Как коснется их мое исчезновение? Не нынешнее, пока я еще жив, а полное? И как же я поломаю судьбы своим детям!

Тянусь к пустой пачке, аккуратно разрываю ее. Стихи, которых не писал лет двадцать, вдруг легли сразу начисто, будто сочинил их давным-давно:

Надюше. Пленное

Две косички, улыбка, распахнуты руки,
Словно хочет спасти, оградить и обнять,
Дочь навстречу спешит после долгой разлуки,
Но не может никак до меня добежать.

Я и сам не хочу. Прерываю виденье.
Слишком горько и больно мне видеть тот бег.
Я за тысячи верст заточен в подземелье,
И охранник сквозь смех говорит про мой грех.

Ах, как ночи длинны, как тревожны рассветы,
Каждый миг нас готов разлучить навсегда.
Здесь бессильны молитвы, смешны амулеты,
Все седеет виски и белей борода.

На коленях стою лишь за то, что позволил
Твоим малым сердечком коснуться беды...

Дописать не мог. Слишком тяжело и больно. И это не старый стих двадцатилетней давности. Это – сегодня. Чувствую: буду думать о детях – надорву сердце...

– Эй, ты чего? – вновь заглядывает в лицо Борис. – Что случилось?

Очнулся. По щекам текут слезы. Это – плохо. Это – нервы. Встаю, ухожу к двери, упираюсь лбом в дубовые жерди.

– Перестань, Николай, – прочитав листок со стихами, просит Борис. – У меня, между прочим, тоже дочь.

Не буду. Больше не буду. Сам вижу, что отчаяние совсем рядом и готово наброситься голодной собакой. А у меня впереди еще месяц, целых тридцать дней. Не может быть, чтобы наши сидели сложа руки, у нас профессионалы, они знают цену времени. Что-то наверняка происходит. И единственная отрада, что семья знает больше про поиски, чем мы сами.

Пытаюсь заглянуть через масксет в небо. Оно чуть-чуть прокалывается сквозь неподвижную листву. Но небо – далеко. А вот над головой по-прежнему дубы, уложенные в перекрытие блиндажа. Они тоже сопротивляются смерти, выдавливая из своих обрубленных тел ростки-побеги. Но темнота и сырость довершают дело, начатое топорами и пилой, – они выходят худосочными, бледными. Словно не из дуба, а из подвальной картофелины...

Страхиваю видения, сравнения, слезы. Я еще не обрублен и не спилен. И за меня бьются.

– Махмуд, раскинь карты. Посмотрим, кто из нас в этой жизни останется в дураках.

Тому играть не хочется, но интуитивно научились: если просят, то надо, какие бы кошки у тебя самого ни скребли на душе. Но выбрасываем карты машинально, не запоминая ходов и тут же забывая, кто сколько раз выиграл. Тупое, механическое движение рук. Голова забита другим.

– Все, больше не хочу, глаза болят, – на этот раз просит Махмуд, и теперь я принимаю его просьбу.

Водитель укладывается на нары, и вдруг отмечаю, какими мы сделались маленькими, усохшими. Особенно Борис, который никогда не отличался крупным телосложением, а сейчас вообще не виден под одеялом. Какой я? Глянуть бы на себя в большое зеркало, при хорошем свете. О бороде когда-то тоже мечтал, да дольше трехдневной щетины дело не продвигалось. Сейчас хоть мети как помелом.

Начинаю ходить по землянке, не давая себе заикливаться на прошедшем.

– Слушай, туфли снять не можешь? – вдруг раздраженно спрашивает Махмуд. – Гремишь, как на плацу.

Ребята тоже звинчены. Когда-то я летал в командировку к ракетчикам-стратегам, которые сидят у кнопок «пуск» под землей. Так вот у них, как только кого-то начинало раздражать пятнышко на рубашке напарника или даже запах изо рта, расчет тут же меняли. Наш «экипаж» вряд ли заменяем, поэтому...

Поэтому снимаю туфли, облачаюсь в шлепки водителя. Шаги стали бесшумными. Так же бесшумно вдавливаю себе: «Держаться, держаться, держаться».

16

Шью впотьмах корсет. Из-за почек. Впервые узнал, где они находятся, – думал, стылость высосала всю спину, но она продолжала и продолжала, да еще с болями, что-то тянуть по бокам.

– Это почки, – провел углубленное медицинское освидетельствование Борис.

Лежать, несмотря на нары, все холоднее. Угли дают спасение часа на два, остальное время боремся с холодом зарядкой. Давно присматри-

вался к одеялам, достаточно элегантно задрапировавшим стены, потом плюнул на последствия, взял осколок зеркала.

– Ты что? Это же имущество Ичкерии, – полушутя-полусерьезно останавливает Махмуд. В плену как на незнакомой планете: любое неосторожное движение таит опасность. Но ведь порой еще большую угрозу представляет бездействие...

Выбираю менее подгнившее одеяло и начинаю кромсасть. Сначала отчекрживаю длинную полосу – пойдет на портянки. Обматываю ноги, сверху натягиваю дырчатые носки. Думал, нога не войдет в туфлю. Вошла. Или она похудела, или башмаки разносились.

Одеяло на стене висит некрасивым ошметком, словно полостную операцию делал не хирург, а зубной техник. Но ведь и не скальпель был в руках. Срываю его полностью. Полосу дальше. Новым куском заматываю под костюмом грудь и спину. Протыкаю дыры для бечевки, плотно затягиваю пахнувший мышами, пыльный корсет. Сразу становится намного теплее, а запахи – это ерунда, это блажь.

Успехи вдохновляют, и проволокой сшиваю вместе два одеяла, которыми укрываюсь, – чтобы не разъезжались. Жертвую еще одной полоской с полотенца, повязываю лоб наподобие платка. Совсем тепло. Что еще можно предпринять? Как же мы ленивы в обыденной жизни и как мало знаем и умеем. Цивилизация развращает или, по крайней мере, не учит выживанию...

Замечаю лопату, забытую охраной с вечера после порции углей. Выкапываю в полу рядом с нарами углубление. Затем собираю пустые банки из-под «Новинки», начинаю их сплющивать. Махмуд догадывается о намерении, начинает помогать. Выкладываем жестянкой яму – теперь жар будет держаться еще дольше. Можно даже опробовать.

Разбираем с Махмудом одну из полок, лопатой колем на щепу чурбаки. Собираем все, что может гореть. Складываем костерок, зажигаем. Дым повалил такой, что на улице послышался топот.

– Что у вас? Живы? – кричат издалека, боясь окунуться в грязно-белую струю, вытягиваемую из блиндажа.

Мы лежим на полу, задыхаемся. Но не настолько, чтобы умирать. Терпим, верим, что дрова займутся огнем и дым постепенно уйдет. А тепло останется.

– Живы. Греемся.

А для себя отмечаем штрих – знать, не безразличны мы еще боевикам, виды у них на нас имеются. И то хорошо.

Плохо, что приближается зима. На лето грех жаловаться, в целом было тепло. А вот морозы в таких условиях выдержать не сможем. Впрочем, что я о зиме. Ноябрь ближе...

Верю и не верю в данный срок. С одной стороны, зачем убивать, а с другой – а почему бы и не убить? У человека с ружьем нервы всегда слабее...

А нас уже несколько раз поднимали днем на свет, разрешали походить около землянки. Стрельбы давно не слышно, лес стоит тихий,

мирный и, судя по запахам, – грибной. В лесах, даже чеченских, кроме боевиков и шакалов должны водиться и грибы. Война грибам не помеха.

И еще один подарок, в котором захотелось увидеть смысл, – белые вязаные шапочки, принесенные Чикой.

– Белые – это хорошо, – вслух обрадовался я.

– Почему?

– В начале плена нам дали черные носки. Они сносились. Может, с шапочками светлая полоса начнется.

– Пускай, – соглашается Чика. – Нам тоже надоело из-за вас здесь мерзнуть. Все отряды уже по домам сидят.

Но еще большая неожиданность ждала Бориса, когда после приезда мотоцикла послышался топот в нашу сторону.

– Кто Борис? Ему передача.

В пакете, брошенном в дыру, оказались свитер, белая рубашка без рукавов (!) и белье. Ни записки, ни объяснений. Радость Махмуду, заимевшему наконец плавки. А вот Борис вместо радости загрузил. И, как вскоре выяснилось, не без оснований. Именно его выдернули на очередной допрос.

– Если твои родственники не успокоятся, мы включим им счетчик. Дадим неделю срока и, если тебя не выкупят, начнем набавлять цену – миллиард сто, миллиард двести.

– А что происходит?

– Хотят получить тебя бесплатно, за красивые глазки. Не получится, пусть хоть на самого Яндарбиева выходят. Мы никому не подчиняемся, только собственному карману. А в нем должны рождаться деньги. «Пустой карман не любит нохчи...»

– «... Карман командует: вперед», – закончил уже знакомую нам песню Борис.

– Вот видишь, все знаешь. Пиши своему брату: если еще раз появится в Чечне без денег, возьмем в заложники и его. И пусть тогда попробуют выкупить двоих.

Борис нервно пишет, понимая свою обреченность, – если родственники пытаются освободить его без денег, значит, нужную сумму не смогли собрать. Да и где ее соберешь? С чего? Богатые в Чечню в самом деле не ездили, а он полтора года на свой страх и риск, по совести...

Снова все плохо, зыбко. Носки сносились. Их бы выбросить, но других нету...

В эту ночь, словно специально, охрана опять забывает в землянке лопату. Бдительность потеряна из-за гитары: ее попросил принести Махмуд, Борис настроил, спел несколько песен. Голос у него оказался красивый, и вспоминаю свои концерты: как же я давил ребятам на нервы! Но сами виноваты, могли бы петь и без меня.

После песен охрана уходит, а лопата как стояла, упершись в раздутье лбом о стену, так и осталась нетронутой. Переглядываемся с Махмудом, подходим к двери. Оглядываем стены вокруг решетки. Углубление можно сделать за час-полтора и, минуя растяжки, выбраться наружу.

Мысли о побеге вертелись всегда, и вот сегодня есть реальная возможность вырваться.

Но что дальше? Что после того, как поднимемся на ступени? Если делать ноги серьезно, то уходить придется в горы, через перевалы. На равнине, к тому же после вывода войск, нас отловят в первые два дня. Но в горах без теплых вещей, пищи и оружия делать нечего. Все это нужно брать здесь. Значит, кого-то убивать? На Хозяина рука не поднимется, на Че Гевару, Чику, Литератора тоже. Вообще-то парадокс. По отдельности каждый вроде и неплохой, а вот вместе... Вместе – отряд, где действуют законы стаи.

А тут еще Че Гевара на нравственность, сам не зная того, надавил. Признался накануне:

– Туда-сюда, когда вас водили с повязками, вы были абсолютно безразличны нам. А тут создали движение, сняли их, увидели ваши глаза – вроде и убивать теперь жалко будет. Прикинь, ерунда какая.

Но основное, что удерживает от побега, – боязнь за семью. Домашние адреса известны из паспортов, и не успеем мы встретить первый же рассвет на воле, как звонки в Нальчик и Москву поднимут тех, кто отыграется на наших близких. А если еще и кровь прольем...

Так что, даже если минуем посты, пройдем минные поля и растяжки, перевалим хребты, отобьемся от волков и придем-таки к своим, тут же на коленях опять поползем в Чечню. Умоляя не трогать семьи. Плен – это личный крест каждого и нести его только нам. Поэтому пусть хоть всю охрану снимут, пусть распахнут двери – не выйдем. Пока не договорятся те, кто занимается нами.

Махмуду, не имеющему пока семьи, с мыслью о беспомощности смириться тяжелее. Но времена, к сожалению, не кавказских пленников Льва Толстого: связь сделает месть быстрой.

Остаемся. Время чертить календарики на октябрь...

Расщепляю, расправляю очередную сигаретную пачку. Проволочкой пришиваю белый лоскуток к истрепавшейся, истершейся простынке, где зачеркнуты предыдущие месяцы. Пока помню практически каждый прожитый день – и когда расстреливали, и когда давали надежду. Перемещения помню. Разговоры. Значит, мы еще не долго маемся в заточении?

Подхожу к двери. Отодвигаю одеяло. По ступенькам топот – кто-то стоял у решетки и слушал наши разговоры. Пусть слушают, если не отваливаются уши. Их дело – охранять.

Тут же задумываюсь о своем равнодушии. Хорошо это или плохо? С одной стороны, приказал себе принимать происходящее как неизбежность, но и махнуть на все рукой... Нет, надо продолжать и удивляться, и негодовать, и радоваться. Большею частью про себя, конечно. По-моему, в том же Коране записано: «Аллах всемогущий. Сначала дай нам терпение, а только потом – страдания»...

Ох, война-война, дурость несусветная. Политики с обеих сторон наверняка уже бросились подсчитывать ее результаты и выгадывать

свое будущее, социологи – проводить опросы и вычерчивать рейтинги. Военные, в очередной раз подставленные и, как всегда, оставленные одни против прессы, запрут в городках. Родители погибших зададут один-единственный вопрос: «За что?» – но никто не даст им ответа – ни в Кремле, ни в Белом Доме. Потому что в собственной подлости и глупости мало кто признается. А лицами чернеть будут близкие тех, кто пропал без вести или захвачен в плен. От них же постараются каким-либо образом побыстрее отгородиться...

Все предугадываемо в этом мире.
Все?

17

Мы в очередной яме. Седьмой.

Накануне уложили в кузов грузовика, сверху забросали одеялами и привезли в какое-то селение. Машина въехала во двор, и нас прямым ходом – в узкий бетонный люк. Следом полетел нажитый за три месяца нехитрый скарб, собранный в землянке столь спешно, что невольно подумалось: или в лагерь с инспекцией приезжает кто-то из высшего начальства, или возникла реальная угроза нашего перезахвата.

Новый подвал длинен, узок, приплюснут. Школьный пенал.

С бетонного потолка, обтянутого сеткой «рабица», капает конденсат. Вдоль стен – лавки с белыми бляшками плесени. Укладываем на них одеяла, но доски от сырости легко переламываются пополам, выставляя острые, словно кости при открытом переломе, углы.

«Так изнутри сгнием и когда-то переломимся и мы», – мысль мелькнула сама собой, машинально отметилось, что, возможно, произойдет с нами через какое-то время.

В дальнем углу блестят крышки закрученных на зиму консервов – помидоры, огурцы, варенье. В любом случае с голоду хотя бы первое время не помрем. А вот что делать с сыростью...

– Ох, сынки, попали к бабке на старости лет в подвал, – слышим над собой голос.

В люк, став на колени, заглядывает старуха, жалостливо качает головой. Рядом резвятся детишки.

Мы немеем. Кажется, это самое глубокое потрясение за время плена. Когда держат в неволе боевики – это вроде нормально, как-то объяснимо. Но чтобы в подобном участвовали женщины...

Попытался представить маму – что бы она делала, если бы мы, ее сыновья, загоняли в погреб пленников. Прокляла бы, отреклась и выгнала из дома. А здесь – в порядке вещей. Конечно, в глазах наших тюремщиков – это не мы сидим, а сотни тысяч долларов копошатся в яме. А ради этого можно закрыть глаза... Вот только мама бы не закрыла.

А пока нас продолжает жалеть старуха:

– Что еще принести?

– Чего-нибудь постелить на пол, – прошу я. Пол мокрый от падающих сверху капель. – Солому, старые одеяла.

Расщедрились на два пустых мешка. А семь полных, с мукой, наваливают сверху на крышку. В щель видим, как между мешками вставляют гранату с выдернутой чекой. Господи, детей бы поберегли от случайностей.

Нет, случайность для них – это если сбегут деньги. Эквивалент денег. Мы.

Стелемся. Настроение прыгает: от «держаться» до полной апатии. Белые вязаные шапочки, наш символ освобождения, посерели от подземной грязи. На тельняшке Махмуда стерлись грани между полосками, получилась одна сплошная. Черная.

Все возможное, даже платки для глаз, укладываем на пол. Вынужденная жертва – одно одеяло крепим на «рабице», чтобы не капало на лица. Возимся долго, тщательно, не желая оставлять времени на разговоры. Без пасьянса очевидно: дела плохи. Будь свобода рядом, в село бы не повезли, зачем им риск. И до ноября всего двадцать шесть дней...

– Лучше бы мерзли в землянке, – приходим к общему мнению.

Потом, после плена, финансисты станут подсчитывать расход аванса, который брал в командировку.

– Билет на самолет, конечно...

– Конечно, – кивнул я. – Сгорел в огне чеченской войны.

– Тогда можем посчитать лишь сумму билета в общем вагоне пассажирского поезда, – умоляюще попросит его извинить за вынужденную бюрократию начальник отдела Валерий Федосович. – И за гостиницы...

Разведу руками: не выдавали квитанций в ямах.

– Тогда только квартирные, по четыре пятьсот в сутки, – совсем тихо сообщит финансист и виновато умножит названную цифру на мои 113 дней плена.

Бухгалтерия. Хоть здесь порядок.

Интереснее выйдет в санатории в Рузе, на приеме у стоматолога. Врач включит старинную, времен Тухачевского и Первой Конной, бормашину, дождется, когда она наберет допустимые обороты. Увидев мои сжатые кулаки, посоветует:

– Знаете, здесь рядом деревня Петрищево, где Зоя Космодемьянская попала в плен. Может, сначала туда съездите, проникнетесь, так сказать...

Богата, непредсказуема на сюрпризы жизнь...

И на историю.

«Кому неизвестны хищные, неукротимые нравы чеченцев? Кто не знает, что миролюбивейшие меры, принимаемые русским правительством для усмирения буйств сих мятежников, никогда не имели успеха? Закоренелые в правилах разбоя, они всегда одинаковы. Близкая, неминуемая опасность успокаивает их на время: после опять то же вероломство, то же убийство в недрах своих благодетелей».

Так писал поэт А. Полежаев, сосланный в свое время на Кавказ в качестве рядового.

А вот уже пронизанная горечью реплика генерала Ермолова, сказанная в 1818 году:

«Во всех случаях, где в отношении к ним хотел я быть великодушным, самым наглым образом бывал обманут».

Его современник академик Бутков, известный собиратель материалов по истории Кавказа:

«Чеченцы такой народ, который по зверским своим склонностям никогда не бывает в покое и при всяком удобном случае возобновляет противности тем наглее, что гористые места, ущелья и леса укрывают его и препятствуют так его наказать, как он заслуживает».

А великий Пушкин:

*Бегите, русские девицы,
Спешите, красные, домой –
Чеченец ходит за рекой.*

Ему вторил в «Колыбельной песне» Михаил Юрьевич Лермонтов:

*Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал.*

Генерал Бриммер, прослуживший на Кавказе всю жизнь и ушедший со сцены в конце эпохи Шамиля, оставил еще более резкие свидетельства:

«Вообще, кумыки народ добрый, не то, что соседи их ауховцы и чеченцы. Горцы, эти дети природы, как все... немыслящие люди, принимают всегда доброту за слабость».

Нынешнее поколение чеченцев не сможет упрекнуть русских в том, что наши отношения строились на этих фразах, что вообще они хоть где-либо фигурировали. Их закрыли в фондах, на них наложили негласный запрет, к ним не желали возвращаться. Мы хотели жить в мире.

К сожалению, пришли новые политики, которые посчитали себя умнее всех предыдущих. И стали печататься приведенные выше воспоминания. И вновь возобновились вроде бы забытые ритуальные танцы возмездия. Зарубцевавшуюся с таким трудом рану принялись расковыривать с двух сторон с таким ожесточением, словно не было добрососедства и взаимопонимания двух народов. В итоге доброту русскую вновь восприняли за слабость, а гордость чеченцев – за самоуверенность. И вскоре вслед за словами полетели пули...

– Эй, много хандрим, – тормозит нас Борис. – Давайте разговаривать.

Было бы о чем. Переговорено все, а думать о будущем... О нем не мечтается... Чаше вспоминается прошлое. Но и его трогаем не скопом – это слишком расточительно, а сначала по годам, потом по дням, каким-

то отдельным событиям. Так же продолжает вспоминаться и работа: не вся налоговая полиция в целом, а по этажам, по кабинетам и людям. Меня, если спасут, то только они. Кем стал и был для них я? Заслужил ли, чтобы рвали нервы, рисковали собой ради моего вызволения?

Считай свои минусы, человек. И не говори, что праведную жизнь хотел начать с будущего понедельника. Расплата идет по цене сегодняшнего дня...

Вечером во дворе вспыхивает электролампочка. Нас тоже подтягивают к цивилизации, выдав керосиновую лампу со стеклом! А на ужин – котлеты! Они лежат тремя большими ломтями поверх гречки, и впервые оцениваем новое убежище не с минусов, а с плюсов.

– Кормежка вроде обещает быть лучше, – пережевываем вместе с котлетами приятное событие.

Но куда девать вечера, ночи? Грусть, рождаемую ими? Зубчики, за которые стекло крепится к лампе, дают тень, как две капли воды похожую на Кремлевскую стену. Боже, Москва! Ведь ни разу не вспомнил о своем городе. Тысячу, бесчисленное количество раз проклинал его раньше как политическую клоаку, водоворот всех смут и несчастий. Но Кремлевская стена в чеченском подземелье... Вдруг понимаю, что люблю Москву. Как город она прекрасна, и не вина ее, что в столицах плетутся сети громких интриг. Так во всем мире. А сегодня я признаюсь в любви к ней. И каюсь за все предыдущие обвинения...

Тень отражается и от головы Бориса. Махмуд, разминаясь, бьет ее незаметно ногой. Да еще интересуется, паршивец:

– Товарищ начальник, тебе не больно?

– Нет. А с чего бы?

– Когда еще можно будет вот так запросто своего руководителя, – шофер «пинает» голову Бориса, но кашель скручивает его самого.

Ничья.

Этот подвал нас, конечно, доконает окончательно. Еда не спасет, ежели влажность пропитала всю подстилку, а стоять нельзя, сидеть не на чем. Итог перед глазами – сломанные доски. С каждым днем хуже и отношение: все резко, без слов. Снова начали вспоминать навыки по подготовке вопросов, но на все ухищрения получали однообразный ответ:

– Ничего нет.

И вряд ли будет. Если за три с половиной месяца наши не сумели вытащить, почему должно получиться в эти дни? А каждые прожитые сутки – себе в убыток. Из охраны исчезли Хозяин, Че Гевара, Чика, а оставшийся Младший Брат благосклонностью к нам никогда не отличался.

Мы подходили к краю. Ни в какой лагерь нас, естественно, не сдадут, за спасибо не выпустят, на работах, даже в качестве рабов, использовать побоятся. А зиму мы и сами не выдержим. Да и не планируют они долго возиться с нами. На просьбу о соломе для подстилки новый охранник, подменявший Младшего Брата, угрожающе ухмыльнулся:

– Вам не солому надо давать, а такое устроить, чтоб света белого не взвидели. И вы дождетесь...

Снова возникают мысли о побеге. Осколок зеркала превращается в перископ. Просовываем его в щель, вертим по кругу, тщательно изучаем двор. Отыскиваем калитку, самые низкие места в заборе. Дом окраинный, неподалеку проходит трасса – по ночам слышим шум машин. Если продырявить зеркалом мешки, мука высыплется внутрь и появится возможность поднять крышку. Бежать, конечно, надо ночью, во время грозы, когда от ветра гаснет электричество, а охрана сидит в доме.

И убегать никуда не следует. Калитку открыть, но самим забраться тут же на чердак, переждать первые дни суматохи под носом...

Но опять – что станется с родными?

Ловушка. Бессилие. Планы побега – не больше чем красивая страшноватенькая сказочка.

Не знаю, как мои сокамерники, а начинаю потихоньку готовиться к худшему. Ночью пишу прощальное письмо директору службы Сергею Николаевичу Алмазову. Надежды на то, что записку передадут, никакой, но и не написать не могу. Прощаюсь со всеми на Маросейке, 12, прошу, чтобы не думали, будто пленение произошло по моей безалаберности. Почему-то это подспудно тяготит весь плен, и хочется оправдаться: погоны и честь офицера не пустой звук. И совершенно не безразлично, как меня станут вспоминать.

Впереди еще два письма – родителям и семье. Но на них душевных сил не остается. Тяжело. Прибереженные листки откладываю, словно именно ненаписанные письма сумеют сохранить меня еще на сутки.

Из рассказа полковника налоговой полиции Е. Расходчикова:

Родственники Мусы, которых мы разыскали, сразу загорелись идеей обмена. Послали ходоков к Рамзану, отыскивали его, организовали нам новую встречу.

– А какая нам выгода отдавать Иванова сейчас? Мы его подержим еще месяца три-четыре, миску похлебки как-нибудь найдем для такого дела. А потом и назовем окончательные условия его освобождения, – стали набивать они цену.

А я чувствую: время уходит, ситуация в Чечне меняется не в нашу пользу, мы начинаем зависеть от любых случайностей. Время, как и боевиков, требовалось подталкивать, чтобы удержать инициативу в своих руках. Но каким образом?

Спасти ситуацию мог лишь Муса. Прошу привезти его из Владикавказа в Грозный. Когда товар перед глазами, с ним расставаться всегда тяжелее. Извиняюсь перед тобой и Мусой, но в то время вы оба шли как товар, куда от этого деться.

Его в наручниках привезла под конвоем наша физзащита. Понять руководителей можно: чеченца привезли в родные края, где практически не осталось федеральных войск. Сделает ноги – и как оправдываться перед Генеральным прокурором?

В то же время понимаю, чувствую покажу родным Мусу в таком эскорте, полного доверия не вызову. А мне нужно только оно.

Вспоминаю, что Алмазов разрешил принимать любое решение. Окунаюсь с головой в ледяную воду – принимаю: наручники – снять, конвой – в Москву, Мусу – к родным в дом.

Пробираемся в село окольными путями. Родители как вцепились в сына, чувствую, не отдадут больше никогда. А документы на его освобождение – это в случае удачного обмена – у Саши Щукина, который из следователей остался один. Так и замерли перед последним прыжком: с одной стороны, я, Гена Нисифоров, Саша Щукин и наш бессменный проводник Бауди, с другой... Ох, в какую же мышеловку полезли...

Но интуиция не подвела. Додавили ведь Рамзана всем селом, всем родовым кланом. Не знаю, чего там было больше – просьб, угроз, но нам передали обмен в одиннадцать часов дня одиннадцатого октября.

Нам утром еду принес тот сорокалетний мужик, который заставлял меня переписывать последнюю записку насчет расстрела в ноябре.

Сам без просьбы сообщает:

– У тебя, полковник, может кое-что получиться. В Москве задержали мафиози и тебя хотят перекупить его подручные. Возможно, тайно переправим тебя в Москву, а мафия пусть разбирается с тобой дальше.

И – все. Снова – крышка, семь мешков под спуд, граната на особо ретивых.

Радоваться? Страшно. Еще неизвестно, что за мафиози и какие условия они выставят за мою свободу. И как переправят в Москву? В багажнике машины? Тайными тропами? Сколько это займет времени? Почему мафия прокрутилась быстрее, чем наши оперативники?

Нет, предложенный вариант – далеко не лучший. У мафии разговор еще короче, чем у боевиков. Не успели, наши – не успели...

Днем приехала машина из лагеря: неподалеку от нашего люка сложили гору оружия – от крупнокалиберных пулеметов до пистолетов и патронных цинков. Накрыли масксетью. Все это отследили через «перископ» и сообщение о моей перепродаже стало расплываться. Уже столько раз свобода была «вот-вот».

Из рассказа полковника налоговой полиции Е. Расходчикова:

В одиннадцать Рамзан стоял на «стрелке»

– А где Иванов?

– Деньги – утром, стулья – вечером, – показал знание «Двенадцати стульев» главарь. – Сначала вы выполняете наши условия.

– А я с тобой буду говорить только после того, как напротив посадишь Иванова и я увижу, что он жив.

– Так не получится. Условия диктую я. Стулья.

– Условия будет диктовать ситуация. А она такова, что завтра я улетаю в Москву. Вместе с Мусой. И ты со своими проблемами можешь остаться один на один. И на сколь угодно долго.

– Ну, ты крутой, размахался. Иванов жив, но далековато. Его надо еще привезти.

– Поехали, привезем вместе.

– А не боишься? – Непримируемый вытащил пистолет, снял с предохранителя.

– Да вроде нет, – достаю гранату, выдергиваю чеку. – Если что, ни твоя, ни моя.

– Ну, ты брось, брось. Еще нечаянно отпустишь. Нам надо еще кое с кем посоветоваться. Подожди.

И исчез. Проходит час, второй, третий. Я дергаюсь, но больше не за себя, а за Москву и Моздок, знаю, все руководство во главе с директором сидит у телефонов, все знают про одиннадцать часов, а тут еще конь не валялся. И связи никакой, одна граната в руке. Гена, Саша и Бауди стоят чуть в стороне, если пойдет провокация, чтобы не уложили одной очередью. И с места ведь не уйдешь, другого раза может не повториться.

Мимо проскакивают машины, ясно – идет проверка. Убежден, что весь район оцеплен, и надежда только на родственников Мусы, которые пообещали по горскому обычаю не дать гостей в обиду. А тут уже и темнота подступает.

Рамзан явился в сумерках, с дополнительной охраной.

– Ладно, будет тебе Иванов. Но чуть позже.

Все ясно они ждут ночи.

За миской для ужина пришли как обычно. Я подал посуду в открывшийся люк, но сверху бросили маску:

– Живо надевай и наверх. Быстрее.

От волнения долго не могу всунуть ноги в туфли. Жизнь снова, как в момент взятия в плен, круто меняется, и куда вынесет волна, одному Богу известно. А тот заранее еще никому ничего не сообщил.

Хочу попрощаться с ребятами, но сверху хватают за руки и выдергивают наверх.

– Скажи «Бисмилляхи», – успевает прошептать Борис. С мусульманского на христианский – это что-то вроде «Господи, помоги».

«Господи, помоги. Бисмилляхи».

Маска на голове. Я – вверху. Куда-то ведут, заталкивают в легковушку. По бокам, упирая автоматы в бок, тесно усаживаются невидимые и молчаливые охранники.

Выезжаем со двора и мчимся по трассе. Затем сворачиваем в лесок, пересекаем его, вновь трасса. Резкая остановка. Высаживают, перегоняют в другую машину. Снова дорога. Все молчат, но напряжение витает в воздухе. Боятся провокаций?

Наконец съезжаем на обочину, меня вталкивают в третью машину. Мимо по трассе проносятся авто, некоторые дают короткие сигналы – идет проверка. Кому же меня передадут? Где передадут? Кто они, новые хозяева?

– Холодно, – втискивается охранник ко мне на заднее сиденье.

– Одиннадцатое октября. Осень, – осмеливаюсь ответить. А скорее, провоцирую на дальнейший разговор. Тороплюсь узнать хотя бы что-

нибудь из своего будущего. Которое им-то наверняка известно. И которого, если честно, боюсь.

– А ты откуда знаешь дату? – удивился кто-то с переднего сиденья. – Дни, что ль, считал?

– Сегодня сто тринадцатый день плена, – подтверждаю удивление.

Пауза. Решают, что сказать. Ну?!

– Считай, что последний.

– Последний – чего?

– Тебя сейчас меняем. – Это я уже знаю. – Спросить напоследок чего хочешь?

– А... ребята? Я чем могу им помочь?

Вопрос из серии предварительных заготовок: если начнут давать советы, значит, есть надежда...

– Если есть желание, передай их родным, что сумма, которую мы назвали, остается прежней. Имя посредника, способного нас отыскать, они знают. Но без денег пусть лучше никто не появляется.

Помню:

«Даже если сам Аллах спустится за вами, но спустится без денег, – расстреляем и Аллаха!» И песню выучил:

*Пустой карман не любит ножи,
Карман командует: вперед.*

Но сейчас главное для меня то, что боевики дают советы. Играть в чувства им нет никакого смысла, значит, в самом деле, можно на что-то надеяться? Вот только кому продадут-отдадут? Мафиози в лесу или глухой деревне жить не будет, возможно, что вывезут в сам Грозный. Только были бы там свет и тепло. А как переправлять в Москву, наверняка перед сделкой продумали. Если подключат к разработке операции и меня и раскроют хоть половину карт – а на это надо бы намекнуть! – сам рассчитаю все варианты и моменты передачи. После всего пережитого попасть под пулю из-за чего-то недосмотра и куриных мозгов совсем не хочется. Надежда только на себя. Нужно с этой секунды держаться очень настороженно и при любой опасности или оплошности прыгать в сторону. От автоматной очереди, от нового мешка на голову и очередных дней и месяцев неволи. Боевики правы: сегодня последний день. Впереди – или новая жизнь, или ее конец. Третьего не дано. Третьего не хочу.

Включается магнитофон. Неизменные воинственные ритмы. Сколько выдержат чечены подобного барабанного боя? Придет ли к ним нормальная музыка?

Впрочем, что мне с того? Они сами заказали подобную мелодию...

С трассы вновь засигналили.

– Живо, – меня схватили за рукав и бегом потащили вперед. – Давай шевелись, твоя жизнь зависит от тебя.

Бегу, спотыкаюсь. Засовывают в очередную машину, которая сразу же набирает скорость. Окна почему-то открыты, ветер свистит по са-

лону. Минут через двадцать – остановка. Меня выводят, но на этот раз спокойно. Останавливают. Чего-то выжидают. Срывают маску.

Ночь. Перекресток полевой дороги. Передо мной толпа женщин, парень на костылях. Напротив, с автоматами на изготовку, отряд Непримиримого. И он сам, усмехающийся. А где мафиози? И почему столько народа? Обманули? Все-таки сдают на растерзание селу, в котором погибли боевики?

Сбоку кто-то надвигается. Мафиози? Я готов радоваться и ему, кем бы ни оказался. Он в свитере, в руках замечаю зажатую гранату. Почему-то обнимает меня. Слышу шепот:

– Как имя-отчество Алмазова?

Называю, даже, несмотря на неожиданность, сразу. Пугаюсь уже потом: а вдруг перепутал? И причем здесь Алмазов? Может, это наши сработали под мафию?

– Ты – Иванов?

– Да.

– С возвращением. Поздравляю.

Снова обнимает.

– А вы... кто?

– Расходчиков. Из физзашиты.

Наши? Обмякаю в сильных объятиях. Так не умирают и не рождаются. Меня вытащили? Я буду жить?

Из рассказа полковника налоговой полиции Е. Расходчикова:

В том человеке, которого вывели из машины, тебя узнать было невозможно. Худой, заросший, в обмотках. Фотографии твои имелись у каждого оперативника, но то, что увидели...

– Ну что, полковник. Я тебя взял, я тебя и возвращаю, – подходит с вскинутым к плечу автоматом Непримиримый. – Авось когда-нибудь свидимся. Даст Аллах – не на войне.

– Помоги Махмуду и Борису. В подвале очень сыро.

– Попробую, – обещает, но без гарантии, боевик. Знать, сам не всегда волен делать то, что хочется. Ох, ребята, нет полной свободы в этом мире. И не будет. И пули ваши под красивые лозунги независимости и имя Аллаха не всегда были праведны. А уж деньги, полученные за страдания другого человека, не добавят вам ни счастья, ни благородства...

Непримиримый неожиданно протягивает руку. Ту, которая держала «красавчика» при моем пленении. Которая сжималась в кулак, чтобы сильнее ударить. Которая, в принципе, и затолкала меня почти на четыре месяца в подземелье.

Демонстративно не заметить ее или все-таки пожать? Вокруг суматоха «стрелки», хлопают дверцы машин, отдаются команды. Через миг мы разведемся в разные стороны, удерживая друг друга под прицелом. Интересно: а повернись фортуна и окажись я властителем судеб своих тюремщиков, что бы сделал?

Не знаю. Твердо убежден лишь в том, что никогда не посадил бы человека в яму. И не поднял бы оружия, чтобы расстрелять. Может, даже простил бы.

Прощу ли?

Рука Непримиримого все еще протянута. И это лучше, чем упертый в затылок ствол автомата.

Протягиваю свою в ответ. Как бы то ни было и что ни пришлось пережить, – за сдержавшего свое слово не пускать в расход без нужды Старшего. За Литератора, бросившего однажды в яму пакетик «Инвайта». За Хозяина, ни разу не поднявшего на нас руку и не повысившего голос. За Че Гевару. Чику, научившегося на войне не только держать в руках оружие, но и гитару. Крепыша, Боксера и даже Младшего Брата. Пусть они видели во мне лишь пленника и будущие деньги, – я в ответ сумел разглядеть в них и хорошее.

Поэтому вместо проклятий и презрения – прощение. Это тяжелее и пока через силу. Может, завтра пожалею об этом. Но Хозяин однажды радовался, что он чеченец, а не русский и не еврей. Но испокон веков русские, как никто другой, умели прощать. Что намного благороднее других человеческих качеств. Поэтому я тоже горд и счастлив, что родился русским. Ничего не забываю, но прощаю.

Ради будущего.

Хотя нет, я не прав. Моя протянутая рука – это в первую очередь страх за Бориса с Махмудом и неловкость перед ними. За то, что я на свободе, а они... Вскину гордо подбородок я – что падет на их головы? Мы слишком долго были связаны вместе и очень сильно зависим друг от друга...

Протягиваю еще и потому, что сам окончательно не верю в освобождение. Мне никто ничего толком не объяснил, и эта встреча посреди дороги может оказаться лишь «стрелкой», демонстрацией, что я жив. А после нее – опять все в разные стороны на долгие недели новых переговоров. А я уже научен: охрану раздражать – себе дороже.

Поэтому фраза «ради будущего» – это ради моего личного будущего и будущего, оставшихся в неволе соподземельников. Я еще даже не снимаю топорщащийся из-под костюма корсет: выброшу, а как потом стану греться, где возьму новый? Не трогаю и обмоток, путающихся меж ног. И, наверное, все-таки прав Махмуд насчет моего хватательного рефлекса: если на происходящее смотрю с неверием, то на серый шерстяной свитер Расходчикова – с вожделием. Если нас все же станут развозить в разные стороны, надо будет успеть попросить у него одежду. А он в Москве возьмет мою...

Слышу гортанную команду – мгновенно реагирую только на нее. Боевики, пятясь, не спуская глаз и автоматов с толпы, отходят к машинам, хлопают дверцами и исчезают в пыли и темноте. На какое-то мгновение остаюсь совершенно один – можно тоже бежать в темноту и скрыться. Плохо, туфли разносились, спадают с ног. Придется бежать босиком...

– Все, теперь домой, – останавливает попытку вынырнувший сбоку Расходчиков.

А гарантия есть ехать домой? Он все предусмотрел? Рядом с ним всего двое русских, их лица знакомы – значит, из налоговой полиции. Но три человека – это так мало, это практически ничто во враждебной Чечне.

– Домой, домой, – загалдели чеченцы. Впервые усаживают в машину без повязки на глазах. Впервые не упирается под ребра ствол «красавчика». Но все равно пока ни во что не стану верить! Сто тринадцать дней ничего не происходило, а тут – нате вам? С чего бы это?

И в то же время как сладостно-томительно не верить в хорошее, когда в подсознании стучит: «Верь, верь, верь».

Мы сдавлены в «Жигулях», веревки корсета больно врезались в грудь. Потихоньку сначала ослабляю узлы, а затем развязываю их полностью. Стараюсь побыстрее и побольше надышаться – то ли свежим воздухом, то ли свободой.

Быстро въезжаем в село с редкими огоньками. Машина натужно вытягивает себя на пригорок, где нас ожидает еще большая толпа. Жители замахали руками, возбужденно заговорили. Радуются? Еще остались чеченцы, которые радуются моему освобождению? Как мне теперь к ним относиться?

А первое, что делают мои трое русских спасителей, – обнимаются сами. Значит, интуиция не подвела меня, и встреча на ночном перекрестке висела на волоске?

– В дом, – приглашает сухощавый старик. – Все в мой дом. Сегодня у нас праздник.

18

Чистая постель, сухо, тепло, я вымыт и переодет, а не спится. Изворачиваюсь, перекомкаю подушку и простыню, усаживаюсь на тахте падишахом.

У ног, на полу, по-солдатски одинаково повернувшись на правый бок, спят мои спасители. Под окном, начинающим сереть от рассвета, иногда слышны осторожные шаги. Это Муса, мой крестник, столь удачно подыгравший под мафиози. Как только Саша Шукин поставил свою подпись под документом о его освобождении, Муса исчез в доме и вернулся с пулеметом на плече.

– Спите спокойно, он с друзьями будет вас охранять, – пояснил его отец, глядя на сына и все еще не веря в его освобождение.

Но лично мне не спится. Не то, что боюсь проспать отъезд или не доверяю Мусе. В глазах стоят укутавшиеся в сырые одеяла Борис и Махмуд. В яме. Могу представить, как тяжело им перенести мой отъезд. Скажут ли им, что я на свободе? Или исчез – и исчез?

Где-то в глубине души я все время боялся остаться в плену в одиночестве. Даже сейчас, сидя на тахте, предполагаю, что бы делал в таком

случае. Конечно, соорудил бы из освободившихся одеял шалаш или вагонное купе – не терять ни одной доли тепла. Подмел бы прутиком, найденным за банками, весь подвал – это могло занять уйму времени! Следом идет протирка от пыли и влаги подвальных банок, их аккуратная перестановка. Можно сделать зарядку – на коленях, правда, но не привыкать. Таким образом, я бы убил целый день одиночества. Но сколько их могло ждать впереди?

Передергиваюсь от озноба. Не верю. Да, я не сплю потому, что не верю в освобождение. Усну – а проснусь снова в яме. Второго раза не выдержу. Лучше оставаться в том, первом плену...

– Чего не спишь?

Женя Расходчиков, словно почувствовав мой взгляд, поднимает голову.

– Не знаю. Не спится.

Он ползет к тахте, усаживается рядом.

– Все нормально, все позади, – прекрасно понимает он мое состояние. – Утром выскочим отсюда, а дальше – свои. Руководство, черт побери, жалко. Уже сутки не даем о себе знать. Представляешь, с какой ненавистью и одновременно с надеждой глядят в Москве на телефоны?

Вчера вечером гадали: вырваться из района ночью или все же дожидаться утра.

– Утром безопаснее, – взял на себя ответственность Расходчиков. – Ночь для Москвы станет кошмарной, но ехать в темноте – риск значительно больший. Могут перехватить или элементарно расстрелять машину. Остаемся.

– Ночью они к нам не сунутся, а с рассветом прибудет подмога, – обещает Ахмат, тот самый парень на костылях, который встречал меня на развилке. Вместе с женщинами, родственниками Мусы он специально выезжал на «стрелку», гарантируя таким образом: со стороны Расходчикова и федеральных войск никаких провокаций не намечается. Боевики смертельно боялись подвоха, не скрывали этого и на любые гарантии заученно твердили: «Русским нельзя верить, у них нет слова чести».

– На каких условиях меня обменяли? – спрашиваю у Жени.

– Тебе это сейчас важно? – пожимает он плечами. – Главное, что вырвали. «Есть у Родины тайны, которые умирают вместе с солдатами», – так, кажется, сказал кто-то из поэтов. Потом сам все узнаешь.

– А ребят нельзя было вместе со мной?

– К сожалению. По каждому человеку отрабатывается отдельная операция, стандарта как такового нет. Что получилось с тобой, никогда не пройдет с другими. Ты нас только извини, что раньше не смогли вытащить.

Раньше... Из неволи, как шутят сами пленники, дай Бог выходить не раньше, а хотя бы вовремя. Мой день – 11 октября. Кстати, день рождения отца.

– Как у меня дома? – осмеливаюсь, наконец спросить о том, что вертелось на языке с первой минуты встречи. Я еще много боюсь. Плохих вестей – в первую очередь.

– Все в порядке, ждут. Теперь дождутся. Осталось немного.

Женя тянется к столику, достает пистолет. Из рукоятки выщелкивает магазин с единственным патроном. Выдавливает его пальцем на ладонь, пробует на вес и протягивает:

– Держи на память. Он не выстрелил. А потому ты на свободе.

Приподнял голову Бауди, проводник:

– Пора?

– Нет еще, спи. Я тоже еще немного подремлю, двое суток на нервах.

Он укрывается одеялом, а я опять возвращаюсь к Борису и Махмуду. Осторожно сажусь в ноги, около бледно горящей лампы. По язычку пламени лучше любого барометра можно определять, сколько остается воздуха в подвале. В «пенале» его запасов – от утра до вечера, так что, если забудут принести ужин, лишат не просто еды, а глотка свежего воздуха.

Махмуд спит, разбросав руки – сколько раз мне доставалось от них. Борис укутал голову рубашкой – это пошло с тех пор, как его укусила в макушку какая-то гадость и ранка долго гноилась. Спите. Я привык бодрствовать по ночам...

Утром нас вышла провожать половина села. На трех машинах подъехали вооруженные с головы до ног парни, взяли нас в середину кортежа. То ли специально, то ли иной дороги не существовало, но проехали мимо дома Непримиримого. Наверняка и тот сидел не без охраны, но никто никого не тронул: родовую войну в Чечне развязывать никто не решался.

Сложнее пришлось, как я понял, начальнику налоговой полиции Чечни, которого мы разыскивали в Надтеречном районе – пророссийски настроенном и демонстративно не подчинявшемся новой власти. Он обнял меня, провел в дом. Я не читал соглашений, подписанных Лебедем и Масхадовым, в них главное – окончание войны. Но какой ценой? Если люди, которые желали жить вместе с Россией, работали рука об руку с нами, вынуждены теперь сами скрываться по подвалам в родном краю, то, что это за соглашение? Может, тогда соглашательство? Почему Москва бросила их? Ради высшей цели – мира? Но никто не дает морального права бросать союзников. Любые соглашения становятся филькиной грамотой, словесной эквилибристикой, когда в реальности видишь брошенных на произвол судьбы людей.

Странная война. Еще более странно ее окончание...

Когда выехали из войны и попали в Моздок, в объятия начальника местной налоговой полиции Петра Ильича, Расходчиков поинтересовался:

– Ну, а теперь-то веришь, что свободен?

Нет, еще не дошло. И даже когда поздравили к телефонному аппарату и директор лично поздравил с освобождением, когда услышал голос жены, а детям ребята накупили два пакета подарков – прошлое все равно не отпускало.

– Билет на Москву завтра из Минеральных Вод, – выстелил дальнейшую дорогу из плена Петр Ильич.

В его кабинете незнакомые прежде мне люди во главе с Василием Ивановичем Лисовым – насколько понимаю из реплик, специально присланные Сергеем Николаевичем Алмазовым подстраховать операцию с самой ближней точки.

В Эссентуках в гостинице наконец-то смог уснуть. И сразу окунулся в жуткую картину: я лежу за кирпичной кладкой, а с двух сторон ко мне бегут Непримирымый с бандой и Женя Расходчиков с группой. Чувствую, что наши не успевают, а это значит – снова плен.

Подхватился от собственного крика. Какое-то время не мог понять, где я и что со мной. По радио дали сигнал точного времени – восемь утра. Начались последние известия. И вдруг в эфире звучит:

– В результате специальной операции оперативников налоговой полиции России вчера освобожден из чеченского плена писатель, полковник Николай Иванов.

Все. Вот теперь – все! Верю. Впервые за последние годы верю официальному сообщению, потому что в нем до последней буквы – правда.

И как же тяжело, оказывается, сдерживать чувства.

Утыкаюсь лицом в подушку, чтобы задавить подступившие слезы. Слишком часто – дважды в плену и вот сейчас – даю им волю. Но сил справиться с ними не хватает. Ослаб. А может, пусть выходят, пока я один и никто не видит? На свободе ведь, на свободе! И могу делать все, что хочется. Меня никто не держит. Не стережа. И ключ от двери – у меня самого. В окно бьет луч солнца, на деревьях – еще не опавшие листья. Что нам еще надо, люди?!

...Дайте мне выплакаться, люди. Чтобы оставить все в прошлом. Если получится.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Долгожданный звонок из Нальчика раздался через шесть дней.

– Блиндаж-баши, это Махмуд-апа. Докладываю: карты сохранил и вынес на собственном теле.

– Николай, а это Борис. Мы дома.

– Вы живы? Не верю. Давайте я вам сам перезвоню.

– Все в порядке. Главарь передает тебе привет. Говорит, не ожидал, что ты, русский, займешься нами, кавказцами, и сумеешь за такой короткий срок вытащить на свободу.

– Чтобы добыть деньги, заложили в кредит здание вашего банка.

– Знаю. Но когда свободен – можно крутиться и заниматься своей судьбой. А ты все-таки должен доехать до Нальчика. Путь нельзя прерывать.

– Доеду. И после никогда не буду играть в города.

– И ходить в зоопарк, – напоминает о наших клетках Махмуд. – Давай, до встречи.

Короткие гудки, словно многоточие в романе. Или в судьбе.

И не ради красного словца сказано. Еще месяца через два телефонный звонок поднял меня среди ночи.

– Алло, это полковник Иванов?

– Да. С кем я разговариваю?

– Это из Грозного. Вы меня не узнаете?

– Нет.

Долгая пауза – решали, называть ли имя. Неужели Старший?

– Вы меня в плену звали Боксером.

Боксер?

– Я слушаю.

Я мог только слушать, потому что не ведал, с какой целью бывший тюремщик набрал номер моего телефона. Настороженность и интерес – вот два чувства, которые, перебив сон, боролись теперь во мне.

Только на днях был подписан Указ Президента о награждении Расходчикова и Нисифорова орденом Мужества, а генерала Кольвагина, Петра Ильича Царакова и Сашу Щукина медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Наградные листы ходили долго, где-то чиновники удивились: «Вот если бы они десяток людей спасли...» – «Но у них-то самих жизнь одна и они рисковали своей единственной жизнью», – доказывало руководство налоговой полиции.

Доказали, убедили. Плюнув на весь курс лечения, поднял за них тост. И вот звонок...

– Я вас видел по телевизору...

Он называет меня на «вы»?

– А ты как исчез из охраны, так и не попрощались.

– Мы брали Грозный. Был ранен.

– У тебя какие-то проблемы? – спросил в лоб. И откровенно на «ты».

– Проблемы... – грустно усмехнулся и надолго замолчал собеседник.

Почему-то не хотелось, чтобы он бросал трубку, и торопливо сам заполнил паузу:

– Что-то случилось?

– Да нет, что могло случиться? Кроме того, что не получили желаемого, за что боролись. Власть захватили те, кто отсиживался у нас в Москве и не держал в руках оружия. Но отрасли бороды, приехали на «мерсах», а нам...

Все ясно: а их, деревенских парней, снова посылают пасти баранов.

Кажется, он угадал мое мысленное продолжение разговора. Но все же добавил:

– А в Россию нам нельзя, для вас мы – террористы.

Снова пауза. Чувствую, что звонит не ради того, чтобы поплакаться в жилетку. Боксер не из таких. Больше всех мне нервы мотал, но в то же время не был тупым исполнителем, пытался думать...

– Я чего вам позвонил, – упорно продолжает называть меня на «вы». – Я слышал, что вы говорили по телевизору, читал ваши заметки. На днях внимательно пересмотрел записи, которые отобрали у вас. И понял: вы ничего плохого Чечне не сделали. А вот мы, чеченцы, сделали вам и вашей семье очень больно. Я хочу... извиниться.

Я встал. Сел. Включил свет. Прошедшее кольнуло столь больно, что почувствовал слезы. Но это была та боль, после которой наступает облегчение. Ведь Боксер мог и не звонить...

– Спасибо. Спасибо тебе за звонок.

– И еще, – теперь уже торопливо добавил чеченец. – Я за вас не получил ни копейки. Хочу, чтобы вы знали об этом. А записи ваши сохраню и попробую каким-то образом передать. До свидания.

– Что случилось? Кто звонил? – на меня смотрела испуганная жена. – Ты что, плачешь?

– Это от возбуждения. От очень хорошего звонка.

– Но кто звонил?

– Боксер. Который обещал уши отрезать. Кажется, он закончил свою войну. А я, видимо, окончательно вышел из плена...

Об авторе

Иванов Николай Федорович. Председатель правления Союза писателей России. Автор более 20 книг прозы и драматургии. («Вход в плен бесплатный», «Черные береты», «Наружка», «Шторм» начат раньше», «Новеллы цвета хаки» и др.).

Лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград», «Прохоровское поле», «Золотое перо границы», ФСБ России, «Большой литературной премии» и других.

Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

ШЫРДАН БЛА НЁГЕР

Нарт таурух

**НЁГЕР,
ЗЫККЫЛ КИЙИМ КИЙИУЧЮ**

Нарт агъасы – Эл багъасы, ори-ра!
Нарт улу да – Тейри къулу, ори-ра!

Алгъы бурун эрле башы – Нарт эди,
Ой-орира, Нёгер деп а бар эди.

Ой-ой, Нёгер, зыккыл кийим кийиучю!
Ой-ой, Нёгер, багушлагъа кириучю!

Къолундан а кетмейди да таягъы,
Жел аурууу тутхан болур биягъы!

Ой-ой, медет, акъсай-акъсай келиучю,
Ой-ой, кюнню бузулурун билиучю!

Жел аурууу къысхан болур биягъы,
Кезиу-кезиу акъсайды да аягъы.

Ой-ой, медет, бешкъарышла сатыучу,
Болгъанмыса багушлада жатыучу!

**ШЫРДАН,
ЧУБУР АТХА МИНИУЧЮ**

Нарт агъасы – Эл багъасы, ори-ра!
Нарт улу да – Тейри къулу, ори-ра!

Алгы бурун эрле башы Нарт эди,
Ой-ори-ра, Шырдан деп да бар эди.

Ой-ой, Шырдан, чубур атха миниучю!
Ой-ой, Шырдан, къужур затла билиучю!

Юсю-башы – кёз къамата омакъдан,
Нарт Элине тюшген кибик жомакъдан.

Ёч алыргъа, махтаныргъа жюрюучю,
Алай бла танылыргъа сюйюучю.

Ой-ой, Шырдан, махтаныргъа сюйюучю!
Ой-ой, Шырдан, танылыргъа жюрюучю!

«Малым-мюлкюм, жылкъым эсе – жер жапхан!»
Ныгъышчыла: «Кена, – дерле, – жер къапхын!»

Хыйла бла санга киши жетмесе,
Фитна бла аллынга жан ётмесе! –

Муну къайда жашагъанын билмейле,
Кюнюн къалай ашыргъанын билмейле.

Шырдан бий деп мынга намыс бермейле,
Нартды деп да нартлыгъын да кёрмейле:

Чубур аты, чубуркъуйрукъ бир ити,
Элден элге айланган бир адети.

Нёгерни да кёрген сайын багушда,
Шырдан, къарап, кюле болгъанд ныгъышда:

– Сизге да бир къойса уа бу чёгерге!
Нартдан адам алмаймыды нёгерге?..

Амал жокъмуд бу багушну тёгерге?! –
Дей да къагъа, хайда, къадал Нёгерге.

Нёгер да, жукъ эштмегенча, тынгылап,
Шырданны да адыргысын ангылап.

Бу да – аны бир бош зыккыл сунардан,
Ол да – муну адамлыгъын сынардан.

Бу да анга – бир масхара кёз бла.
Ол да мынга – айтылмагъан сёз бла.

ЁРЮЗМЕКНИ ТАХЛЫКЪ КЪЫЗЫ
АГУНДА

Ёрюзмекни тахлыкъ къызы Агунда,
Элге чыкъмайд эрге чыгъар чагъында.

Келечиле кезиу-кезиу къайтдыла,
Айтырларын сюзюп-сюзюп айтдыла.

– Шырдан кибик адам жокъду! – дедиле. –
– Жырда кибик, алай токъду! – дедиле. –

– Андача журт!.. Андача юй!.. – дедиле. –
– Аныча гурт, аныча бий! – дедиле.

– Аллай насып табылмайды алтыннга,
Келсенг а, – деп, – Шырдан бийге къатыннга!

Унамады бу насыбы къуругъан,
Хайыр чыкъмад бийни махтап туруудан.

Ёрюзмекни эрке къызы Агунда
Юйден чыкъмайд эрге чыгъар чагъында.

Ахлу-жууукъ тырман эте кирдиле,
Ариу айтып, къаты айтып кёрдюле.

– Жюз ат арба келтираллыкъ хапчугу,
Жюз да къадыр кётюраллыкъ къапчыгъы.

Минг ат, минг къой, минг тууар да къалыннга,
Ёзге талау керек болур къарынынга!

– Къатападан жюз минг къары къумачы,
Анга кёре – къурманлыгъы, къууанчы.

Аны юсюне башы болса, башынга!
Аны юсюне жашы болса, жашынга!

Аны юсюне... къайсы бирин санайыкъ!
Брысхысын сайлап-сайлап алайыкъ!

– Малы-мюлкю, жылкъысы бар жер жапхан,
Къайсы къызды аллай сейир эр тапхан?

– Ай, бар! – делле, – кюлкю болма къанлыннга,
Къыз насыбынг келип тура аллыннга!

Аллай киши табылмайды алтыннга,
Эринмей бар Шырдан бийге къатыннга.

Унамады, бойсунмады Агунда,
Элге чыкъмай, эрге чыгъар чагъында.

– Менме деген киши болса сюеринг,
Алтын-кюмюш, накъут-налмас киеринг!

– Эй Агунда, къайнайса сен – бий эринг!
Болмаз, – делле, – сууукъ сууугъа тиеринг!

Жалчынг, къулунг-къарауашынг – къатынгда,
Эринмей бар Шырдан бийге къатыннга!

Унамайды бий Шырданнга барыргъа,
Кимге чапсын бий Шырдан да тарыгъа!

Ёзге къаллай келечилик айтдырсын,
Бир, эки деп ийген эди алтысын.

Иймез эди, базынмаса кесине,
Аман акъыл тюшдю сора эсине.

Ой-ой, Шырдан, чубур атха миниучю!
Ой-ой, Шырдан, къужур затла билиучю!

ШЫРДАНЫ ЁЧЮ

Ал акъылын къоя турмай артдагъа,
Бир кюн Шырдан келип айтды нартлагъа:

– Эй Нарт Эли, алауганла, аланла!
Учхан къушну кёкден къагъып алгъанла!

Ташны сыгъып, сууун ичип кетгенле,
Ашыкгъанда, желни къуууп жетгенле!

Эриширге бирда ёчсюз, билгенме.
Сизни бла ёчеширге келгенме.

– Да ёчюнгю айт, эшiteitик, делле, дей. –
Туура сакълап тургъан кибик элле дей.

– Ёчюм, – деди, – ёч туююдю – кючдю, – деп, –
Саулай нартны сагъайтырча ёчдю, – деп

Айтды, дейди. – Айт ёчюнгю, айт, – делле,
Къаллай ёчню алыргъа да хайт элле,

Учуп баргъан къушну атып ургъанла,
Кёкден жулдуз тюшюрюучю уланла.

– Ёчюм олду, бир, эки деп санамай,
Мен жашымы илишаннга салама.

Жашны атып ура берсин уралгъан,
Ёлтюралгъан чыкъса, къанын сурамам.

Сиз да атып, жаш да ёлмей къалгъанда,
Манга къатын болур, – деди, – Агунда!

Хар атхан а, – деди, дейди, – бешишер
Бешкъарышдан берирсиз да, иш бишер!

Жашны, – деди, – кёзтутханнга саллыкъма,
Хар атханнга жесир жаза барлыкъма.

Жаш, ёлмесе, кеси келир былайгъа,
Келмесе уа, мен барырма алайгъа.

Бюгюн, – деди, – тынч-ырахат жатарсыз,
Тамбла уа тангдан башлап атарсыз.

Нартла, ойлап, бир акъылгъа келдиле,
– Сен айтханлай болсун, Шырдан! – дедиле. –

Уралмасакъ, Агунданы берирбиз,
Уралсакъ а, не боллугъун кёрюрбюз!

Нарт уланла Нарт ныгъышны ташлалла,
Садакъларын жарашдырып башлалла.

ШЫРДАН ЖАШЫН ХЫЙЛАСЫНА ЮЙРЕТГЕНИ

Эй, иш этме сен Шырданны, иш этме,
Иш битмейди жер башында, бу жетмей:

Чубур аты, чубуркъуйрукъ бир ити,
Жер тюбю бла жюрюген бир адети.

Ой, жюрюп а! Бир мынгамы төреді!
Шырдан кече уку кибик кёреді.

Къарангыгъа кетди, дейди, къууулуп,
Жашы бла жетди, дейди, жумулуп.

Терен уру къаздырды, дей, алайда –
Илишанын салыр жерде – талада.

Нартха ачыкъ этгинчиннге муратын,
Ишлетген эд жашыны да суратын.

Къайдан эсе чыгъарды, дей, аны да,
Жаш элгенди, кеси кесин танып а.

Эй, иш этме сен Шырданны, иш этме!
Иш битмейди жер башында, бу жетмей!

– Энди, – деди, – суратынгы ма былай,
Ёрге сюеп, этерсе да мангылай,

Кесинг былай тюшерсе да уругъа,
Билмей, чыгып иш къалырса туурагъа!

Окъ атылгъан сайын былай бугъарса,
Окъ суратха тийген бла чыгъарса.

«Сауман» деп а белги бере турурса,
Сакъ бол ансы эртте кечден къурурса!

Эшитдинг да?! – деп сорду, дейди. – Хоу, – деди. –
Ышанма, жаш, болуп къалма оу! – деди. –

Тамбла уа не болурун кёрюрге,
Мен «бар!» десем, ма былайгъа келирсе. –

Аны бла къайтды, дейди, ызына,
Ол жашырын хыйласына базына.

НАРТ УЛАНЛАНЫ САДАКЪ ЭРИШИУЛЕРИ

Эй, иш этме сен Шырданны, иш этме!
Иш битмейди жер башында, бу жетмей.

Танг да атып, халкъ жыйылды талагъа,
Шырланд деренг ол кюн башчы алагъа.

– Садакъчыла, къалайсыз? – деп кыгчырды, –
Хайда, къалып къаласыз! – деп ышырды. –

Ай жаш! – деди, жашын ийди ышаннга,
Танг атаргъа келген эди иш анга.

Нарт уланла, кертчиле, кертиле,
Садакъларын жарашдырып келдиле.

Тийишдиле оюнчула, камсыкла,
Ёч салыргъа, ёч алыргъа тансыкъла.

Ташны сыгъып, тылы гулмак этгенле,
Желни къуууп, жетип, озуп кетгенле.

Кёзкёргеннге барып, жаш да тууратын
Ёрге сюеп салды, дейди, суратын.

Кеси къарап къалгъан кибикузакъдан,
Къачар онг жокъ ата салгъан тузакъдан.

Жаш кеси уа энишге жатып – уругъа,
Нарт уланла хазыр – атып уругъа!

Ол сюелген жаш тюйюлд деп, уо-хахай!
Кимни эсине келлик эди, ол, айхай.

Къайдан билсин нарт уланы, къарты да,
Хар ким кёре, жаш ышаннга барды да!

Сюелди да, нартла къарап тургъанлай!
Агъызырча, шо, бир тартып ургъанлай.

– Атыгъыз! – деп, буйрукъ берсе атасы,
Ай, билсе уа жетеригин хатасы!

Сибилчи да айтды, дейди, олсагъат:
– Атханны уа кёргюзтейик бусагъат!

Нарт уланла садакълагъа къатдыла,
Кезиу-кезиу бирер къаты атдыла.

Жыяларын экинчи да тартдыла,
Садакъ окъла узун-узун къалкъдыла.

Кетдиле, дей, кылларындан юзюлюп,
Жетдиле, дей, бирем-бирем сюзюлюп.

Жаш да: «Сауман!» – дей да кенгден кычыра,
Жангы окъ да муну артха кычыра.

Окъ суратха тийген бла, бу чыгъа,
«Урмагъансыз, сауман!» – дей да кычыра,

Нарт уланла жап-жангыдан кыармашып,
Сейир этип, бир бирине кыарашып.

– Тенгеремей турад, делле, бу кыалай?! –
Керти жаш а уру ичине букыгъанлай.

Садакъ окъла женгил-женгил жетдиле,
Суратны да элек-элек этдиле.

Шырдан улун жанып-жанып ётдюле,
Башы бла сызылышып кетдиле.

Учхан кыушну бир атханлай ургъанла,
Кёкден жулдуз учурмагъан уланла –

Уралмайла бу сюелип тургъанны!
– Ким кёргенди быллай иш а туугъанлы?!

– Ай, бир ёлмез жаны барды бу жашны –
Жиннге, жекге, дууанагъа ушашны

Ансы, делле, быллай сейир-тамаша!.. –
Нарт уланла, кезиу-кезиу кыармаша,

Кюн узуну барып турду атышыу,
Селеймеди сейир этиу, айтышыу.

Агунданы кыоябыз деп алдырып,
Кыарам-кыарам, билек-билек талдырып,

Кыаныгышып женгил-женгил атаргъа.
Кюн да, дейди, жууукылашды батаргъа.

Кюн да, дейди, кыайгы салды жашлагъа,
Кёлсюзлери: «Хорлатдыкы...» – дей башлалла.

**ХЫЙЛА ЧЫНЫ ЭКИ ЮЛЮШЮ –
БАШЫНА**

Жашны сурат аллында олтургъанын,
«Сауман!» дей да кьоба-чёге тургъанын,

Нёгер, къарап, кёрюп тургъанд багушдан,
Кюн узуну толуп тургъанд сагъышдан.

Шырданни да билгенд, дейди, хыйласын,
«Ай, жанынгы Тейри, – дейди, – къыйнасын!

Багушунда жатып тургъан Нёгерге
Бир тийсекги жарыды, дей, ингирге:

«Энди садакъ тартмагъан нарт къалмады,
Шо, бир деп бир жангызы уралмады.

Нартла жашны уралмайын къалгъанда,
Шырдан анча жесир жайып алгъанда,

Манга жукъ да къалмай къалыр деп кьоркъду,
Андан эсе, барайымчы деп кьопду.

Акъсай-акъсай келди, дейди, артладан,
Мынга киши эс бурмады нартладан.

– Шырдан, – деди, – эркин этсенг эд, атыш...
Бир кёрюрем, садакъ окъну жырлатып.

– Ой, кел, Нёгер, уой зауаллы кесинг а!
Ай аман сен, да алгъаракъ келсенг а,

Бу Нарт халкъны къыйнап турмай быллай бир,
Хайда, маржа, Нарт садакъны къыллай бер!

Санга жесир деп да айтмам, тарт, – деди, –
Сен а, Нёгер, жюз кере да ат, – деди. –

Эй-хей, маржа, бир жанлыракъ туругъуз.
Урсагъыз да, ма, Нёгерча уругъуз! –

Юсюн-башын, зыккылларын кёргенде,
Бу ичинден кюле болгъанд Нёгерге.

Бир болумсуз зыккыл киши суна да,
Ол да мынга къарап болгъанд сынап а.

– Жокъ Нёгерча ата билген атышда!
Жокъ Нёгерча бата билген багушда! –

Къараучула ышарыргъа болдула,
Жаш-къушла да тегерекден толдула.

Бу ашыкъмай нарт садакъны тартханда,
Къыл, тартылып, къол да жансыз къатханда,

Сибилчи да, къулагъына шыбырдап:
Нёгер, «сауман» деген чакъда жырылдат!

Энди билдим жашны къалай атаргъа. –
Сибилчи да тюз ма алай айтыргъа,

Нарт да, марап, къылны бошлап ийгенде,
Окъ да, барып, жырып бошап тийгенде,

Жаш да: «Сауман!» – деп секирип тургъанда,
Нарт да огъун женгил салып бургъанда...

– Ат, ат, Нёгер, бир сангамы тереде!
Ит болмагъан жерде тюлкю юреди. –

Шырдан да, шо, алай айтхан кезиуде,
Нёгер да, шо, алай тартхан кезиуде,

Жаш да «сауман» деген ауаз иерге –
Экинчи окъ кетген эди – тиерге!

«Алчы, Шырдан, иги эсе, алдагъан!» –
Артада огъу, озуп кетип алдагъын,

Кёзню жумуп ачхынчыннга атылып,
Къалды, дейди, батар жерге батылып!

Жаш да, чууу чыкъмай, чёгюп къалгъанда,
Тегерекни шум-шумалакъ алгъанда,

Шырдан кесин жашы таба атханда,
Саудан-шаудан хапар келмей жатханда, –

Къайдан турсун, харип, «сауман» деп ёрге...
Халкъ да къарап къалды, дейди, Нёгерге.

Кюн батаргъа келген эди иш анга,
Аллай кюнле келе турсун душманнга –

Келгенча уа Шырдан бийни жашына.
«Хыйлачыны эки юлюшю – башына!»

ШЫРДАНЫ ДЕРТИ

Жыгъылгъанны сырты жерден тоймайды.
Шырдан жашдан къанын алмай къоймайды!

«Мен да сени буюртмасам хатанга,
Сен да, – деди, – эр туугъанса атанга!

Ит итлигин этер, гажай – гажайды,
Багуш бокъ да багуш бокъгъа ушайды».

Жукълатмады жюрегинде дертин да,
Чубур атын, чубуркъуйрукъ итин да.

Андан терен кире турмай сагъышха,
Салып барды Шырдан жатхан багушха,

Изледи да, «ит Нёгерни» тапмады,
Тапхынчыннга, татар ашын татмады.

Ол атыучу жеринде да жокъ эди,
Ол жатыучу жеринде да жокъ эди.

Кёз байланып, кеч-къарангы болгъанда,
Къайтып, барып сынчылады – жокъ анда!

Тёгерекни марай, къарай тургъанда,
Бир шуулдап келген кёрдю туманда.

Жел этдирип жетди, дейди, бир атлы,
Атлы тюйюл – учхан жулдуз, къанатлы!

Юсю-башы кёз къамата, жылтырап.
Халын кёрген къачар кибик къалтырап.

Къайда эсе бир таужъ да кыгчырды,
Тюз ол чакъда бир жер юй да ачылды,

Атлы, барып, ол жер юйге ташайды,
Олсагъатдан жел сорушду, шошайды.

Бу да, кёрюп, тамашагъа къалгъанда,
Санын-чархын къалтыраужъ алгъанда,

Ол жер юйден чыкъды, дейди, бир зыккыл,
Акъсай-тыкъсый, бир насыпсыз, бир мыккыл.

Келе келип кирди, дейди, багушха,
Бу да, танып, къалды, дейди, сагъышха.

«Ай, бу, – деди, – бу бир нартла кюйюдю,
Бу мен умут этген Нёгер тюйюлдю».

Кёрюнмеди, кетип къалды жашыртын.
Алай бла сау ыйыгъын ашырды.

«Ай, бу, – деди, – бу бир нартла кюйюдю,
Бу мен умут этген Нёгер тюйюлдю».

Мынга, – деди, – адам кючю къарымаз,
Тууралашып къатылыргъа жарамаз.

Адам муну къалай бла ёлтюрсюн,
Дертин мынга къалай бла жетдирсин?» –

Андан терен кире турмай сагъышха,
Къайтып барды Нёгер жатхан багушха.

Абызырагъан, къоркъгъан бетин ташлады,
Багушунда ат ойнатып башлады.

– Шырдан, неди жел ургъанлай жетгенинг,
Мен да ауруп тургъанлай бу этгенинг?!

– Ай, гудучу, харам Нёгер, ит Нёгер,
Обалада къара тонгуз кют, Нёгер!

Бир кёрейим: ауруймуса, саумуса,
Нёгермисе, тёгермисе, шаумуса?!

Мен да сени кимлигинги билгенме,
Салып санга аны ючюн келгенме.

Кюндюз болса, багушлада жатаса,
Кече болса, бешкъарышла сатаса,

Къарынынга уа жарашхан аш къапмайса,
Жанынга уа жарагъан ат тапмайса.

– Шырдан, аны сен а керти айтаса,
Аны, – деди, – сен а чертип айтаса –

Кюндюз болса, багушлада жатама,
Кече болса, бешкъарышла сатама,

Къарыныма уа жарашхан аш къапмайма,
Кёлюме уа жарагъан ат тапмайма.

Анга, Шырдан, айт, не мадар этейик?
Тейри этгеннге биз не къадар этейик?

– Анга, Нёгер, этеригинг алайды,
Къарыны ач а къанга тубюн жалайды.

Жетиланы атларыча ат жокъду,
Жер юсюнде андан ариу зат жокъду.

Кёкню барса, илячин къуууп жетмейди,
Жерни барса, аллына жан ётмейди.

Киши эсенг, жыгъарынгы жыкъсанг а,
Жетиланы акъ ажирге чыкъсанг а!

– Индиланы дейсе? – деди. – Хоу, – деди.
– Игиси уа, Шырдан, – деди, – ол эди!

Жетилары жети жигит болалла,
Жерни жети къатысы да алалла!

Ат минмейле, ай тогъайы толмаса,
Къантармайла, байрым кече болмаса.

Къайда мадар, акъ ажирге чыгъарча?
Къайда къадар, жыгъарынгы жыгъарча?

Жерни баргъан аны къуууп жетмесе?
Кёкню учхан аны аллына ётмесе?!

Бек къалада болса, – деди, – турууу,
Къаланы да – тогъуз къаты бурууу.

Эшигинде – тогъуз къала кирити,
Тогъуз хораз, аллай бирда бар ити.

Барысы да аны сакълап тургъанла.
Садакъчыла – аны жокълап тургъанла.

Ала билмей, чибин учмайд къалада,
Ол къала да – жан кирмез бир талада.

Акъ ажирге мен а къалай чыгъайым?
Жыгъылмазны мен а къалай жыгъайым?

– Энди сора этеригинг алайды:
Мен айтханны этсенг, санга жарайды.

Чинг алгъа сен уууч тары алырса,
Ызы бла хоразлагъа барырса,

Ала санга къанат таууш этерле,
Къычырышып, къанкъылдашып жетерле.

Сен аланы алларына чёгерсе,
Юслерине тары бюртюк себерсе.

Сени кьоюп, ала анга болурла,
Къатылсанг да, дып этмейин турурла.

– Хоразладан алай бла ётейим,
Итлеге уа, Шырдан, не амал этейим?

– Итлеге уа этеригинг алайды,
Ит а байны къанга тюбюн жалайды!

Хоразланы берген чакъда ашларын,
Юзюп-юзюп ала бар сен башларын.

Олсагъатдан ала сени кёрюрле,
Къансып-къансып, хап-хуп этип юрюрле.

Къайсы парий жууушмайды, аш берсенг!
Тогъуз итге тогъуз тауукъ баш берсенг,

Къуйрукъларын булгъап ала тохтарла,
Садакъчыла бош даурд деп жукъларла.

Итле юрмей, санга адам уянмаз,
Жолунгдан да сени киши тыялмаз,

– Тогъуз итден алай бла ётейим,
Киритлеге, Шырдан, не амал этейим?

– Киритлеге этеригинг алайды,
Акъыллыдан ахлы болгъан къолайды.

Келинлери кичи эгечинг – Гошады,
Аталары аны оноугъа къошады.

Олду къала ачхычланы жюрютген,
Мен болмайым андан ары юйретген.

Айтды, дейди, аллыкъ андан алсын деп.
Бу сёзюбюз ичибизде къалсын деп.

* * *

Ой-ой Нёгер, ой-ой Нёгер, ой Нёгер,
Къой ауузундан чёп юзмеген къой Нёгер!

Къолунда уа экид, дейди, таягъы,
Акъсагъанча этед, дейди, аягъы.

Бир аягъын, бир таягъын атлата,
Атламларын кезиу-кезиу къатлата

Келди, дейди, кичи эгечи Гошагъа,
Сюелди, дей, бир жанлыракъ, бош алай.

– Не болгъанды, нек мудахса, ай кюнюм?
Ауругъанынг затмы барды, айт, кюнюм?

Ачмыса, кел, ауруунгу алайым?
Сууукъмуса, айтчы, къорунг болайым?

– Угъай, – деди, – ач, сууукъ да туююлме.
Ауругъаным зат да жокуду, игиме.

– Кюнюм, адам азамыд да бош алай?
– Не затыма къууанайым, Гоша, айт?

Кюндюз болса, багушлада жатама,
Кече болса, бешкъарышла сатама.

Багъаларын алып, санга береме,
Жанымдан да сени артыкъ кереме.

Сенден сора кимим бард деп турама,
Ма, кереесе, бий Тейриге туурама.

Бир кечени тынчайып а жатмайма,
Кёлюме уа жарагъан ат тапмайма.

Сен а къаты букъдургъанса, айтмайса,
Сырынгы да манга бирда ачмайса.

Аз да, саз да иги дамы болайым,
Ай эгечим, не зат бла толайым?

Эгечини ахы кетип тураракъ.
Бу да бетин бир жанына бураракъ:

– Хапар жюрюйд, бир сейирлик зат барды,
Индилада бир тауушлукъ ат барды –

Кёкню барса, илячин къуууп жетмеген,
Жерни барса, аллына жан ётмеген.

Тогъуз башлы къаладады турууу,
Къаланы да – тогъуз къаты бурууу.

Эшигинде – тогъуз къала кирити,
Тогъуз хораз, аллай бирда бар ити –

Барысы да аны сакълап тургъанла,
Таймай, тогъуз садакъчы да – туурада.

Сендед, дейле, ачхычлары къаланы,
Менден къаты жашыргъанса аланы.

Аны ючюндю, Гоша, кёлюм къалгъаны,
Олмуду деп сенден ыспас алгъаным?

Бир баямын билейим деп келгенме,
Ачхычларын тилейим деп келгенме.

Айтырыгъын Нёгер айтып бошады,
Олсагъатдан Гоша жилияп башлады.

– Ай, мен ёллюк, аны санга ким айтды?
Ким юйретди, эшигими ким жапды?

Аны айтхан аман тапсын Тейриден,
Къутулмасын аны башы Тёреден!

Ким сукъланды, ким зарланды жарлыма?
Нёгер, – деди, – къор болайым жанынга!

От чыкъмасын мен эгечинг Гошадан.
Къоярмы эдинг, эгечингден бошагъан!

Сени, – деди, – аны юсюне жоярла,
Мени санга таралта уа къоярла, –

Гоша, жилияп, сыйыт этип, тёгюлдю,
Кёз жашлары бурчакъ-бурчакъ сёгюлдю.

* * *

Кёз жашларын бурчакъ-бурчакъ тёгер да,
– Къоркъма сен, – деп жапсарад, дей, Нёгер да.

Нёгер да бу ачхычланы алырдан,
Гошагъа да къоркъуу, къайгъы салырдан.

Кечени да бир заманы болурдан,
Бу Нёгер да бу акъ атха барырдан!

Тауукълагъа уууч толу аш берди,
Тогъуз итге тогъуз тауукъ баш берди.

Тауукъ кёрмей, ит да юрмей къалгъанда,
Къайдан кёрсюн, башын буруп алгъанда?

Къайдан юрсюн, ашын берип баргъанда?
Ит да юрмей, тауукъ кёрмей къалгъанда,

Тогъузунчу киритни да ачханда,
Нёгер, дейди, ат орунга ычхынды.

«Ма ол акъ ат – жанлы къуууп жетмеген,
Кёкню барса – аллына жан ётмеген.

Алтын жаллы, жез табанлы!..» – дегенде,
Тили угъай, жүрек алай тепгенде.

Ат, пырхылдап, ал аягъын бир урду,
Эки кёзюн Чолпан этип, бир бурду.

Къулакълары бир жумулуп, бир турду,
Эки бурун тешигинден от урду.

Багъанада ат кереги – кюмюшден,
Жем салыучу алтын гулла – мюйюште,

Ичине да – кызыл будай къуюлуп,
Ат кеси да – ол будайгъа тыйылып.

Чюйде – кийиз къамичиси тагъылып,
Ат сыланып, ат сыйпалып, багъылып.

Ат кесиди юйню ичин жарытхан,
Негерни да тамашагъа къаратхан.

Жаны кирип къалды, дейди, бу атха,
Ийнаналмай кёзю кёрген бу затха...

Ат, къулагъын жумуп, башын бургъанда,
Алтын жалкъа толан-толан булгъанды.

Къанкъаз боюнун жыя этип къарады,
Чолпан кёзю садакъ окълай марады.

Къоркъуп да бир туракълары бу артха,
Алгъа да бир силкинди, дей, бу атха.

Ат да башын ёрге тутду – кишнерге,
Бу да энишге ийилди да, бу жерге.

Атха кийиз къамичини тийдирди,
Атны, дейди, башын энишге ийдирди.

Къабыргъада жүгенин да алгъанда,
Багъанада ат жерин да салгъанда,

Айылын да тартхан чакъда къатыракъ,
Негер, дейди, артха чыкъды къайтаракъ.

Хар киритни башха эди ачхычы,
Хар эшикни ташдан эди басхычы,

Аякъ таууш тунукъ-тунукъ эшитиле,
Ауур-ауур, сабыр-сабыр тюшдюле.

Киритлени элтип, дейди, бошаргъа,
Ачхычларын элтди, дейди, Гошагъа.

«Къайда да бир жукъ сагъынма!» – деп берди,
Атха кийиз къамичини жетдирди.

Кёргенсиз да жулдуз учхан ай кече,
Акъ атны да не башхасы жай кече!

Бютюнда бу Нёгер миннген сагъатда, –
Учду, кетди, жулдузланы сагъайта!

* * *

Эрттенбла келди атха къараучу,
Хазна болсун бюгюн затха жараучу!

Ачхычланы алып, дейди, Гошадан,
Киритлеге салып, дейди, бошагъанд.

Сора киргенд ат туруучу орунга,
Тапсанг, къойма! Жокъ бир кёзге урунган!

Кёзюн жумуп, кёзюн ачып къарады,
Эшик артын, гулла тюбюн къармады.

Энишге тюшдю, ёрге чапды – башына.
«Уо, хахай!» – деп, чартлап чыкъды тышына.

Кетди, дейди, тоханагъа атылып,
Жетди, дейди, «уо, хахайла» айтылып:

– Ачхычлары, кирити бар, ат а жокъ!
Кирит чакълы бир ити бар, ат а жокъ!

– Эй-хей, маржа, бу неди, – деп, – бу дауур?! –
Ол заманда уяннганды къалауур.

* * *

Хапар-таурух төгерекге жайылды,
Ахлу-жууукъ Нарт къалагъа жыйылды.

«Къалаууру, кирити да – жеринде,
Кирит чакълы бир ити да – жеринде,

Кече баргъан-келген деген зат а жокъ,
Эртгенбла къарагъанда, ат а жокъ!»

Нарт-гурт, эшитип, жарсып, сора келдиле.
Ай таланган, къалай бла?! – дедиле. –

– Къалкъаны да, садагъы да – жеринде,
Алтыны да, палахы да – жеринде.

Бир акъ атдан къалгъанлары – хош бары.
Жаланда бу хоразланы башлары...

Тепди, дейди, Нарт къаланы иеси –
Ажашмаучу, тас болмаучу ийнеси:

– Ат табылмай, бери биринг басмасын!
Тохта сизни, бирем-бирем асмасам!.. –

Къалауурла – суу къуйгъанлай халлары,
Ма бусагъат асады деп ханлары.

Алай-былай, оу-шау, къым-тым этдиле.
Атны излей, жайылдыла, кетдиле.

Жетилары – жети улан, жети жаш –
Атландыла кичилерин этип баш.

Гилястан да жетди, дейди, бир аздан,
Индилагъа киеу болгъан Гилястан.

Ол да, дейди, Нарт къаланы ташлады,
Ол да сорууп-сурап, излеп башлады.

Тынчаймады, солумады, жатмады,
Кюндюз кюнюн, кече кезюн жапмады.

Ол ачмагъан эшик къалмай айланды,
Ол кирмеген тешик къалмай айланды.

Ол бармагъан жер къалмады – акъ ат жокъ,
Ол сормагъан эр къалмады – акъ ат жокъ.

«Да бу суугъа батып кетген ташмы эди?!
Алгъы бурун бу бармы эди, тасмы эди?! –

Кёкге минди, жерге тюшдю – акъ ат жокъ,
Азды-талды, кюйдю-бишди – акъ ат жокъ!

Таякъны да таякъ учу къалмады,
Аякъны да аякъ кючу къалмады.

Нарт жокъ эди мынга сейир этмеген.
«Жер юсюнде адам аны элтмегенд!..» –

Дедиле, дей, жети улан, жети жаш,
Къайтдыла, дей, кичилерин этип баш.

Къайтмадыла къалауурла, атлыла,
Думп болдула, жер тюбуне батдыла.

* * *

Табылдымы, къалдымы деп Шырдан да,
Марап, соруп, къарап, кёрюп тургъанды.

Атны тапмай къайтханларын билгенди,
Бир кюн: «Не эте турасыз?» – деп келгенди.

– Этип а не этерикбиз – турабыз,
Акъ ажирни урлатып олтурабыз.

– Эй-а, маржа! Сен айтдың да – мен эшитдим.
Оуей-оуей! – алай-алай сөлешди.

– Ай айландыкъ, жыл жүрюдюк, тапмай, – деп, –
Ай анассы, – деди, – ат а атмы эди!

Кёкню барса – аллына къуш ётмеген,
Жерни барса – жанлы къуууп жетмеген!

Атланнганда – адам тилин билиучю,
Айланнганда – къайта билип келиучю.

Жер къалмады биз бармагъан, жетмеген,
Аны, – деди, – жерде адам элтмегенд!

– Аны, – деди, – жерде адам элтгенди,
Бир таныгъан, билген адам этгенди.

Ай мен, – деди, – хар кечеден ишдеме,
Бир ат аякъ тауушлар а эшитеме.

Ол атны таушуна ушайды,
Аны аякъ алышына ушайды.

Кече бла Нарт кёпюрге бар барчы,
Ол тауушну туурагъа бир чыгъарчы!

Садагъынгы хазыр тартып бир турчу,
Акъ жоргъада керилгенни бир урчу!

Юркютюп иш къоярса да, ашыгъып,
Бгъхындырсанг, этмез, – деди, – ахшылыкъ.

– Шырдан, акъ ат ол болмасын?! Билалсанг...
– Эй, Гилястан, – олду, олду, ийнансанг!

Ким эсе да хар кечеден чыгъады,
Къайдан чыгъад – Байрым аны къурутсун!

Акъ атны да туягъы от чагъады,
Не уа, – деди, – аман окъгъа буюрсун!

Нарт кёпюрге жылкы уруп ётер да,
Гюрюлдейди тангнга дери кёпюр да.

Кёз аллында жашнап ётген Боракъ а –
Алтын жаллы, жез табанлы ол акъ ат!

Кёкню барса – аллына къуш ётмеген,
Жерни барса – ызындан жел жетмеген!

Юсю-башы кёз къамата, жылтырап,
Халын кёрген къачар кирик къалтырап.

* * *

Гилястан да кеси билип къалгъанын,
Хазырады садакъ огъун, къалкъанын.

Сылап айтды садакъ къылын, жыясын:
«Энди сизни бирге тартып жыялсам,

Мен сюйгенча барып тиер огъубуз,
Табылып да къалыр сора жогъубуз».

* * *

Кечени да бир заманы дегенде,
Темир кёпюр къулагъында бегинди.

Ай, келди, дей, бир заманда бир атлы,
Атлы түйюл – учхан жулдуз, къанатлы.

Юсю-башы кёз къамата, жылтырап,
Халын кёрген къачар кибик къалтырап.

Шо, акъ ат да кирир-кирмез кёпюрге,
Гюрюлдеген къанжал таууш кётюрдю.

Кёпюрмюдю гюрюлдеген, атмыды –
Аны иги билгинчиннге атмады.

Сора кетди садакъ огъу юзюлюп,
Кимге эсе да барып тийди сюзюлюп.

Кёк кюкюреп, элиямы атылды?
Темир тауму темир таугъа къатылды?

Жанып, бир зат ёчюлдю, дей, алайда.
Ол къарангы кечеде, дей, алайда.

Юсюндеги кетди, дейди, жыгъылып,
Бу да чабып жетди, дейди, жумулуп.

Ма ол акъ ат – аллына къуш ётмеген.
Жерни барса – жанлы къуууп жетмеген.

Атланнганда – адам тилин билиучю,
Минсенг, дейди, къанатлыгъа миниучю.

* * *

«Ат табылды!» деген хапар жайылды.
Нарт-гурт, къарт-гурт тегерекден жыйылды.

Келди, дейди, кими алгъыш этерге,
Кими, дейди, хапар-тепер эшитирге:

Кирмеген да – ат оруннга кирирге,
Кёрмеген да – ол акъ атны кёрюрге.

– Ай таланнган, кимед муну урлагъан?
Аллай бирни жукъ сездирмей туралгъан?!

– Ай, аны уа, ким болгъанын сорсагъыз,
Билирсиз да, Нарт кёпюрге барсагъыз!

Андан была кетдиле, дей, къуюлуп,
Нарт кёпюрге келдиле, дей, жыйылып.

Къарасала, бир бий тура сойланып,
Ким болгъанын билалмалла ойланып.

Садакъ окъ да ёшюнюне чанчылып,
Кеси ёлюп, эки кёзю ачылып.

– Ай кимди бу? Оуей-оуей! – дедиле.
– Ай кимди, ким?! – оууй-шаууй этдиле.

– Ат ючюн а... быллай бийни ёлтюрюп?!
Кёрдюле да бийни ёрге кётюрюп.

Сыгъынышып, кётюралмай къойдула.
Жеринден да тепдиралмай къойдула.

– Ай, – дедиле, – муну ёлтюрген оу боллукъ!
Биз кёрмеген ат, – дедиле, – ол боллукъ!

Сытылдыла узун тюшюп жатханнга,
Киши жууап этмей турду айтханнга.

Нарт Гилястан – Турту эди бир аты –
Бийге къарап турду, дейди, сын къатып.

Борбайындан алып, дейди, бу ачыу,
Суу къуйгъанлай болуп къалды къууанчы.

«Ай, ит Шырдан, жюрегинг а къуу эди,
Ай, къуу эд да, къуу эди, ай, бу, – деди, –

Манга бу бир сыйлы адамны ёлтюртдю,
Башыма да къара палах келтирди!

Ай, бу, – деди, – садакъ огъум уютхан,
Ат туягъы Нарт кёпюрню уятхан, –

Бу кеси да мен таныгъан адамгъа...
Кет, къой, – деди, – жорамайым аманнга!»

Ишекли болуп, тюрслеп-тюрслеп къарады,
Эки кёзюн кёзлерине къадады.

Не зат келмез сау адамны кёлүне?!
«Угъай-угъай!» – ырыслады. Кимине?

Ит Шырдан да жетди, дейди, къууулуп,
Оу-шау кибик этди, дейди, къууанып.

– Ким эсенг да юйюнг къуруп къалды да! –
– Ким болгъанын кеси билип алгъадан!

– Эй нарт! – деди, – нарт-гуртмусуз, къартмысыз,
Бу ёлюкню таныгъан нарт бармысыз?

Нарт да, къарт да онгдан-солдан кирдиле,
Къарап-къарап, тийип-тийип кёрдюле.

Бирда муну таныгъан нарт чыкъмады,
«Оуей-оуей!.. – бир бош нартны жыкъмады!»

– Сора, – деди, – нартны барын жыйыгъыз,
Жолгъа чыкыгъан бар эсе да, тыйыгъыз.

Эр кишиге киндик бауу кесилген –
Бири къалмай бери, – деди, – келсинле!

Келтирдиле къарт-къурт къоймай төшекде,
Жыйылдыла, жаш-къуш къалмай бешикде.

– Ким къалгъанды энди? – деп да сорур да:
– Нёгер, – делле. – Багушунда болур да...

Къалгъан нарт а былайдады, – дедиле.
– Келтиригиз! – Барып келген эдиле.

* * *

– Нёгер жокъду!
– Бу къайдады?! – дедиле.

– Эй, Нарт Эли, тынгылагъыз огъесе
Бу Нёгерди, багушунда жокъ эсе!

Сора ма бу сюрген эди атны, дей,
Халкъны мынга ёчюкдюре айтды, дей.

Туртуну да ишекли болуп тургъаны
Нёгер эди – бир анадан туугъаны.

Киндиклерин бир аначы кесгенле,
Бир эмчекни сютюн ичип ёсгенле.

«Ай-ай, Шырдан, жүрегинг а къуу эди,
Ай, къуу эд да, ачы тилинг уу эди!

Кёзюмю уа къапдырдынг да ауузума,
Кетмез ачыу такъдырдынг да азыма!..»

Уу Шырданны жашын Нёгер жойгъаны,
Ол да муну эсин алып къойгъаны...

«Дертин мени юсюм бла жетдирип...
Бир нарт этмез мурдар ишни этдирип...»

Ол сезими ичин ёрген алдырды,
Жукъ айтмады, жүрегинде къалдырды.

«Ай-ай, – деди, – ичген сютюм суу боллукъ,
Ай, кёрмеген атым, – деди, – бу боллукъ!

Мен да, Шырдан, жетдирмесем хатанга,
Сен да, – деди, – эр туугъанса атанга!

Мен да, – деди, – мен ат ургъан башыма,
Нартма деп а Нарт Элинде жашамам!»

Халкъ ёлюкню кётюрюрге кюрешди –
Болалмады, энтта Шырдан селешди:

– Барыгъыз да, ол эгечи Гошаны,
Аталары ол оноугъа къошханны

Келтиригиз, бир кюй этип, чуу этсин,
Кёз жашындан этине бир суу жетсин.

Ол заманда кётюрюрге болурсуз,
Нарт кёпюрден ётдюрюрге болурсуз.

Чабып барып билдирдиле Гошагъа.
– Оу-оу, Нёгер, эгечингден бошагъан!

Оу, жарылсын сезип тургъан жүрегим,
Къууугъун этмей, тёзюп тургъан жүрегим.

Оу-оу кюнюм, оу-оу кюнюм этди, дей.
Къолун-бутун тюе, чабып жетди, дей.

Чачын-башын жыртды, дейди, кыйынлы.
Турту къарап турду, дейди, кыйынлы.

Ол да, дейди, къарындашы Гошаны,
Ол да, харип, кез жашларын бошлады.

* * *

Киндиклерин бир аначы кесгенле,
Бир эмчекни сютюч ичип ёсгенле.

Жарлы Гоша ариу бетин тырнады,
Тобукъларын туююп-туююп сарнады.

Оу-оу эте, чыкъмай къалды сёзлери.
Тюз ол чакъда жабылдыла Нёгерни да кёзлери.

– Оу-оу! – деди. – Терк ёчюлген чырагъым!
– Оу-оу! – деди, – куююп тюшген борагъым!

Халкъ да муну сёл этерге кюрешди,
Ариу айтып, кёл этерге кюрешди.

Артха тартып алдыла, дей, ёлюкден,
Киши, делле, къутулмайды керлюкден.

– Оу, жарылсын мени, – деди, – жүрегим,
Къыркъылып а жатад, – деди, – билегим.

Тёгерегин талады, дей, алайда.
Сытылды, дей, къармалды, дей, алайда.

– Энди жияп этеригинг жокъду деп,
Аны жыкъгъан сен таныгъан окъду деп,

Ай эгечим, Нёгерингден бошадынг, –
Шырдан мынга алай-алай жаншады.

Турту, къарап, эшитип турду алайда,
Эшитмегенча этип турду алайда.

Тургъанд, дейди, тил этгенин ангылап,
Къойгъанд, дейди, билмегенча тынгылап.

Нарт уланла Нарт Нёгерни кётюрюп
Кетдиле, дей, Нарт кёпюрден ётдюрюп.

* * *

Ол жыл къалып, экинчи жыл келгенде,
Жаз да кетип, кыш да жетди дегенде.

Жыл байрамгъа жыйылгъан эд Нарт Эли,
Ким бозагъа, ким да жыргъа тарт эди!

Къыркъ бугъа да къурманлыкъгъа союлуп,
Жаш-къуш кълмай Аликлагъа къуюлуп.

Шырдан бий да – Нарт Элинде кълнакъда,
Юсю-башы кълкъамата омакъдан.

Къларт-кълурту да хант кълангагъа жарашып,
Шапала да ашха-суугъа кълармашып.

Къланыгъышып бал бозаны ташыргъа,
Кълнакъла да ашап-ичип башларгъа,

Турту деп а танылыучу Гилястан,
Жеринден шош турду, дейди, бираздан.

Барып мингенд Шырдан бийни атына,
Кетгенд, дейди, артла бла атыла.

Ат да мынга тил билгенча кълрюне,
Бу да: «Элт, – деп, – ол барыучу жеринге!»

Келтиргенд, дей, чегет башы дупшургъа,
Дупшур тълуюл – жер маталлы лыппыргъа.

Тълшгенд, дейди, бир тар жаяу жолчукъгъа.
Эннгенд, дейди, бир кълрангы кължчукъгъа.

Тамагъында бир тешик да ачылгъанд.
Кирип барса, бир эшик да ачылгъанд.

Чыкъдыла, дей, бир кълыз бла бир кълатын.
– Кълоркъмагъыз, – деп тотатханд, дей, бу атын. –

– Мени, – дегенд, – Шырдан бийим ийгенди,
Бар да, кълге билдир, маржа, дегенди.

Нарт кълнакъла келтирирге айтханды,
Кеси уа къларт Ёрюзмекге кълайтханды.

– Хайда, маржа, бара тур, – деп ийгенди.
Отха-суугъа къарай тур деп ийгенди, –

Шырдан бийни арбазында бир акъ ирик кӛргенд да:
«Ирикни да соя тур, жаш» дегенд, дейди.

Сора кесин жарашдыргъанд жумушха да,
Къатын, къыз да болушханд да,

Къыркъ къазанны асдыла, дей, ючюсю да,
Къыркъ челек суу къуйдула, дей, ичине да,

Тюбюнден да отну уллу этдиле, дей.
«Къайна, къазан!» дегенни да айтдыла, дей.

– Хазыр турсун оту, сууу, неси да,
Ма бусагъат жете болур кеси да, –

Деди, дейди, ирик соя Турту да,
Заманны да алай соза турду да,

Къыркъ къазан да башлады, дей, къайнап а,
Къыркъ челек суу чайкъалды, дей, ойнап а.

Къазан боркъ-боркъ этген чакъда, ма санга!
Сермеп алып, къайнай тургъан къазаннга

Бий Шырданны юй бийчесин ургъанды!
Къаны дегин алай кызып тургъанды.

Андан, дейди, бийни кызын ургъанды,
Дерти, дейди, алай кысып тургъанды.

Ызы бла къарауашын ургъанды.
Отну да иги ышыргъанды дегенди.

Андан минип Шырдан бийни атына,
Артха къайта бергенд, дейди, атыла.

Ай жарыкъда Аликлагъа тийишгенд,
Барып чӛкгенд бир къарангы мюйюшге.

Барды-келди деп да киши билмеди.
Къалды-ӛлдю деп да киши билмеди.

Къыркъар айда кюнден жарыкъ кечеле,
Бал боза да таннга дери ичиле,

Нартла тартып турдула, дей, жырланы,
Тюртю кютюп турду, дейди, Шырджанны.

Къыркъ бугъа да ашалды, дей, ол кече,
Бал боза да бошалды, дей, ол кече.

Хапар, таурух, жыр, жомакъ да айтылды,
Чам, лакъырда, оюн-кюлюкъ къатылды.

Былай жарып ким кѳргенди Шырджанны!
Боза къатыш тартып турду жырланы.

Хар киргеннге жангы чамла туудура,
– Бу игиге къутурсун! – деп турдула.

– Шырдан туююл – бал бозады къутургъан! –
Деди, дейди, Тѳрге чыгып олтургъан.

– Олду, олду ичиндегин къайнатхан! –
Деди, дейди, боза къуюп ойнатхан.

Тейриден да хайыр тилек тиленди.
Танг да атып, кюн да жарыкъ тийгенде,

Миндирдиле кеф Шырджанны атына,
Кетди, дейди, аз-аз, шош-шош къатыла.

Жетди, дейди, чегет башы дуппургъа,
Ёрледи, дей, жер маталлы лыппыргъа,

Андан энди къолгъа элтген жолчукъгъа.
– Хей! – дегенди. – Хей!! – дегенди, жокъ чыкъгъан! –

Къырылыпмы къалгъансыз! – деп къычыргъанд.
Къычырыкъгъа дуппур кеси ачылгъанд.

Уруп барса – юй да, кюй да чачылып,
Арбазында – Къыркъ къазан да асылып.

Къармакъны алып урду, дейди, къазаннга, –
Къатыныны чачы чыкъды, ма санга!

Эжинчи да урду, дейди, къармагъын –
Эследи, дей, къызчыгъыны бармагъын.

Оу-шау эте, чёкдю, дейди, алайда.
Эсиргенин тёкдю, дейди, алайда.

– Эй-эй Шырдан, къутурмадынг игиге,
Къан жаудуруп тураса да юйюнге!

Къатын, къыз да Къыркъ къазаннга урулуп,
Юйюнг къуруп турады да, къырылып! –

Ач бёрюлей улуду, дей, алайда,
Сытылды, дей, бууулду, дей, алайда,

Къармалды, дей, къаралды, дей, алайда.
Тёрт да жанын талады, дей, насыпсыз!

Сезгенд, дейди, Туртуну да келгенин,
Билгенд, дейди, бу жол керти ёлгенин.

Сора тили тутулгъанд да, дейдиле,
Сора тарс деп атылгъанд да, дейдиле,

Жел тюйюмчек болуп аты, ити да,
Сууурулуп, кёкге учуп кетдиле, дей.

Бош къалдыла юйю, мюлкю, журту да.
Туурасындан къарап, дейди, Турту да.

«Хыйлачыны эки юлюшю – башына»
Деп, халкъ айта болмаз эди бошуна.

БЕГИЙ ЛАНЫ *Абдуллах*
хазырлаганды

ЁТГЮР НАЗИР

Адам, жашай бара, кѐп сейир затлагъа, кѐп тюрлю къыйын-лыкълагъа, тюрлю-тюрлю адамлагъа тубей барады. Ол сейир тубешиулуден а ъхтемленирча, юлгюге салырча, ыспас этерча не да табылады. Бирде уа къатынгда жашагъанланы жашау жолларын иги билмей, эс бѐлмей да туруучубуз. Сѐз ючюн, Жанхотия элде Байкъазыланы Ханафийни жашы Назирни гитчелигимден бери фахмулу, элни ишине кѐлю бла кесин берген, башхалагъа ачыкъ жүрекден болушургъа суйген, огъурлу юй-юрюнде намыслы, адепли сабийле ѳсдюрген аламат къоншунуча таныйма, жаш заманында ол не бла кюрешгенин, къаллай адам болгъанын а билмегенме. Ол да Назирни кесини тазалылыгы, менсинмегенлиги, адеплилиги ючюн болур эди, баям.

Кюнлени биринде школубузда Уллу Ата журт урушха жораланган байрамланы бирине парад кийимлери бла, ѳшюнюнде да кѐп тюрлю майдалла кѐкюрегин жылтырата баргъан Назирни сыйлы къонакъланы алларында кѐребиз. Кесин ѳхтем тутханына, аны айтхан сѐзлерини жютюлюгюне, аны низамлылыгына уллу кѐл салып, айтханына алай тынгылайбыз. Аны бла арабызда аллай белгили адам, туугъан жерине жашлыгъындан бери къуллукъ этген, кѐпню кѐрген керти офицер, милицияны подполковниги жашагъанын билебиз, сора къызынып, Назирни жашауну, къуллугъуну юсюнден иги кесек соруу да сора-

быз. Андан бери бир бөлек жыл озгъанды. Алай ол кюн а мени эсимден бирда кетмейди. Журтубузну керти жашы бла сизни да танышдырайым.

Байкъазылыны Назир 1950 жылда Казахстанны Алма-Ата шахарында туугъанды. Кёчгюнчюлюкден къайтхандан сора, орта школну бошагъанды, талай заманны Тырныауузда ишлеп тургъанды, андан аскерге чакъырылып, Украинада Николаев шахарда къуллукъ этгенди. Анда да кишилиги, акъылыны жютюлюгю, чыдамлыгъы, этген ишине толусунлай берилгени бла атын иги бла айтдыргъанды, «айырмалы аскерчи» деген атха тийишли болгъанды. 1971 жылда Ата журтну аллында борчун толтуруп къайтханлай, ОВД-гъа ишге киреди, жашауун да толусунлай бу ишге жоралайды.

Этген ишине кертиси бла да тийишли болурча къарыуун, заманын да аямагъан низамлы адам, билимин да ёсдюргенлей тургъанды. Саратов шахарда МВД-ни энчи милиция школун, ызы бла уа Къабарты-Малкъар къырал университетни тарых бёлюмюн да айырмалы бошагъанды. Окъугъан кезиуюнде Тырныауузну ич ишлени къалауурла бёлюмюню инспектору болуп тургъанды. 1981 жылда уа къалауурла бёлюмню таматасына салынады. Бусагъатда Тырныаууз шахарны ОВД орналгъан межямы да Назирни башчылыгъы бла ишленнген эди. 1971–1999 жж. МВД-ни кёп тюрлю бёлюмлеринде баш къуллукълада ишлей келип, 1997 жылда Эльбрус РОВД-ни СОБР бёлюмюне таматалыкъ этип тургъанлай, жыл саны келип, отставкагъа чыгъады.

30 жылны ичинде Ата журтуна айыпсыз керти къуллукъ эте, Байкъазылыны Назир сержант чындан подполковник чыннга дери ёсгенди, бёлюмге таматалыкъ этген къуллукъдан муниципал милицияны таматасына дери къыйын, аны бла бирге, сыйлы жолну баргъанды. 15 ведомстволу саугъасы, орденлери, сыйлы грамоталарыны уа саны да жокъду, аланы хар бирини багъалылыгъын а кеси иги биле болур. Кёп болмай а, аны атын «МВД-ни сыйлы къангасына» жазгъандыла, «За заслуги в МВД» атлы ордени да барды. Былайда Назирни адеплилигини, халини ариулугъуну юсюнден да айтыргъа тийишлиди. Жашауда аллай намыслы, ишине, сёзюне кертичи, жууаплы, этген ишлери бла махтана билмеген къошакъсыз адамла хазна тубемейдиле.

Къалауурлукъгъа, къыралны, халкъны тынчлыгъын, ырысхысын сакълаугъа кесин берген, кече-кюн демей, не къыйын жумушда да артха турмагъан, низамны жолу бла баргъан адамланы сынамы, къайгъысы, сейир хапары да чексизди. Ханатий улуну аллай хапарлары бирда кёпдюле. Къуллугъуну буюргъанына кёре, тюрлю-тюрлю адамлагъа, ишлеге тю-

бей тургъанды, тюкен тонаучуладан башлап, мурдарлагъа, террористлеге дери. Назирни фахмулулугъу, къолуну неге да жарашханы, батырлыгъы да ишинде кёп кере болушхандыла. Кесинден эшитип, бир болгъан ишни айтыргъа сюеме.

1992 жылда Тырныауузну ГОВД къалауурла бёлюмюню башчысыны къуллугъунда жумушларымы тындыра турама, Ростов-на-Донугъа жангы машинала алыргъа кетген адамланы тынгысыз болуп сакълайма. Бир заманда къуугъун бла барыбызны да жыядыла. Тырныауузну ГОВД-ни таматасы Ю. С. Атмурзаев бла милицияны Эльбрус бёлюмюню таматасы С. А. Ульбашевни Дуда улуну адамлары жесирге алгъанлары белгили болады. Аманлыкъчыла ГОВД-ни таматасыны машинасы бла кетип, кеслерини машиналарын а («Иткъол» къонакъ ююню аллында бузулуп тургъан «Чайканы») ызыбыздан Хасаниягъа жетдиригиз дегенни айтадыла, сора адамларыбызны эркин этерге сёз береди.

Ростовдан сакълап тургъан машинала отделге жетгенлей, керек затланы да алып, мычымай жолгъа чыгъама. «Иткъолгъа» жетгенлей, машинагъа толусунлай къарайма, механикада ангылауум иги болгъаны себепли, кёп да турмай, «Чайканы» бузукъ жерлерин да тюзетип, жолгъа чыгъама. Мычымай ППС машинагъа тагъып, тарта бара къабындырабыз, алай бла Чегемге жетемиз. Алайда «Чайкагъа» КъМР-ни ич ишлерини министрини экинчиси милицияны полковниги Эндрейланы Магазали олтурады. Чеченлилени айтханларыча, машинагъа бензин да къуйдуртуп, суу жаны бла Хасаниягъа жууукълашып тохтайбыз, «Чайканы» шофёрун сагъат чакълы сакълайбыз. Ол да, тюз келе келгенлей, кесин къылыкъсызла жюрютюп, бир бош затлагъа илинип башлайды. «Былайы нек ишлемейди? Багажникде ушкокла къайдадыла? Къайры ургъанса машинаны?» – деп, аямай къаугъа ачаргъа кюрешеди. Ачыуланама да, боюнундан тутама. Керохуму чыгъарып, тюз быдырына тирейме. «Машинангы манга жазыпмы бергенсе? Былайгъа дери келтиргенибиз ючюн, сау бол дегиз да, адамларыбызны да бошлап, жолугъузгъа кетигиз!» – дейме. Жаш абызырайды, ызы бла машинасына олтуруп, бир затла да мурулдай кетеди. Кёп да турмай, бизни алыргъа ДПС машинала бла оперативникле келедиле, барыбыз да КъМР-ни ич ишлерини министерствосунда жыйылабыз, къутхарылгъан жесирле да анда эдиле. Жыйылыгу бошалгъандан сора, ГОВД-ни таматасы Ю. С. Атмурзаев Хасаниядан кесини машинасын келтиртирге тилейди. Ачхычлары уа жокъ, биягъы мен билгенимча чыбыкъланы келишдирип, от алдырама, Атмырза улу бла бирге Тырныауузгъа дери алай келебиз.

Бу айтылгъан Байкъазылары Назирни жашауунда болгъан ишледен бириди. Аны Ата журтубузну аллында къыйыны уллуду, Басхан ауузунда угъай, республикабызны ичинде да сыйы бийикди, анга уллу хурмет этедиле. Кючюн-къарыуун халкъына, журтуна аямагъан тири адам болгъаны себепли, ол бюгюн да жамауат ишден бир жанына турмайды. Жанхотия элни жер-жерли Советини депутаты, КъМР-ни Конституционный собраниясыны члени да болуп тургъанды, бусагъатда уа Эльбрус районну ОВД бла ВВ ветеранларыны Советини председателини экинчисиди, окъуучулары, полицияда ишлеген жаш тёлню Ата журтха суймекликге юйретген комиссияны башчысыды. Эльбрус бла Басхан районларыны школларында, сабий садлада социал педагогча ишин бардырады, аны себепли элдеде къуралгъан магъаналы байрамлада, жыйылыулада эм сыйлы къонакъгъа саналады. Жаш тёлюге кесини юлгюсю бла жашауда игиликге, огъурлулукъгъа юйретеди, сирки сабийлени тюз жолгъа салыргъа умутун юзмейди, алагъа да не заманын, не хунерин аямайды.

Аны кибик адамладыла бизни миллетибизни атын ариу бла айтдыргъанла, даража келтиргенле. Байкъазылары Назирни юсюнден бу къысха сёзюмю Черек районну администрациясыны экинчисини, отставкадагъы полковникни Уллубашлары Сахадинни айтханы бла бошаргъа суюме: «Мен Байкъазылары Назирни КъМР-ни ич ишлерини министерствосунда ал атламыларындан башлап иги таныйма. Биргесине ишлерге тюшгени ючюн да ёхтемленеме. Аныча гиртчи, къолу неге да жарашхан ётгюр офицерге кёз ачмагъанма. Атабыз айтыучу бир сёз келеди эсима: «Жолдашны жолдаш жолунда таныр, чемерни чемер къолундан таныр». Назирни жолундан, къолундан да таныйма, анга мен шагъат болама... Атам жырчы эди, аны бла билеме жигитликге жырчы шагъат болгъанын да».

ДОДУЛАНЫ Жамиля

ТОЛГЪУРЛАНЫ Бекмырза

ТАУЛУ УЧАЛА

Табийгъатыбызны, къудуретибизни ариулугъу, тамашалыгъы, бийик журтубузда жашагъанланы жарыкълыкълары, къонакълбайлыкълары, хант хазнабызны татыулугъу, татлылыгъы, сёзсюз, кёплени сейирге кълдыргъанды, кёплени, мукъуладисча, бизни тау жаннетибизге тартхандыла. Ол хант байлыгъыбыз, хазнабыз тас болуп кълмаз ючюн, жаш тёллюбюз да ол байлыгъыбызны тёллюден-тёллюге ётдюре бардырыр деген муратда биз, таулу акълсакълла, сабий заманлада таматаладан эшитген, кесибиз ёз кёзлерибиз бла кёрген бир кълауум миллет ашарыкъл бла сизни шагъырей этерге сюебиз.

Ата-бабаларыбыздан келген аш, хант хазнабыз седирей, жокъл бола барады. Тау миллетни хычинин, жалбауурун, сохтасын, жёрмесин, учасын сюймегенни республикабызда угъай, саулай Россейде да тапхан кълыйынды.

Ёски замандан бери халкълыбызда журюген бир кълауум учаны тюрлюсю бла «Минги-тау» журналыбызны окълуучуларына белгили этерге сюеме.

Чемич уча

Чемич учаны асламысында уугъа журюгенле хазырлагъландыла. Алай аны уллу кълуанчлада да эринмей этгендлие. Аны жарашдырыргъа узунлугъу бир метр, теренлиги жетмиш сантиметр, кенглиги уа алтмыш сантиметр болгълан уру кълазаргъл керекиди. Аны ташлы, суулу эм хунасы болгълан жерде кълазаргъл жарамайды. Игиси уа желим топуракълы жерде кълазсады, не ючюн десенг, желим аны ичине, тышына да хауаны иймейди. Хауа кирсе уа, иш зырафды.

Уруну тюрлюсю, тегерегин да ташла бла сырадыла. Башын гыйы ташла бла жабадыла. Бюгюнлюкде аны орунуна къланжал салыргъл, тюрлюсюне, жанларына уа отха тёллюмлю кирпични хай-

ырланьыргъа да боллукъду. Хар не да хазыр болгъанлай, уруда ууакъ тууралгъан къаты агъачдан (чынар, эмен, элме, къайын, бёрюагъач) от этиледи. Ол отха уллукълары къаз жумуртхача болгъан 4–5 ташны атып къыздырыргъа керекди.

От кюйюп бошаргъа, учаны да хазырлайдыла. Союлгъан чемични (улакъны) киндикден чаты таба бир къарыш жырып, ичин чегиледен бла ёпке-бауурдан тазалайдыла. Сора кюйюп тауусулгъан отну мыдыхын ары-бери тюзетип, ары атылгъан ташчыкъланы алып, учаны ичине саладыла. Ызы бла чибижисин, тузун эм башха кереклерин да жетдирип, тузлу суу этип, ары суйгенингча бир зат да салып, учаны андан толтуруп, иничке сыгъылгъан къара чеги бла богъурдагъына дери тигедиле. Ташчыкъла бир жерге тюшмезча, ары-бери чайкъаргъа керекди.

Башында айтылгъан затла хазыр болгъанлай, учаны ал аякъларын бирге къысып, ол халда арт аякъларын да, аланы орталары бла узунлугъуна чий агъач неда темир таякъ ётдюрюп, уруну эки жанындагъы кертиклеге салып, башын жабып, 1,5–2 сагъатха къоядыла. Хауа кирмезча, башына кырдык зылдыла салса игиди. Аны ичинден шорпасын алып ичсе да, бек татылу ашды.

Улакъ этни бишириуню энтта да бир тюрлюсюню юсюнден къысха айтыргъа сюеме. Союлгъан чемични санлап, уллу сауутха жыядыла. Ары да иги къызгъан, уллукълары жумуртха чакълы болгъан 4–5 ташны салып, 15–20 минутха къоядыла. Сора, алып, къазанда биширедиле. Тузу эм башха кереклери да кесигиз суйгенингизча къошуладыла.

Той уча

(Киеуню аты бла этилгенди)

Юч-тёрт айлыкъ къозуну териси алынады, ичи да ариу тазаланады, саулай къазанда бишириледиле. Сора жангы киеу нёргерлери бла келгенде, тамата алгъыш этип, киеу аякъ бла бирге той учаны къонакълагъа береди. Бу учаны башха къууанчлада да эте-эте тургъандыла.

Айры уча

(Ташыуул бошалгъаннга этилгенди)

Бу уча адамла къышха хазыр болгъанларыны белгисича этилгенди. Ол байрамгъа атап, къара сыра, боза да хазырлагъандыла.

Ачык жерде от этиледі. Отун кюйюп бошагъанлай, мыдыхы ары-бери жайылады, аны эки жанына эки айры къазык урулады. Аланы бийикликлери уча кюймезча болургъа керекди. Учаны чаты бла ёнгечи буруну жютю болгъан жабышмакъ неда къайын таякъгъа сугъадыла. Ызы бла уча эки айры къазыкъгъа орнатылынады. Учаны бура-бура турурча, таякъны бир кыйырына кенделен агъашчык урулады. Жюрегинг жаратханча суугъа туз, жыгыра, чибижи, сарымсах кшошулады да, аны ол учаны юсюне къуя-къуя биширесе.

Уру уча (Эгизле туугъанда этилгенди)

Ёмюрден бери беш да тау элде жюрюген аламат адет болгъанды: юйюрге биринчи туугъан жашха (тунгучха) жоралап атап, къурманлыкъгъа Уру уча хазырлагъандыла.

Аны юсюнден кеп даулашла жюрюйдюле Беш да тау элде бызынгылыла анга Бызынгы уча да дейдиле, малкъарлыла – Малкъар уча, чегемлиле, басханчыла да жууургъанны кеслерине тартыргъа кюрешедиле. Алай халкъда уа ол Уру уча деп жюрюйдю.

Малны уллулугъуна кёре (игиси – кёзу), төртгюл уру къазылады, теренлиги – 130 см, эни – 80 см. Уруну туюбу, къабыргъалары да суу неда гыйы таш бла тапчык къаланады (бююнлюкде кирпич бла къаларгъа да боллукъду). Ол уруну ичинде къаты агъачдан (чынар, эмен, кюйрюч, кёкагъачдан, бёрюагъач, къайын) от тиргизиледи. Отун кюйюп бошагъанлай, мыдых тюзетиледи. Союлгъан малны чаты бла ёнгечге сюрю таяк ётдюрюледі. Уруну эки жанында кезле кёояргъа керекди, уча таякъны кыйырлары ары салынырча. Ол кезчикле уа уруну баш жанындан бир 40 см. энишгерекде болургъа керекдиле. Учаны уругъа орнатхынчы юсюне тузлу суу, жыгыра, къара чибижи себедиле. Уча жерине орнатылгъанлай, уруну башы, хауасы чыкмазча, гам жабылады. Бурун заманда уруну гыйы таш бла жапхандыла, юсюне дагъыда зылды бла къыртиш гыйыла салгъандыла. Жепи къоймаз ючюн, зылдыла юсюне топуракъ къуяргъа да боллукъду. Бусагъатла уруну башын темир къанжал бла жабаргъа да боллукъду.

Уча уруда 1,5–2 сагъат турургъа керекди.

Сют уча

*(Мал чалмандан чыккыганда,
кѳозу айырылгандан этилгенди)*

Кѳозу уча тап бишерча, кѳазанда 3–4 литр суу кѳайнай тургъанлай, юсюне сют кѳуюлады. Туз, чибижи, сарымсах, жыгыра кереклисича атылады. Бишип алыннгандан сора уа, 8–10 сагъат сууса, сют уча аллай бир татыулу боллукъду. Сют тѳгюлмез ючюн, аны сыпыра-сыпыра турургъа керекди.

Кѳмюлген уча

(Жортуулдан кѳайтханда этилгенди)

Кѳозуну боюну кесилгенден сора, териси алынмайды. Ызы бла бир кѳарыш тенгли быдыры жырылады, ѳпкеси, баууру, чегиси, кѳууугъу, быдыры чыгъарылады, ичи ариу тазаланады. Ол жарылгъан жери бла ичине жууа, туз, жыгыра, сарымсах, чибижи салынады. Алгъын кѳара чегини тазалап, аны бла ол жарылгъан жерин, боюнун да, кесилгенин да жѳрмелегендиле. Сора сары (желим) топуракъны худур этип, ол кѳой мыллыкны юсюне кѳалын жагъадыла. Уча, тюз картоф кѳмюлгенча, мыдыхха тапчыкъ кѳмюледи. Юсюне кѳазылгъан топурагъы кѳуюлады, тепленеди. 6–8 сагъатдан бишген уча чыгъарылады. Териси юсюнде тургъанлай, тѳгю саулай алынып кѳады, ол кѳатхан желим топуракъ бла бирге. Орта Азияда уа башда айтылгъан амал бла кѳанатлыланы да хазырлап болгъандыла.

Кѳмюлген учаны мен Дарман сууда (Жылы сууда) 39-чу жылда кѳргенме. Атамы эгечинден туугъан Тебердиланы Илияс бла барама ары – кѳой кѳошха. Бара баргъаныбызлай, Илияс, Кѳара кѳаягъа уугъа чыгъып, эки жумарукъ атып келеди. Терк окъуна аланы ичлерин кетерип, тѳклери да тура тургъанлай, тышларындан сары топуракъ балчыкъ жагъып, тюз картоф кѳмгенча, отну мыдыхына букъдурады.

Бир ауукъдан аланы чыгъарып, тышларын тазалап, ашагъаныбыз эсимдеди. Бек татыулу аш эди.

Илияс, бир ыйыкъ озгъандан сора, Озарукъланы Мухамет-Олийге:

– Кѳозуладан бирин терк окъуна сой да, Кѳмген уча эт...

Кѳозуну, тюз жумарукъну этгенча, чегисин, ѳпке-бауурун кетерип, ариу тазалап, ичине жууа (тау сарымсах), туз, жыгыра, кѳарампил да себип, терисин да алмагъанлай, жарылгъан жерин да кѳара чеги бла жѳрмелеп кѳойгъан эди.

Мезди уча

*(Бу учаны кӧлундан келген тукъум этгенди,
жюзжыллык кӧартын сыйлап)*

Мезди учаны башын жармай, иги биширип, алай салгъандыла, аны тишлерин алып жашчыкълагъа бергендиле. Сен да кӧп жаша деп алгъыш этип, атасы-анасы ол тишлени асырап тутхандыла.

Былымда Толгъурланы Мезди учалары дегендиле. Мен кесини тукъумун жазды деп терс кӧрарла деп, хапарын да жазмагъанма. Мездини ыстым, сабан тойлада башын жармагъандыла. Ыстым тойда башны кӧурукъгъа чанчып, ёре сюегендиле. Не кӧадар бийик болса суйгендиле, аны алгъан бек кӧыйын болгъанды. Аны алгъаннга уллу нохтабау этгендиле, ол жашха башдан-аякъ кийим, кӧама, герак, жамычы, башлыкъ салгъандыла.

Жарсыугъа, мезди не болгъанын билмегенле уллайгъан адамланы араларында окъуна тюбейдиле. Эки ананы эмген бузоугъа мезди дегендиле. 3–4 айлыкъ мезди тананы кӧурманлыкъ этгендиле.

Бурун заманда бизде уллу кӧазанла болгъандыла, сӧз ючюн, сау ёгюзню, бугъаны эти сыйынып бишерча. Ата-бабаларыбыз 6, 8, 10, 12-айлыкъ мезди тананы союп, учасын а багъыр кӧазанда биширгендиле. Сора сыйлы кӧонакъгъа, тукъум таматалагъа, 100-жыллыкъ акъсакъаллагъа атап, Мезди учаны салгъандыла.

Тамата боза, сыра аякъ кӧтюргенден сора, жыйылгъанлагъа учадан юлюш чыгъаргъанды, кӧалгъанын а элде саусузлагъа, кӧарыусузлагъа юлешгенди. Муну мен кесим этип кӧрмегенме, алай хапарын Былымда жашагъан Шауаланы Тападан эшитгенме. Ол кеси да жюзден аслам жыл жашап ёлгенди.

Учаланы хар тюрлюсюне да тузлу суу, чибижи, сарымсах, жыгыра, хар ким кеси суйгенича бир себерге керекди.

Кӧонакъ уча

Бу учаны билмеген таулу болмаз. Кӧой союлады. Аркъа омуруу алынады. Андан кӧалгъан сюеклери юсюнде тургъанлай, туз, жыгыра сюртюлюп, кюнде кӧатдырылады. Кюн болмаса, ожакъгъа да такъгъандыла, тюбюнден мурса от этип кӧатдыргъандыла. Алай бла таулула кӧышха жетерча бир кӧакъ учаланы хазырлап, гумугъа жыйгъандыла. Аны тууар малдан да этгендиле.

Къойчу уча

Учаны бир тюрлюсю: Къойчу уча. Къозуну сояса. Уллу къазаннга уа 1–2 литр сууну къайнатаса. Ол къайнагъанлай, юсюне сют къуяса. Сют боркъулдап тебирегенлей, ары къозу учаны саласа. Бишгенине кёре, ал да аша.

Бек биринчи ашладан бирине саналлыкъды Къойчу уча.

Къазан уча

Учаланы бир тюрлюсю: Къазан уча. Къойну этин, сан-сан этмегенлей, саулай уллу къазаннга салып биширесе. Къазан учаны этин къалияр тузлукъ бла ашасанг, бек аламатды.

Мындан арысында да халкъыбызда бурун заманладан бери малдан этилген хантны юсюнден билгенимча, жаш тёллю юйренирча жазаргъа акъылым барды. Биз алай этмесек, баям, миллетде жүрюген алтын аш хазнабыз тас, гунч болуп кетерге кърккыу барды.

Эсиме тюшген бир къауум затны сизге ачыкзлап бердим. Алай менден иги да, кёп да билгенле миллетибизде аз туюлюдюле. Ала да жаш тёллюбюзню эшитгенлери, кёргенлери бла шагъырей этселе, иги болукъ эди.

БАШЛАРЫ

БАЙСОЛТАНЛАНЫ АЛИМГЕ – 100 ЖЫЛ

- Геннадий КОММОДОВ. Шимал Кавказда Совет Союзу биринчи
Жигити. *Статья* 2

ЖИГИТ ЁЛСЕ, АТЫ ЖЫРДА КЪАЛЫР

- МОКЪАЛАНЫ Магомет. 32 Сонет. *Назму* 10
БОТАШЛАНЫ Исса. Байсолтанланы Алимни жыры. *Назму* 10
БАЙСОЛТАНЛАНЫ Жамиля. Алим. *Назму* 11

ТОЛГЪУРЛАНЫ ЗЕЙТУННГА – 80 ЖЫЛ

- САРБАШЛАНЫ Алёна. Къалам жютюлюк туудургъан ёлюмсюз
чыгъармала. *Статья* 13
ТОЛГЪУРЛАНЫ Зейтун. Айыгуташ. *Повесть* 41

ПРОЗА

- Николай ИВАНОВ. Вход в плен бесплатный, или Расстрелять
в ноябре. *Повесть* 76

ХАЛКЪЫБЫЗНЫ ЁМЮРЛЮК ХАЗНАСЫНДАН

- Шырдан бла Нёгер. *Нарт таурух*.
БЕГИЙЛАНЫ Абдуллах хазырлагъанды 182

МИЛЛЕТНИ АХШЫ АДАМЛАРЫ

- ДОДУЛАНЫ Жамиля. Ётгюр Назир. *Очерк* 213

ХАЛКЪЫБЫЗНЫ ХАНТ ХАЗНАСЫНДАН

- ТОЛГЪУРЛАНЫ Бекмырза. Таулу учала 217

МИНГИ-ТАУ / ЭЛЬБРУС / № 1 (203)

*Литературно-художественный
и общественно-публицистический журнал*

На балкарском и русском языках

Учредитель

ГКУ «КБР-МЕДИА»

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ07-00128 от 11 января 2018 г.

Компьютерная верстка *А. С. Бозиевой*

Корректор *Т. С. Гелястанова*

Художник *В. К. Баккуев*

Сдано в набор 09.01. 2019. Подписано в печать 31.01. 2019.

Выход в свет 27.02. 2019. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14, 00.

Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 700 экз. Заказ № 26. Стоимость одного номера
по подписке через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.
В розницу цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

Отпечатано в типографии «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

*Редакция авторла бла къагъыт байламлыкъ жюриютмейди. Къол жазма-
лагъа кесамат этилмейди, ала ызларына къайтарылмайдыла. Басмаланган
затланы авторларыны оюмлары бла редколлегияны кёз къарамы бирча бол-
мазгъа боллукъду. Мында чыкъгъан материалланы башха жерде басмала-
гъанда, была «Минги-Тау» журналдан алыннгандыла деп чертген борчду.*

МАММЕЛАНЫ ИБРАГИМ

Маммеланы Шакъманны жашы Ибрагим 1919 жылда Кёнделенде туугъанды. 1939 жылда аскерге чакъырылады, ызы бла Уллу Ата журт урушха къатышады. Бир бёлек заманны ичинде генерал Н. Ф. Ватутинни сакълагъан энчи къауумуна кирип, къуллукъ этгенди. Маршал Г. К. Жуковну сакълагъан къауумгъа уа Н. Ф. Ва-

тунин ёлгенден сора тюшгенди. Анда къуллукъ эте, Маммеланы Ибрагим Берлиннге дери жетгенди. Германияны генераллары толу капитуляциягъа шагъатлыкъ этген къагъытлагъа къол салгъан заманда Ибрагим эшик сакълагъан къалауурланы ичинде болгъанды. Уруш бошалгъанын да Г. К. Жуковну кесинден эшитгенди.

Ибрагим кёчгюнчюлюкню азабын халкъы бла бирге толу сынагъанды. Сюргюнден къайтхандан сора, «Коммунизмге жол» газетде ишлеп башлайды. Бир кесек замандан Маммеланы Ибрагимни жангы ачылгъан Малкъар театргъа чакъырадыла.

Маммеланы Ибрагимни чыгъармачылыгъында энчи жерни назмула, поэмала, тамсилле эм чам хапарла аладыла. Аны сабийлеге аталгъан чыгъармалары да бардыла. Маммеланы Ибрагим – Къабарты-Малкъарны сыйлы артисти, СССР-ни жазыучуларыны Союзуну члени. Алты китапны, онтёрт пьесаны авторуду, аладан тогъузусун малкъар тилге кёчюргенди.

ЭЛБРУС МИНГИ-ТАУ

Редакцияны телефонлары:

42-23-40, 42-76-52, 42-40-29, 42-38-66, 42-76-19

Адреси:

360000, г.Нальчик, пр.Ленина, 5 «Минги-Тау»,

www.journals.smikbr.ru; mingitau@mail.ru

Индекс 73910

МАММЕЛАНЫ ШАКЪМАННЫ ЖАШЫ ИБРАГИМ

*КъМАССР-ни сыйлы артисти
СССР-ни жазыучуларыны Союзуну члени*